

Л. М. ДЕМИН

НА ДАЛЬНИХ ОСТРОВАХ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. М. ДЕМИН

НА ДАЛЬНИХ ОСТРОВАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

91 (И5)
Д30

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель),
Л. Б. АЛАЕВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
Н. А. СИМОНИЯ

Демин Л. М.

Д 30 На дальних островах: М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

183 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Автор, корреспондент «Правды» в Индонезии в 60-х годах, рассказывает о своих поездках на Северную Суматру, Калимантан и Западный Ириан, о встречах с людьми, о нравах и обычаях местного населения.

Д 20901-142 — 130-80. 1905010000
013(02)-80

91 (И5)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980,

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Книга путевых очерков «На дальних островах» служит как бы продолжением предыдущей книги под названием «Из яванского дневника». В ее основу тоже легли дневниковые записи и заметки, накопившиеся за время работы автора в Индонезии в качестве корреспондента «Правды». Автор поделится с читателем своими впечатлениями о поездках на Северную Суматру, Южный Калимантан и Западный Ириан. Каждый из этих районов отличается не только богатством пышной тропической природы, но и характерными чертами населяющих его народов. Современная этнографическая карта Республики Индонезии необычайно пестра. Страну населяют десятки народов, имеющих при всей общности индонезийской культуры и много своего, самобытного. По долгу корреспондентской службы автору доводилось бывать в разных частях архипелага, встречаться с представителями разных народов — батаками Северной Суматры, банджарами и даяками Калимантана, жителями Ириана — и везде находить неповторимое своеобразие.

Поездка автора на Ириан совпала по времени с проведением там опроса представителей населения, которые высказались за окончательное воссоединение этой территории с Республикой. Так была решена проблема Западного Ириана, бывшая до этого источником острого международного конфликта, и завершилось территориальное воссоединение Республики Индонезии.

Автор включил в настоящую книгу некоторые страницы одной из своих предыдущих книг об Индонезии «Над Мерапи облака», где рассказывается о трех вышеуказанных регионах.

Книга иллюстрирована photographиями, любезно предоставленными автору для публикации Министерством информации Республики Индонезии.

От индонезийской столицы Джакарты до Медана, центра провинции Северная Суматра, по прямой линии более тысячи двухсот километров. Но при современных средствах транспорта это расстояние — не расстояние. Пассажирский самолет преодолевает его менее чем за два часа.

Остаются позади огромная Джакарта, столичный порт Танджунгпериок с кораблями и причалами, огражденный пирсом ковш внутренней гавани. Под нами Яванское море, спокойное, нежно-лазоревого. В ровную морскую гладь вкраплены небольшие зеленые островки и коралловые отмели. Это архипелаг Пулау-пулау серибу, что означает «Тысяча островов». Состоятельные жители столицы отправляются на один из островков в воскресный день, наняв катер или мотобот, чтобы полюбоваться морскими пейзажами, искупаться в море, порыбачить. На некоторых островках можно различить одну-две хижины, а то и целое поселение. Многие же из них необитаемы и служат лишь временным пристанищем рыбаков. Жители маленького архипелага в основном кормятся за счет даров моря, занимаясь ловлей рыбы, морских моллюсков, ракообразных, а также собирая кокосовые орехи.

Нелегко труд рыбаков. В последние годы в водах, омывающих острова Индонезии, все более интенсивно ведут лов морские траулеры Японии, Южной Кореи, некоторых других стран, располагающие современными техническими средствами. Индонезия заключает с ними специальные рыболовные соглашения, пытаясь как-то регламентировать объем вылавливаемой добычи. Ведь дары моря не могут быть неисчерпаемыми. А от морского промысла зависит существование миллионов индонезийцев, проживающих в прибрежных районах. Но в условиях Индонезии, при огромной протяженности ее бе-

реговой линии и сравнительно малочисленном сторожевом флоте, подобная регламентация практически трудно осуществима. Как нередко сообщает индонезийская печать, иностранные рыболовы, в частности японские и южнокорейские, нарушают заключенные соглашения, ведут хищнический лов рыбы в индонезийских территориальных водах сверх установленных квот. Браконьерство наносит ощутимый ущерб индонезийским рыбакам, вынужденным выходить на промысел все дальше и дальше в море. Им трудно соревноваться с иностранными рыболовецкими судами, оснащенными самыми современными средствами лова. Это заставляет индонезийских рыбаков объединяться в кооперативы или арендовать в складчину моторный катер. Но за аренду катера, принадлежащего обычно богатому китайцу, приходится расплачиваться частью улова, к тому же весьма значительной.

Тысяча островов остается позади. Минуем северо-западную оконечность Явы, пролив Сунда, или Зондский, отделяющий этот остров от соседней Суматры. Сверху пролив кажется совсем нешироким.

Вот и суматранский берег, песчаная кромка пляжа, холмы, поросшие кокосовыми пальмами, поля, деревушки, извилистая линия проселка. Кажется, обычный пейзаж, мало отличающийся от привычного яванского. Эта местность на крайнем юго-востоке Суматры носит название Лампунг и выделена недавно в отдельную провинцию. Район Лампунга примечателен тем, что вот уже в течение многих лет сюда направляется поток переселенцев из густонаселенной Явы. Остров Ява принадлежит к числу самых перенаселенных территорий на земном шаре. В некоторых сельских районах центральной части этого острова плотность населения достигает тысячи и даже двух тысяч человек на квадратный километр. Никаких резервов посевных площадей здесь нет. Идет неукротимый процесс дробления крестьянских наделов на все более и более карликовые, процесс пауперизации крестьянства. Деревня непрерывно выплескивает массы деклассированных, голодных, лишенных всяких средств к существованию людей. Они устремляются в города в поисках заработка. Так на Яве идет довольно быстрый процесс урбанизации. Седьмая часть населения острова живет в девятнадцати наиболее круп-

ных городах. Население столицы далеко уже перевалило за пять миллионов. Более миллиона человек живет в Сурабѳе, а также в Бандунге. Однако урбанизация вызвана на Яве не индустриализацией, которая требует притока рабочих рук из деревни. Хотя в последние годы в Индонезии, в основном на Яве, создается немало новых промышленных предприятий, они не могут рассосать огромную армию безработных. Нельзя забывать и о высоком естественном приросте населения.

Правительство Республики Индонезии серьезно озабочено этими проблемами и вот уже в течение многих лет проводит так называемую политику трансмиграции, т. е. перемещения части избыточного населения из наиболее густонаселенных районов Явы и Мадурѳ в малонаселенные районы других островов. Центральные и местные власти предоставляют переселенцам помощь на первоначальное обустройство хозяйством на новом месте, инвентарь, семена, содействуют в освоении целины.

Процесс трансмиграции далеко не всегда проходит гладко, без серьезных затруднений. Освоение целинных земель и перемещение переселенцев требуют огромных средств. Приходится расчищать джунгли, осушать болота, использовать корабли торгового флота для перевозок. В этом отношении финансовые и технические возможности правительства Индонезии ограничены. Многие планы трансмиграции не удалось полностью выполнить. Но каковы бы ни были трудности или недостатки в организации переселения, отрицать целесообразность этого мероприятия и полезные его результаты не приходится. Начиная с середины 50-х годов десятки и даже сотни тысяч человек переселились с Явы и Мадурѳ на другие острова, способствуя освоению новых районов и расширению производства сельскохозяйственных культур. Переселенцы получают обычно надел в два гектара, сооружают легкие хижины. В крупных поселениях возводятся начальная школа, мечеть, контора лураха — деревенского старосты.

Быстро промелькнули культурные ландшафты с полями и поселениями, напоминающие яванские. Теперь тянутся густые, малообжитые джунгли — зеленый ковер, разрисованный прожилками рек. Попадаютѳ широкие, многотводные реки, растекающѳеся на протоки, образующие острова. Воды рек мутно-желтые от ила. Уз-

кие змеистые притоки иногда теряются в болотах и лесных чащобах, а потом вновь прорываются, чтобы слиться с более крупной рекой.

Даже из окна самолета заметны географические различия между Явой и Суматрой. По площади Суматра в три с половиной раза превышает Яву, но ее население в двенадцать раз меньше. Заселен и освоен этот гигантский остров крайне неравномерно. Обрабатывается только 10% территории Суматры. Мы летим над наименее освоенной и заселенной частью острова — обширной низменностью, протянувшейся вдоль его восточного побережья. Справа от нас синее море. Береговая линия сильно изрезана. Дельты рек образуют причудливые лабиринты рукавов, омывающих лесистые острова и островки. Низменность ближе к морскому побережью становится все более заболоченной.

В лесах Суматры, в отличие от Явы, еще сохранился довольно богатый животный мир. Слоны и тигры здесь не редкость. В реках и болотах часто встречаются крокодилы и родственные им клюворылые гавиалы, отличающиеся от своих сородичей длинной, сильно вытянутой мордой.

Пролетаем над широкой, полноводной рекой Муси. По ней плывут какие-то суденышки, плоты, лодки. В низовьях этой реки стоит крупный город Палембанг. Во время приливов сюда могут подниматься морские суда. Это важный порт по вывозу нефтепродуктов. В районе Палембанга находятся крупные нефтяные месторождения и нефтеперерабатывающие заводы. Мелькают внизу заводские сооружения, бараки, нефтяные вышки на голых участках, отвоеванных у джунглей.

Когда-то давно здесь, в районе Палембанга, находился центр средневековой суматранской империи Шривиджайя. В пору расцвета и наивысшего могущества этого государства власть его правителей распространялась также на Малаккский полуостров, крайний запад Явы и на некоторые другие территории. Основу хозяйства Шривиджайи, контролировавшей важный торговый путь через пролив Малакка, составляла морская торговля. Средневековые суматранские города строились в устьях и низовьях больших рек и состояли в основном из свайных построек, а часть обитателей жила на плотках. Подобные свайные сооружения сохранились у

жителей низменных прибрежных районов Восточной Суматры и Калимантана и по сей день. И они могут дать некоторое представление об облике городов прошлого. Дерево и бамбук были главным строительным материалом. В легких свайных постройках жили и представители феодальной верхушки, и богатые купцы. Их жилища отличались от жилищ простолюдинов лишь размерами и художественной отделкой.

В конце XIII в. пришедшая в упадок Шривиджайя распалась. Слабая централизация государства, сепаратизм местных феодалов, а также перенесение торговых центров на Малаккский полуостров способствовали этому распаду. В середине XIV в. Восточная Суматра попала под власть восточнояванского государства Маджапахит, переживавшего в ту пору эпоху своего расцвета.

Шривиджайя оставила нам, в отличие от яванских государств, крайне мало археологических памятников или письменных источников в виде исторических хроник, эпиграфики. Жилые и ритуальные постройки здесь возводились из дерева, материала недолговечного. Из-за скудости источников мы можем представить историю суматранской империи лишь весьма схематично. До сих пор неизвестна полная хронология правителей Шривиджайи. Некоторые отрывочные сведения об этом государстве дают нам китайские хроники. Для индонезийца имя Шривиджайя олицетворяет одну из славных страниц истории его родины.

Вновь вижу бескрайние заболоченные джунгли, порезанные реками. Еще одна многоводная река. Это Батанг Хари. На ее берегу стоит город Джамби, центр одноименной провинции. В окрестностях города также ведутся разработки нефтяных месторождений. Нефть перекачивается отсюда по нефтепроводу в район Палембанга для переработки и вывоза.

Еще и еще широкие, извилистые ленты рек. Нефтяные вышки на лесной поляне. Река Кампар, переходящая в широкую стокилометровую губу. Опять нефтяные вышки. Это провинция Риау, важный район нефтедобычи. Все восточное побережье Суматры представляет богатейший нефтеносный район страны и всей Юго-Восточной Азии. Здесь добывается не менее 90% индонезийской нефти. Главный добытчик нефти в этом районе — американская монополистическая компания «Кад-

текс», построившая еще в конце 50-х годов специальный морской порт Думай для вывоза нефти. Порт связан нефтепроводом с ближайшими промыслами. В последние годы нефтяные монополисты проявляют интерес к возможностям добычи нефти на морском шельфе, а также продолжают вести интенсивные поиски новых месторождений на суше.

Справа на горизонте зеленое пространство джунглей дробится протоками и проливами, составляя причудливую мозаику островов. Там начинается Малаккский пролив. Это уже государственная граница, морская граница. За проливом соседние государства — Республика Сингапур и Малайзийская федерация. Еще не так давно, в позапрошлом и даже в прошлом веке, укромные бухты и протоки между пустынными болотистыми островками у входа в Малаккский пролив были прибежищем пиратов. Морских грабителей привлекал оживленный торговый путь, связывавший Индийский океан с Тихим, страны Южной Азии и Арабского Востока со странами Индокитая и Дальнего Востока. Через пролив проходили торговые корабли под флагами многих стран мира с китайским чаем, шелком и фарфором, вьетнамским рисом, пряностями с Молуккских островов, английскими тканями, индийским опиумом, аравийскими благовониями. Местные малайские и китайские пираты редко отваживались нападать на крупные европейские торговые суда, следовавшие обычно под вооруженной охраной. Зато нередко их добычей становились китайские джонки, арабские и индийские парусники.

В наше время пиратство почти ушло в область преданий. Лишь иногда о пиратских историях вспоминают в голливудских или гонконгских кинобоевиках. А современные грабители действуют с несоизмеримо более широким размахом, к тому же на законных, так сказать, основаниях, имея концессионные договоры, контракты, соглашения. Речь идет об иностранных империалистических монополиях типа упоминавшегося нами «Калтекса», хищнически опустошающих природные ресурсы страны. Эксплуатация нефтяных месторождений, лесных богатств, экспорт ценных плантационных культур приносят монополистам огромные прибыли. По сравнению с ними грозные пираты прошлых веков, вооруженные бронзовыми пищалями и кривыми кинжалами, грабившие мел-

кие торговые корабли в Малаккском проливе, выглядят жалкими дилетантами.

Однако и в наши дни район пролива с его укромными островками, бухтами, извилистыми протоками не потерял своего прежнего уголовно-романтического ореола. Разница лишь в том, что наследники прежних лихих пиратов изменили свою специализацию сообразно духу времени и стали контрабандистами. О широком распространении контрабанды мне рассказывали официальные представители военных и гражданских властей Северной Суматры. По их словам, современные контрабандисты — это в основном местные китайские торговцы, имеющие прямые контакты с Сингапуром, Пенангом, Гонконгом и даже с Китайской Народной Республикой. Они доставляют много хлопот властям, поскольку огромная протяженность морской границы Индонезии и слабость ее сторожевого флота затрудняют эффективную борьбу с морской контрабандой.

Государственные руководители Индонезии не раз заявляли, что контрабандная торговля в обход таможенного контроля лишает Республику Индонезию значительных доходов, исчисляемых десятками миллионов долларов. Эти доходы, которые по праву должны были бы принадлежать индонезийскому государству, попадают в карманы не только местных контрабандистов, но и иностранных монополистов, не брезгующих скупать по дешевке контрабандное сырье. По мнению газет, чтобы искоренить это зло, недостаточно наладить эффективную морскую пограничную охрану. Нужно повести решительную борьбу с продажностью, корыстолюбием коррумпированного чиновничьего аппарата.

Джунгли расступаются и открывают нашему взору плантации, расчерченные прямыми дорогами. Начинают попадаться населенные пункты. На север уходит железная дорога. По ней крохотной гусеницей ползет поезд, оставляя позади себя белый дымок. На Суматре нет сплошной сети шоссе и железных дорог, как на Яве. Здесь есть лишь три изолированные железнодорожные линии с небольшими ответвлениями: на юге, на западе центральной части и на северо-востоке острова. Дороги соединяют важнейшие порты с районами плантаций, лесозаготовок и нефтепромыслов. С Западной Явы можно попасть на паромной переправе на Южную Су-

матру. Но отсюда практически невозможно добраться сухопутными дорогами до Аче, северной оконечности острова. Правда, давно уже вынашиваются грандиозные проекты строительства транссуматранских магистралей — шоссейной и железнодорожной. В Джакарте, в центре города, я даже видел вывеску какой-то организации, занимающейся этим проектом. Но до стадии практической реализации дело пока не дошло.

Населенные пункты встречаются все чаще. На плантациях можно различать ровные ряды масличных пальм и гевей. Самолет снижается, приближаясь к Медану.

ГОРОД МЕДАН

Аэропорт Медана носит название Полония. Оно произошло, как мне объяснили, будто бы от того, что еще в довоенные времена в этой местности находилась плантация, принадлежавшая каким-то полякам.

Наше генеральное консульство размещалось невдалеке от аэропорта, на тихой зеленой улочке. Здесь я и поселился во флигельке, в комнате уехавшего в отпуск сотрудника. Товарищи встретили меня с исключительным гостеприимством. Коллектив консульства невелик, поэтому все рады советским гостям. Иногда в ближайший порт заходят наши торговые корабли. Представитель нашего торгпредства ведет в районе Медана закупки каучука. В первой половине 60-х годов на Северной Суматре работал большой отряд советских специалистов: геологов, гидрографов, энергетиков, исследовавших район реки Асахан. Она — единственный сток высокогорного полноводного озера Тоба и течет с запада на восток, впадая в Малаккский пролив южнее Медана. При своей небольшой протяженности эта горная река отличается значительным уклоном. Множество каменистых перекатов, стремнин, порогов, водопадов встречается на реке, особенно в ее верхнем течении.

Советские специалисты провели тщательные исследования режима реки, выявили огромные запасы гидроэнергии и представили индонезийской стороне подробную документацию. Они обосновали возможность и целесообразность строительства на Асахане комплекса гидросооружений, которые могли бы обеспечить электроэнер-

гией целый ряд крупных промышленных предприятий. К сожалению, советско-индонезийское сотрудничество на Северной Суматре, начавшееся столь плодотворно, не получило дальнейшего развития. Но в этом была не наша вина.

В первой половине 60-х годов происходит сближение между сукарновской Индонезией и КНР, складывается пресловутая «ось Джакарта — Пекин». Используя это сближение, пекинские руководители всячески стремились оказать на Индонезию давление с целью способствовать ухудшению советско-индонезийских отношений, свертыванию экономических связей между обоими государствами. Эти усилия были явно видны на Северной Суматре, где некоторые тогдашние провинциальные руководители оказались под влиянием пекинского руководства. При попустительстве местных властей консул КНР в Медане повел себя с наглой развязностью, грубо игнорируя общепринятые нормы международного права и заняв откровенно враждебную позицию в отношении советского генерального консульства. Генеральный консул СССР был старшим по рангу среди консульских представителей в Медане и поэтому считался дуаиеном, т. е. старшиной местного консульского корпуса. Это демонстративно игнорировалось китайским консулом, стремившимся взять на себя роль старшего и занимать на всяких официальных приемах первое место. Наглые действия этого самозваного старейшины вызвали коллективный протест со стороны всего консульского корпуса. В такой сложной обстановке приходилось тогда работать нашим товарищам.

Когда я приехал в Медан, здешнее консульство Китайской Народной Республики, как и посольство в Джакарте, было закрыто. Знакомясь с городом, я часто встречал на зданиях вывески иностранных консульских представительств и разноцветные флаги на флагштоках. В Медане держат своих консулов, кроме западных держав и Индии, также и некоторые малые страны, например Швейцария и Бельгия, имеющие в районе Северной Суматры экономические интересы. Некоторые консулы являются внештатными, т. е. непрофессиональными дипломатами. Они выполняют свои консульские обязанности по совместительству со своей основной работой в коммерческой фирме. Так, обязанности бельгийского

консула выполнял управляющий бельгийскими плантациями Владимир Владимирович Дэль, сын обрусевших шведов, живших когда-то в Петербурге.

Кого только не встретишь во время зарубежных поездок! Перелистываю странички моих дневников и встречаю имена русских эмигрантов или их потомков, заброшенных волею судьбы в Юго-Восточную Азию. В Бандунге в конце 50-х годов довелось встретить Дмитрия Николаевича Оболенского, князя, родственника Льва Толстого, скромного преподавателя. Сейчас он доживает свой век на островах Филжи в Тихом океане. В те же времена я познакомился в Джакарте с английским коммерсантом Алексеевым, немолодым уже, маленьким кругленьким блондином. Он свободно говорил по-русски, хотя и с акцентом. Его жена, молоденькая миловидная англичанка, русским совсем не владела. Представляясь мне, коммерсант сказал не без самодовольства: «Фамилия Алексеевы вам ни о чем не говорит, сэр? Ваш великий Константин Сергеевич Станиславский был моим родным дядей».

Медан — город сравнительно молодой. Стоит он при слиянии рек Бабура и Дели на низменной равнине, километрах в двадцати от побережья Малаккского пролива. Еще в начале века это было небольшое поселение, окруженное джунглями. Оно стало расти по мере освоения обширного района табачных, каучуковых, пальмовых, кофейных и иных плантаций, принадлежавших иностранному, преимущественно голландскому, капиталу, Медан стал узлом железных и шоссейных дорог, здесь строились предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, открывались отделения иностранных фирм. Железнодорожная ветка связала город с портом Белаван-Дели, через который стала вывозиться с Северной Суматры основная масса экспортируемого сырья.

Еще в начале 30-х годов город был невелик. Его стремительный рост начался после достижения страной независимости. Медан приобретает важное значение как административный, экономический и культурный центр провинции Северная Суматра, становится самым крупным городом на всем острове. Сейчас его население превышает 600 тысяч.

В Медане я неоднократно бывал еще в конце 50-х годов. С тех пор город мало изменился, хотя и раздался

вширь, оброс трущобами-кампунгами. Этот процесс идет во всех больших индонезийских городах. Но все-таки социальные контрасты в Медане не так бросаются в глаза на каждом шагу, как в Джакарте, Сурабае или других крупных яванских городах. Здесь нет такой скученности и процесс деклассирования не принял такого массового характера.

Медан — город зеленый, живописный. Лишь небольшая часть его центра, прорезанная двумя-тремя параллельными узкими улицами, составляет район сплошной застройки. Здесь здания в два-три этажа образуют единые линии фасадов. Это деловая часть Медана, где сосредоточены магазины, торговые фирмы, редакции газет, всевозможные учреждения. Остальная часть города застроена особняками с верандами, утопающими в зелени садов. Крупные правительственные чиновники, генералы, дельцы, представители иностранных фирм обитают в роскошных особняках, прячущихся под кронами деревьев. И сады в них пообширнее. Рядовые служащие, люди среднего достатка живут в скромных домиках, которые теснее жмутся друг к другу.

В центральной части города много построек, возведенных еще в колониальные времена. Среди них выделяются здания почтамта, гостиницы, конторы губернатора, разных провинциальных учреждений. Некоторые из них монументальны, помпезны, украшены башнями, портиками, аркадами. Рядом с деловыми кварталами огромный крытый рынок, один из крупнейших во всей Юго-Восточной Азии. Под стеклянными сводами рынка громоздятся груды разнообразных тропических фруктов и овощей, в корзинах кудахчут куры, гогочут гуси. Любители даров моря могут выбрать рыбу в любом виде: свежую, соленую, вяленую. Тут же копошатся еще живые крабы, морские раки, креветки, моллюски. Любители китайской кухни найдут здесь и жирных лягушек. Пропахший пряностями рынок оглашается криками торговцев и покупателей. Рыночная толпа пестра и разноязычна. Встретишь здесь и прибрежных малайцев, и выходцев из внутренних горных районов острова — батаков, китайцев, индийцев, европейцев.

Северная Суматра ведет довольно оживленную торговлю непосредственно с Сингапуром и малайзийским портом Пенангом. Сингапур закупает на Северной Су-

Дворец бывшего султана в Медане

матре овощи, фрукты, мясной скот, а также каучук и другие сырьевые продукты для реэкспорта. Меданские же торговцы покупают у своих партнеров различные товары широкого потребления. Торговля эта находится в основном в руках местных китайцев, поддерживающих традиционные связи со своими сингапурскими и малайзийскими соплеменниками.

На рынке Медана можно встретить почти все привычные для нашей кухни овощи: картофель, капусту, лук, морковь и др. Их привозят сюда из высокогорных районов, где климат более умеренный.

Одна из интересных достопримечательностей Медана — дворец бывшего султана Дели, построенный в ложномавританском стиле. Длинный двухэтажный фасад дворца выходит на площадь, украшенную декоративными пальмами. Сейчас здание производит удручающее впечатление своей запущенностью. Его давно никто не поддерживает. Фасад облупился. Такое же запустение царит и внутри, как рассказывал мне один из моих меданских знакомых.

В свое время голландские колонизаторы сочетали в

Индонезии систему прямого и косвенного управления. В ряде районов страны оставались прежние султаны и раджи, поставленные в полную зависимость от колониальной администрации и превращенные в послушных марионеток. Окруженные внешним почетом, сохранившие пышные дворы, они не имели реальной власти и всецело зависели от воли своих колониальных хозяев. Султанат Дели охватывал небольшую территорию в окрестностях Медана. Делийские султаны имели еще меньше прав и влияния, чем центральнованские владетельные князья. Никто из моих меданских знакомых даже не мог сказать мне, как звали последнего местного султана.

Не имея никакой власти, султаны оставались крупными землевладельцами и были низшим звеном исполнительной власти. Народные массы ненавидели их как феодалов-угнетателей. Во время национально-освободительной революции восставший народ расправлялся с самыми ненавистными из них. Такая судьба постигла, например, в 1946 г. семью султана Лангката, центром владений которого был небольшой городок Танджунгпура к северу от Медана. При этом не избежал трагической участи член семьи султана, известный поэт-лирик Амир Хамзах, занимающий видное место в индонезийской поэзии.

В Медане довольно велико влияние христианских церковников. Им принадлежат книжные магазины, школы и госпитали. В городе немало протестантских и католических церквей — внушительных, фундаментальных сооружений. Опора протестантства на Северной Суматре — некоторые батакские районы. Часть батаков обращена в христианство, часть в мусульманство, а часть осталась анимистами. В католичество обращены некоторые горожане, в том числе китайцы.

В годы независимости Медан приобрел значение важного культурного центра. Здесь созданы крупный государственный университет Северной Суматры, христианский университет, частные высшие учебные заведения и ряд других культурных учреждений. В городе выходит довольно много периодических изданий, включая местные выпуски центральных газет.

У одного из моих старых знакомых, видного меданского издателя Мохамеда Саида, я побывал в гостях. Он владелец крупной по местным масштабам типогра-

фии и издатель газеты «Васпада» («Бдительный»). Его супруга — главный редактор женского журнала. В свое время Саид возглавлял северосуматранское отделение национальной партии, тяготея к его правому крылу, но потом отошел от политической деятельности и отдал предпочтение предпринимательству и издательскому делу. В настоящее время семья Саидов принадлежит к богатым семьям Северной Суматры. Живет она в большом и хорошо обставленном доме. Саиды связаны родственными узами с семьей крупных джакартских дельцов Диахов, владельцев издательства «Мердека». Саид-младший, сын Мохамеда Саида, женат на дочери Мохамеда и Херавати Диахов. Оба семейства можно отнести к видным представителям индонезийской национальной буржуазии.

Мохамед Саид пожаловался мне на свои трудности:

— Мое издательское дело считают в Медане крупным. А я не могу довести тираж своей газеты хотя бы до нескольких десятков тысяч экземпляров. Много причин этому. Значительная часть населения неграмотна. Для бедняков подписка на газету — непозволительная роскошь. Так что общий спрос на периодику не так уж велик. К тому же другие газеты создают конкуренцию. Раздробленность политических сил, множество разного рода политических, общественных организаций порождают и множество конкурирующих органов печати. По словам Саида, наибольшим влиянием сейчас пользуются армейские газеты, выпускаемые вооруженными силами, а также печать протестантских и католических кругов. Они имеют и наибольшие тиражи.

Мой собеседник был предельно осторожен и сдержан в своих высказываниях, когда разговор наш коснулся обстановки в провинции и политического курса страны. И все же я уловил в его словах горечь и тревогу, вызванную широким проникновением в страну иностранных монополий и тяжелым положением национальной буржуазии, сталкивающейся с непосильной конкуренцией.

— Иностранные компании и китайцы взяли нас за горло, — с горечью сказал Саид. — По-настоящему крупных предпринимателей-индонезийцев, таких, как текстильный фабрикант Пардеде, у нас, на Северной Суматре, считанные единицы.

Мохамед Саид безуспешно пробовал свои силы и как публицист, и как историк. Он подарил мне свою книгу с дарственной надписью, пространный труд по истории Аче, области на крайнем севере Суматры. Здесь в начале XVI в. сложилось феодальное государство — султанат Аче. Ему удалось сохранить свою независимость и избежать колониального порабощения, пока голландцы не развязали против Аче захватническую войну. Тридцать лет ачехцы с оружием в руках боролись за свою независимость. И только в 1904 г. организованное сопротивление народа Аче было сломлено и территория бывшего султаната объявлена частью голландских колониальных владений. Но и после этого ачехцы еще долго продолжали партизанскую борьбу против захватчиков. Я обратил внимание на одну деталь — на обложке книги была надпись: «Издана самим автором».

— У меня есть типография и некоторые средства. Только благодаря этому мой труд увидел свет,— пояснил Саид.— А сколько серьезных ученых, писателей так и не могут издать свои книги, так как у них нет для этого денег. Редким счастливым удается заинтересовать правительственное издательство. А частные издательства берутся выпустить ту или иную книгу лишь в том случае, если ее издание сулит бесспорную прибыль.

Наша беседа перешла к теме ачехской войны. Я спросил моего собеседника, известно ли ему, что султанат Аче, столкнувшись с голландской агрессией, пытался искать дипломатической поддержки и помощи у других держав, в частности у России. Саид ответил, что, к сожалению, о контактах между Россией и Аче ему ничего не известно, хотя о контактах Аче с другими странами, например с Османской империей, западные источники кое-что сообщают.

СТРАНИЧКА ИСТОРИИ

Страничка истории, известная моему меданскому знакомому, автору объемистого фолианта об Аче, была такова.

В конце 1878 г. русский военный корабль, клипер «Всадник», командиром которого был капитан I ранга А. П. Новосильский, зашел в Пенанг и простоял там

около трех недель для устранения повреждений. Пенанг в ту пору был английским колониальным владением.

Однажды на борт «Всадника» явились посланцы ачехского султана, выразившие желание говорить с глазу на глаз с командиром корабля. Они были в богатых национальных одеждах, выдававших в них аристократов. Капитан клипера Новосильский принял ачехцев, беседа велась на английском языке. Посланцы султана рассказали, что народ Аче доведен до отчаяния и истощен в борьбе с голландскими агрессорами, но тем не менее намерен продолжать борьбу, предпочитая гибель в бою колониальному рабству. Пользуясь пребыванием русского военного судна в Пенанге, султан Аче и соседние с ним владетельные князья решили обратиться за помощью к России.

Посланцы заверили, что если «белый царь», т. е. император российский, благосклонно отнесется к их просьбе, то султан Аче, а вслед за ним и вся Суматра готовы отдаться под покровительство России. Представители султана просили Новосильского переслать их ходатайство в Петербург. Ведь в такой сложной обстановке, в условиях блокады Аче голландцами, не было другой возможности установить прямой контакт с царским правительством.

Новосильский выслушал гостей, но затруднился дать какой-либо ответ. Ситуация оказалась неожиданной, не предусмотренной никакими официальными инструкциями. Вопрос касался внешней политики России. Капитан не считал себя компетентным и правомочным принять какое-то решение в связи с просьбой ачехцев. Поэтому он посоветовал посланцам обратиться за покровительством к англичанам. Свой совет Новосильский мотивировал тем, что англичане находятся рядом на Малаккском полуострове и хорошо известны ачехцам.

Посланцы отвергли совет капитана и возразили с негодованием: «Конечно, мы их знаем! Мы даже хорошо их знаем!.. Но ведь это все равно, как если бы мы обратились за помощью к голландцам. Англичане, может, и помогли бы нам, но они будут такие же, если не хуже... Нет, избави нас бог от тех и от других!»

Представители султана имели достаточно оснований для столь категорического заявления. Лишь неширокий пролив отделял Суматру от Малаккского полуострова,

где хозяйничали англичане. Даже в условиях голландской блокады ачехцы могли сравнительно легко поддерживать регулярные связи с западным побережьем полуострова, пользуясь легкими парусниками. Эмиссары султана Аче облюбовали для своего постоянного пребывания Пенанг. Здесь они получили отчетливое представление о колониальной политике англичан, которые были ничем не лучше голландцев, поработивших индонезийский архипелаг. Менять одного хозяина-хищника на другого не было никакого смысла.

Что же заставило ачехцев наивно верить в заступничество «белого царя»? Дело в том, что у России не было колониальных владений в Юго-Восточной Азии и по этой причине она не имела в глазах народов этого региона той зловещей репутации, какую заслужили страны-колонизаторы — Англия, Франция, Голландия, Испания. Ачехское государство, попав в исключительно тяжелое положение, стремилось использовать противоречия между великими державами и заручиться поддержкой сильного союзника, не грозившего непосредственным колониальным порабощением.

Продолжение этой истории таково. Надежды ачехцев на русскую помощь не оправдались. Не имея официальных полномочий дать гостям какой-либо ответ, Новосильский предложил сделать английский перевод петиции, скрепить его именными печатями султана Аче и других заинтересованных суматранских князей и прислать на его имя до востребования в Неаполь. Какой бы оборот дело ни получило в Петербурге, капитан обещал дать условный ответ телеграммой через агента султана Аче, проживавшего в Пенанге. Этот агент был среди посланцев, посетивших русский корабль.

К назначенному сроку ачехская депеша прибыла в Неаполь, где ее через некоторое время Новосильский и смог получить. Капитан направил рапорт руководителям военно-морского ведомства для передачи в министерство иностранных дел. Царское правительство ответило, что просьба султана Аче не может быть принята во внимание, поскольку Россия находится с Голландией в дружественных отношениях. Новосильский, как было условлено, дал в Пенанг ответ, означавший отказ.

Так эта история описана известным в свое время писателем Всеволодом Крестовским (1840—1895) в его

книге «В дальних водах и странах». Автор, в то время военный корреспондент, писал, опираясь на сведения, полученные им непосредственно от самого А. П. Новосильского. Поэт, прозаик, публицист, журналист, В. В. Крестовский был далек от демократического лагеря. Многие его произведения не выдержали проверку временем и ныне забыты. В советское время переиздавались лишь некоторые его стихи да авантюрный роман «Петербургские трущобы», печатавшийся в свое время в «Отечественных записках» и создавший автору кратковременную сенсационную славу. Определенный познавательный интерес сохраняют его корреспонденции с театра военных действий русско-турецкой войны 1877—1878 гг., составившие большую книгу «Двадцать месяцев в действующей армии», и впечатления о кругосветном плавании в составе эскадры адмирала С. С. Лесовского, о которых рассказывает книга «В дальних водах и странах».

Немаловажное сообщение Крестовского полностью подтверждается архивными документами. Они стали доступными для широкого читателя благодаря изданному в 1965 г. сборнику «Политика капиталистических держав и национально-освободительное движение в Юго-Восточной Азии (1871—1917)». Знакомясь с приведенными в этом сборнике документами, мы узнаем, что прошение ачехского султана докладывалось 16 июля 1879 г. Александру II. По повелению императора вопрос был передан на рассмотрение в министерство иностранных дел, которое высказало свое отрицательное отношение к данному прошению. Подобная позиция мотивировалась возможными недоразумениями, «которые вследствие сего могут возникнуть между императорским правительством и Нидерландами».

Итак, царское правительство не откликнулось на просьбу султана Аче о помощи. По своей природе царизм не мог быть принципиальным противником колониальной экспансии других держав. В Юго-Восточной Азии Россия не имела особых интересов и не видела резона в ослаблении голландских колонизаторов. Отношения между Россией и Нидерландами с момента создания этого королевства на развалинах наполеоновской империи были более или менее дружественными. Интересы обеих держав прямо нигде не скрещивались. Их царствующие династии находились в близком родстве.

Царское правительство отдавало себе отчет, что утверждение голландского господства на северной оконечности Суматры предупреждало проникновение туда англичан из района Сингапура и Малаккского полуострова. Если бы англичане смогли опередить голландцев, они сделались бы бесконтрольными хозяевами Малаккского пролива. А это имело бы своим следствием серьезное укрепление позиций англичан в Восточной Азии. В этом Россия никак не могла быть заинтересована. С англичанами у России были старые счеты с времен Крымской войны. Английская дипломатия всячески пыталась свести на нет результаты победы России в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., ослабить ее позиции как на Балканах, так и у ее восточных рубежей. Англия оставалась одним из основных соперников России в Восточной Азии. Таким образом, голландцы на Северной Суматре для царизма были во всех отношениях наименьшим злом.

Об этой малоизвестной страничке истории побудил меня вспомнить подарок моего меданского знакомого.

Не так давно район Аче был выделен из северосуматранской провинции в «особую область» на правах провинции с центром в городе Котараджа. Общая численность народа аче около двух миллионов человек. Это народ самобытной культуры, отличающийся от других народов Индонезии своей одеждой, типом жилищ, многими обычаями и даже именами. Имя ачехца знатного происхождения (обычно оно дву- или многосложное) непременно начинается со слова «Тенгку» или «Теуку». Это одновременно и старинный аристократический титул.

Очень сожалею, что ни разу до сих пор не сумел посетить район Аче. В конце 50-х годов там было неспокойно, и власти не рекомендовали туда ездить. Мое знакомство с ачехской культурой ограничилось поэтому посещениями Национального музея в Джакарте да беседами со знакомыми ачехцами. Желание пополнить мою домашнюю коллекцию привело меня в антикварную лавку, которую я отыскал в центре Медана. Как и всякая индонезийская антикварная лавка, она напоминала маленький художественно-этнографический музей. В углу, за прилавком, сидел хозяин, старый тучный китаец, углубившийся в чтение газеты. На мое появление он ни-

как не реагировал. Казалось, старик только делал вид, что читал газету, а на самом деле блаженно дремал. Хорошенькая девушка-китаянка, вероятно дочь хозяина, любезно приветствовала меня и спросила, что бы хотел приобрести уважаемый сэр. Не успел я как следует осмотреться, как она принялась бойко щебетать, расхваливая нефритовые статуэтки, вазочки из лака, украшенные рельефным орнаментом, и полые шары из слоновой кости кантонской работы, искусно выточенные вручную и заключенные один в другой. Я объяснил, что хотел бы приобрести какой-нибудь ачехский предмет.

— Не хотите, мистер, купить старинную ачехскую пушку? — неожиданно спросил старый хозяин, который, оказывается, вовсе не дремал, а наблюдал за мной исподтишка. Решив, что речь идет о какой-нибудь модели-сувенире, я выразил желание посмотреть ее. Старик поднялся, пригласил меня во внутреннее помещение и там показал мне не игрушку, а самую настоящую, двухметровую пищаль. Такие орудия заряжались с дула и стреляли каменными ядрами. Почерневший от времени бронзовый ствол был украшен рельефным орнаментом.

— Подлинный семнадцатый век, — объяснил китаец. — Орудие из Малакки. Потом оно служило ачехскому султану.

Голландцы в ачехской войне уже пользовались скорострельной нарезной артиллерией, заряжавшейся с казенной части. Ачехцы же в лучшем случае располагали гладкоствольными кремневыми ружьями да такими вот допотопными пушками. Обычным оружием ачехского воина были лук со стрелами, копье или кинжал. Каким же мужеством и свободолюбием нужно было обладать, чтобы при таком вооружении вести борьбу с оснащенными передовой по тому времени военной техникой голландцами в течение трех десятилетий!

— Пушка эта хранилась в качестве семейной реликвии в доме одного тенгку, — продолжал лавочник. — Он нуждался в деньгах и продал ее мне. Конечно, я должен перепродать эту вещицу с некоторой выгодой для себя.

— Рассчитываете найти покупателя?

— А почему бы и нет? Сейчас мода на старину. Хозяин был искренне огорчен тем, что я не купил у

него пушку, ограничившись покупкой маленького ачехского кривого кинжальчика и бронзового щита, покрытого арабским рельефным орнаментом. Не знаю, был ли он подлинным или искусной имитацией старинного образца. Старый китаец старался меня уверить, что щит будто бы находился в руках ачехского воина, сражавшегося в конце прошлого века с голландцами. С помощью щита воин не только защищает себя от удара штыка или меча противника, но и сам наносит врагу смертельный силовой удар в рукопашной схватке. Действительно, кованый щит был увесистым, хотя и небольшим, с шишковатой поверхностью.

Одна из самых примечательных черт жизни в Аче — глубокое влияние мусульманской религии. Аче — самый ранний оплот мусульманства на Малайском архипелаге. В XIV в. ислам стал интенсивно проникать сюда из Индии и арабского мира вместе с купцами-мореходами, а также из соседней Малакки, исламизированной к тому времени. Однако жители прибрежных районов севера Суматры начали общаться с мусульманами значительно раньше. Ислам пустил здесь гораздо более глубокие корни, нежели в других частях Индонезии, где исламизация часто носила весьма поверхностный характер, так как не смогла подавить пережитки местных домусульманских верований и представлений.

По всеобщему признанию, ачехцы — наиболее ортодоксальные мусульмане среди всех народов, населяющих Индонезию. Мусульманская религия Аче стоит ближе к исламу стран Ближнего и Среднего Востока, хотя здесь и можно наблюдать отклонения от канонических установлений, обусловленные влиянием местных доисламских традиций.

Среди ачехцев немало и религиозных фанатиков, совершавших паломничество в Мекку. Среди мусульманских священнослужителей и богословов Индонезии значительна прослойка выходцев из Аче, а также местных арабов. Не случайно поэтому борьба против голландских колонизаторов на крайнем севере Суматры проходила под лозунгами правого мусульманского экстремизма. Возглавляли ее крайне консервативные клерикалы. Это серьезно препятствовало объединению борьбы ачехцев с борьбой других народов Индонезии в единый поток национально-освободительного движения.

Еще в последний период голландского колониального господства в рядах мусульманско-националистического консервативного движения выдвигается фигура ачехца Дауда Бере. Эта сложная и противоречивая историческая фигура, пытавшаяся рассматривать ход истории с позиции местных интересов нарождающейся ачехской торговой буржуазии, проделала значительную эволюцию. Убежденный борец против колонизаторов, он не принял политического курса молодой Республики Индонезии, стремления ее руководства к строгой централизации и преодолению сепаратистских тенденций. В 50-е годы он оказался в рядах активных врагов республики, которые вели вооруженную борьбу против центрального правительства. Дауд Бере известен как один из главных идейных вдохновителей мусульманского правозэкстремистского движения так называемых даруль-исламовцев. Их программа сводилась к созданию теократического мусульманского государства. Фактически это движение не представляло единого целого, а распадалось на ряд не связанных между собой локальных выступлений на Северной Суматре, Западной Яве и некоторых других районах архипелага. Движение в Аче, возглавлявшееся Даудом Бере, было скорее сепаратистским, чем частью общеиндонезийского правооппозиционного движения. Главарь ачехских мусульманских экстремистов Бере пытался увлечь своих последователей напоминаниями о былой славе независимого султана Аче, призывами к священной борьбе за чистоту ислама, к выполнению той особой миссии, которая якобы возложена Аллахом на ачехцев, как на наиболее правоверных во всей Индонезии мусульман.

Эти события в Аче нельзя рассматривать в отрыве от той огромной роли, которую ислам играл в общественном движении и всей повседневной жизни ачехцев. Специфика национально-освободительного движения здесь, как и у других народов Индонезии за пределами Явы, была обусловлена тем, что в XIX — начале XX в. эти районы, так называемые Внешние владения, еще не были втянуты в капиталистические отношения. Борьба за независимость здесь велась под знаменем феодального и мусульманского национализма. Понятие «кафир», т. е. «неверный», немусульманин, отождествлялось для борющихся против голландских колонизаторов с поня-

гием «чужеземный захватчик». В период ачехской войны борьбу народа возглавляли преимущественно патриотически настроенные феодалы и мусульманские лидеры. Они поднимали народ на борьбу против колонизаторов — «кафиров» под знаменем священной войны в защиту ислама. Аналогичная картина наблюдалась в XIX в. во многих странах Азии и Африки, например в Алжире и Судане, где во главе национально-освободительного движения против французов и англичан стали такие крупные феодально-мусульманские вожди, как Абд-аль-Кафир и Махди.

В начале XX в. в Индонезии возникают первые националистические общественные организации, отмеченные влиянием новых буржуазных и мелкобуржуазных идей. Национализм накладывает свой отпечаток на национально-освободительное движение. Этот процесс получил в истории название национального пробуждения, охватившего в первую очередь Яву.

Район Аче, превращенный из независимого султаната в часть голландских колониальных владений, оставался экономически отсталой окраиной Нидерландской Индии, как называли в колониальные времена Индонезию. Идеи общеиндонезийского национализма проникали сюда слабо. Поэтому по традиции и ввиду исторических условий во главе национально-освободительной борьбы здесь оказались носители местнического мусульманского национализма, деятели типа Дауда Бере. Они провозглашали себя продолжателями славных традиций Тенгку Умара и других знаменитых вождей времен ачехской войны.

Живучесть подобных традиций проявилась и после достижения независимости. И эта живучесть находит свое объяснение. В. А. Тюрин, автор капитальной монографии «Ачехская война», отмечает: «Среди причин, способствовавших распространению в Аче идей мусульманского национализма, не последнее место занимают те, корни которых надо искать в борьбе народа за независимость в последней четверти XIX — начале XX в.».

Однако очень скоро со всей отчетливостью обнаружилось, что лозунги времен ачехской войны, с помощью которых местные феодалы и имамы могли увлечь массы на борьбу с чужеземными захватчиками, уже не могли поднять ачехцев на борьбу против центрального прави-

тельства, символизирующего единство и независимость страны. Правительственные вооруженные силы к концу 50-х — началу 60-х годов покончили с основными очагами деятельности дарульисламовцев, не сумевших завоевать массовой поддержки среди населения и растерявших к тому времени многих из своих сторонников.

Мохамед Саид сообщил мне, что престарелый Дауд Бере еще жив. Он отошел от активной борьбы и, кажется, примирился с нынешним режимом. Живет он в небольшом ачехском поселении. Газеты время от времени упоминают его имя, а бойкие репортеры иногда навещают его, чтобы удовлетворить свое любопытство и посмотреть на эту архаичную фигуру.

НА ПЛАНТАЦИЯХ СЕВЕРНОЙ СУМАТРЫ

Город Медан раскинулся на равнине, которая повышается к востоку, переходя сперва в холмистую местность, а затем в предгорья. С севера, юга и востока к городу подступают плантационные массивы. Плантации каучуконосов-гевеи, масличной пальмы, табачные, кофейные раскинулись на равнинной части провинции, по склонам холмов и горных ложин.

Равнинные пейзажи несколько однообразны. Иногда на многие километры тянутся ровными шеренгами гевеи, дающие каучуковый сок — латекс, масличные пальмы, кофейные деревья или грядки с табаком. Гевеи с тонкими белесыми стволами издали напоминают наши осины. Толстоствольные деревья встречаются редко. Дерево дает хороший латекс только до определенного возраста. У старых деревьев качество сока падает. Поэтому деревья-переростки вырубают и заменяют свежими посадками, для чего в питомнике выращивают молодые саженцы.

Масличная пальма невысока, у нее толстый и шершавый ствол, покрытый как бы чешуей, из которого выбрасываются во все стороны пучки ветвей с жесткими перистыми листьями. У меня это экзотическое растение всегда вызывало ощущение какой-то ненатуральности. Напрашивалось сравнение с чем-то бутафорским, с искусственным деревом в кадке. А иногда казалось, что это реликтовое растение, сохранившееся по какой-то

странной случайности с тех доисторических времен, когда и людей-то на земле не было, а обитали лишь хищные гигантские ящеры. На масличной пальме висят крупные гроздья орехов в красной оболочке, величиной примерно с нашу сливу. Они несъедобны, идут в производство технических жиров, смазочных масел и т. п.

Местный делийский табак почти так же знаменит, как кубинские или филиппинские сорта табака, из которых изготавливают известные на весь мир гаванские и манильские сигары. Многие не искушенные в географии курильщики ошибочно связывают табак сорта Дели с именем индийской столицы. В действительности же это название произошло от несуществующего ныне султана-та Дели, охватывавшего район теперешнего Медана.

В местных правительственных учреждениях мне удалось получить интересную информацию относительно развития плантационного хозяйства на Северной Суматре. Беседую с руководящими чиновниками в директорате табачных плантаций провинции. Мои собеседники рассказывают, что впервые табак стал выращиваться в области Дели лет сто назад. Первые небольшие табачные плантации были заложены местными богатыми арабами. Вслед за этим прибыльная культура, пользовавшаяся значительным спросом в Европе, привлекла внимание голландских предпринимателей. Они быстро сообразили, какие прибыли может давать делийский табак, и основали первую крупную плантацию в районе Мартубунга. Затем посадки стали появляться и в других районах.

Северосуматранский табак сразу же завоевал известность на мировых рынках и стал приносить плантаторам огромные барыши. Голландские предприниматели начали вкладывать крупные капиталы в табачные плантации и расширять их площадь. Главным центром международной транзитной торговли делийским табаком становится нидерландский порт Амстердам. Примеру голландцев последовали английские, германские, американские, швейцарские, французские компании. Они получили от голландских колониальных властей концессии между реками Улар и Вампу, к северо-востоку от Медана, где имелись плодородные земли и благоприятные условия для выращивания табака.

На первых порах выращиванием табака на Северной

Суматре занимались четыре голландские плантационные компании. Кроме того, здесь развила активную деятельность и одна швейцарская фирма. Попытки предпринимателей из других стран последовать их примеру не были удачными. Впоследствии две голландские компании объединились в одну, более крупную, а через некоторое время с нею слилась еще одна. Таким образом шел процесс концентрации капитала в табачном плантационном хозяйстве. В результате к 1957 г. здесь оставалось только три иностранные табачные компании — голландские «Дели маатсхаппей» и «Салемба маатсхаппей» и швейцарская «Чинта раджа».

В конце 50-х годов правительство Республики Индонезии начало фронтальное наступление на позиции иностранного капитала. Первый удар был нанесен голландским монополиям, которые занимали в индонезийской экономике важное место. Достаточно сказать, что к 1957 г. голландцам принадлежало около половины общей площади плантаций страны. На Северной Суматре индонезийские власти взяли под контроль всю собственность двух вышеупомянутых голландских компаний, охватывавших 22 плантации общей площадью 59 тыс. га. Для управления этими плантациями было создано национальное предприятие «Тембако Дели». Швейцарская, менее крупная, компания не подверглась экспроприации и сохранила в своих руках земли площадью 1,8 тыс. га.

Наступление на позиции иностранных монополий привело к резкому обострению отношений между Республикой Индонезией и ведущими империалистическими державами. В качестве ответной меры США, Англия, Нидерланды и некоторые другие державы стали почти открыто поддерживать сепаратистские мятежи на Центральной Суматре и Северном Сулавеси. Попытку мятежа против центрального правительства предпринял и тогдашний командующий северосуматранским военным округом полковник Симболон. Однако эта попытка не удалась, так как основная часть войск округа сохранила верность правительству. Обострение отношений между Индонезией и Нидерландами привело к временному разрыву дипломатических связей между обоими государствами, которые были восстановлены лишь некоторое время спустя. В связи с этим разрывом Амстердам пере-

стал быть традиционным центром транзитной торговли делийским табаком. С 1959 г. его роль перешла к западногерманскому порту Бремен.

Один из чиновников, моих собеседников, сказал мне:

— Табак выращивается и на Яве. Но яванский табак не сравнится по своему качеству с нашим делийским. Убедитесь в этом сами.

Он бережно положил себе на ладонь и показал мне золотистый ломкий лист табака, издававший приятный запах.

— Весь его урожай мы экспортируем, на месте не обрабатываем. В основном он предназначен для производства сигар. Табак составляет около двух процентов общей стоимости индонезийского экспорта. Цифра как будто бы невелика. В последние годы значительно возросла доля нефти и других продуктов в нашем экспорте, поэтому доля табака сократилась. Все же табак сохраняет большое значение для хозяйства страны.

Урожай табачного листа собирают раз в год, обычно в январе. После сбора урожая проводят очередной сев, потому что табак — культура однолетняя.

Уже после того как я уехал из Индонезии, государственное объединение табачных плантаций в районе Медана было преобразовано в акционерное общество. Подобные акционерные общества, так называемые «персеро» (по-индонезийски это означает «акция») в 70-е годы получили большое распространение в Индонезии. Они создаются при участии государственного и частного (как иностранного, так и национального) капитала. В целях поддержки национальной буржуазии правительство приняло специальное решение, предусматривавшее, чтобы в подобных предприятиях индонезийская доля капитала составляла не менее 51 %.

Каучуковыми плантациями ведает другое провинциальное учреждение, размещающееся невдалеке от директората табачных плантаций в таком же здании старой голландской постройки. И здесь беседую с руководящими чиновниками. Они рассказывают, что первые каучуковые плантации были заложены на Северной Суматре в конце первого десятилетия нынешнего века. Во времена голландского колониального господства они принадлежали голландцам, англичанам, американцам, бельгийцам, японцам, немцам, швейцарцам, французам.

местным китайцам. Доминирующие позиции в выращивании каучука занимал голландский капитал.

Голландские плантации были национализированы в конце 50-х годов в период резкого обострения, а затем и разрыва индонезийско-голландских отношений. Через некоторое время та же участь постигла и собственность английских плантаторов. Наступление на позиции английского капитала совпало по времени с индонезийско-малайзийским конфликтом, когда Англия всецело поддерживала Малайзию. Несколько позже были национализированы и бельгийские плантации. Японских и германских плантаций после второй мировой войны на Северной Суматре уже не было.

Частичная денационализация после 1965 г. коснулась и каучуковых плантаций Северной Суматры. Так, большой плантационный массив был возвращен прежнему владельцу — американской компании «Гудьир». В настоящее время район Медана — один из важнейших районов страны по выращиванию каучуконосов. Отсюда экспортируется как латекс, так и обработанный на местных предприятиях каучуковый лист. Экспорт латекса, по словам моих собеседников, составляет 60%, т. е. больше половины всего экспорта каучука из северосуматранской провинции.

За время пребывания на Северной Суматре мне удалось совершить несколько поездок и по окрестностям Медана, и в глубь острова. Пейзажи становятся красивее и разнообразнее, когда равнина сменяется холмистой местностью и начинаются предгорья. Плантации расстилаются не только на равнинной части, они покрывают холмы, горные склоны. Получая концессии от голландских колониальных властей, плантаторы стремились расширять освоенные площади. Они повели интенсивное наступление в глубь прибрежной равнины, расчищали джунгли и старались всеми правдами и неправдами согнать здесь крестьян с земли.

В поселках плантационных рабочих стоят легкие бараки, поражающие унылым казарменным однообразием. Один поселок может отличаться от другого только наличием какой-нибудь конторы, полицейского участка или мечети. Крестьянские поля и деревушки, если и попадают в равнинной части, стиснуты со всех сторон массивами плантаций. В предгорьях деревушки встре-

В батакской деревне

чаются чаще. В небольших городках видишь неизменные базары, протянувшиеся вдоль обочины дороги. Торгуют преимущественно разнообразными фруктами: бананами, папайей, рамбутаном, манго и другими видами, которые встретишь только в тропиках.

Плоская равнина остается позади. Вокруг открываются величественные виды, горные вершины, окутанные белыми облаками, склоны гор, поросшие вечнозеленой растительностью. Начинают попадаться батакские деревни с хижинами на сваях, увенчанными седловидными крышами.

Одну из таких поездок по окрестностям Медана мы закончили в небольшом городке к северу от озера Тоба. Городок раскинулся по берегам бурной речки, впадающей в озеро. Здесь можно выкупаться в прохладной воде бассейна. Состоятельные меданцы приезжают сюда или в курортный городок Прапат на берегу Тоба для воскресного отдыха.

Дорогой, пока мы добирались до цели нашего путешествия, мой спутник, сотрудник генерального консульства, рассказал мне любопытную историю. Жил еще в довоенные годы, в той самой местности, которую мы

сейчас проезжали, какой-то русский. Какими судьбами занесло его сюда, на Суматру? Никто этого не знает. Накануне войны он был уже немолод. Занимал в обществе весьма скромное положение, не имея, как говорится, ни чинов, ни богатства. Во время японской оккупации этот русский, слушая тайком радиопередачи, узнавал о событиях, происходящих на советско-германском фронте, и распространял новости среди местного населения. Возможно, что он был связан с местным антияпонским движением сопротивления. Японские оккупационные власти схватили его и казнили.

К сожалению, мой попутчик не смог мне назвать даже имени этого нашего соотечественника. Он интересовался его историей, обросшей всякими невероятными подробностями, расспрашивал о нем местных жителей и представителей власти. Они подтвердили, что этот русский был реальным лицом. Действительно, японские оккупанты его казнили. Многие пожилые люди хорошо помнят русского «пахлавана» (т. е. героя), отзываются о нем с большой теплотой и уважением. Но имя его ни у кого не удержалось в памяти. Быть может, потому, что у русских такие трудные имена, не похожие на привычные индонезийские.

Услышав эту историю, я загорелся было желанием заняться поисками. Даже записал название округа и населенных пунктов, где скорее всего мог проживать этот загадочный русский. Собирался написать письмо окружному начальнику полиции. Но так и не собрался. Захлестнула корреспондентская текучка, а потом отвлекли новые встречи и впечатления. Глубоко сожалею, что не осуществил свое намерение.

Каждая поездка по дорогам Северной Суматры позволяла убедиться, что, хотя эта область и не столь густо заселена, как Ява, крестьяне и здесь задыхаются от малоземелья. И здесь возникают свои сложные социальные проблемы, прежде всего проблема занятости. Сельское население равнинной части в основном состоит из пришлых яванцев и отчасти из местных малайцев, населяющих восточное побережье Суматры. Густонаселенная Ява давно уже выплескивала массы пауперизированных крестьян. Эта избыточная рабочая сила устремлялась во все концы архипелага в поисках заработка. Для плантаторов это был неисчерпаемый резервуар дешевой ра-

бочей силы. Представители плантационных компаний вербовали на Яве рабочих, склоняя голодных, отчаявшихся найти какой-либо заработок людей к подписанию кабальных контрактов. Законтрактованный рабочий-кули попадал в полную зависимость от хозяина, не имел права покинуть плантацию до окончания срока контракта, а в случае побега мог быть в принудительном порядке возвращен на предприятие, подвергнут физическому наказанию. На плантациях обычно царил произвол надсмотрщика.

После завершения срока работы по контракту многие плантационные рабочие стремились осесть здесь и обзавестись собственным хозяйством. Для возвращения на родину обычно не хватало средств. Да если бы и хватило, жизнь на густонаселенной Яве, где значительная часть крестьянства не имела собственной земли, не сулила радужных перспектив. Но и на Северной Суматре стать обладателем собственного надела, чтобы вести крестьянское хозяйство, было трудно. Лучшие для земледелия земли находились в руках плантаторов.

Плантации уже не могли поглотить весь приток голодных пришельцев с Явы. Шел процесс естественного прироста и в семьях плантационных рабочих, и сыновья далеко не во всех случаях могли занять место отца на каучуковой или табачной плантации. Владельцы неуклонно стремились к так называемой рационализации, дающей возможность сократить число рабочих. В данном случае под термином «рационализация» понималось отнюдь не использование современной техники, а интенсификация труда, получение максимальных прибылей при наименьших издержках производства.

Жестокая эксплуатация, произвол надсмотрщиков, неуверенность в завтрашнем дне усиливали стремление вернуться к самостоятельному крестьянскому труду. Некоторые пытались возделывать клочок земли, используя любую пригодную для земледелия пустошь, узенькую полосу вдоль обочины дороги, заброшенный по каким-либо причинам плантационный участок. Нередко самовольный захват земельного участка, даже пустующего, приводил к острым конфликтам между земледельцами и плантаторами. Закон, разумеется, всегда был на стороне плантатора. И все-таки острая нужда, голод заставляли земледельцев вести упорную борьбу за зем-

лю, захватывать явочным порядком пустующие плантационные земли.

Каково положение плантационного рабочего в настоящее время? Этот вопрос я задал руководящим чиновникам управления каучуковых плантаций провинции и услышал от одного из них следующее:

— Конечно, многое изменилось с тех пор, как индонезийский народ покончил с господством колонизаторов. Нет прежнего произвола надсмотрщиков. Администрация не может вернуть рабочего на плантацию насильственным путем, если он пожелал ее покинуть, или подвергнуть его физическому наказанию. И все-таки положение плантационных рабочих в общем тяжелое.

— В чем это выражается?

— Прежде всего в низком уровне заработной платы. Ее едва хватает, чтобы прокормить семью. Страна еще не преодолела всех экономических трудностей и пока не может обеспечить для всех трудящихся нормальный жизненный уровень.

— Регулируются ли отношения между владельцем плантации и плантационным рабочим каким-либо правовым актом или документом?

— Непременно. Обе стороны подписывают трудовое соглашение, обычно на шесть лет, гарантирующее рабочему на этот срок его рабочее место. По окончании этого срока соглашение может быть продлено. Но тем временем у рабочего подрастают сыновья. Каждый из них стремится найти работу. А плантации не требуется столько рабочих рук. Да и многие из рабочих недовольны своим положением и стремятся стать самостоятельными хозяевами. К сожалению, и сейчас немало случаев самовольного захвата рабочими заброшенных плантационных земель. Сколько неурегулированных конфликтов! Немало пустующих земельных участков было захвачено голодными людьми еще в годы японской оккупации и в послевоенные годы. А плантаторы продолжают считать своей собственностью земли, на которых более двух десятков лет трудятся земледельцы.

В одной из своих предыдущих книг — «Над Мерапи облака» я рассказал невыдуманную историю небольшого поселения плантационных рабочих на Северной Суматре. Историю эту я записал со слов знакомого меданского журналиста из местных малайцев, человека наблюда-

тельного и неплохого рассказчика. Его детство прошло на голландской плантации в доме отца, мелкого плантационного служащего.

Оглянемся в прошлое и представим себе бедный поселок плантационных рабочих. Ряды ветхих бараков из бамбуковой щепы, невысокая мечеть. В стороне от бараков чистенький особнячок голландца-управляющего. А вокруг на многие километры тянутся шеренги гевей и масличных пальм.

Начало сорок второго года. Доходят слухи о том, что большая война докатилась и до индонезийского архипелага. Где-то высадились японские войска. Японские самолеты бомбят города. Голландцам приходится туго. Они терпят одно поражение за другим, теряют остров за островом. Ожесточенный бой в Яванском море — и голландский флот разгромлен. Высокопоставленные голландцы спешат удрать в Австралию или Индию. Кажется, японцы высадились уже в районе Медана.

Рабочие довольно равнодушно воспринимают события. Какая в конце концов разница — старые хозяева или новые. Японцы так японцы. Лишь администратор-голландец чувствует себя неуютно. Он плотно закрывает ставни бунгало и проверяет прочность засовов. Он маленький человек, а теперь ему придется расплачиваться за всех. Главный администратор, живший в Медане, вероятно, успел удрать в Британскую Индию. Перед отъездом он прокричал в телефонную трубку:

— Хэлло, Вилли! Мы расстаемся. Главное, не теряйте бодрости духа и не распускайте народ. Все будет хорошо. Да хранит вас бог!

Владельцы плантационной компании, захватив свои капиталы, небось отсиживаются где-нибудь в Канаде. А он, маленький клерк, должен испить до дна горькую чашу поражения. Пожалуй, Вилли боялся теперь не японцев, хотя много наслышался о жестокости самураев, а этих угрюмых, вечно чем-то недовольных индонезийцев. Уж они-то знали своего сурового администратора, который любил показать свою власть, прикрикнуть на рабочего, а иногда и пустить в ход увесистый кулак. Недаром же начинал он свою службу в Нидерландской Индии как сержант колониальной армии. Основной мерой воспитания нерадивых рабочих у Вилли был штраф. Не нравятся порядки на плантации — проваливай на

все четыре стороны. Дешевых рабочих рук на Суматре более чем достаточно. Штрафуя и обсчитывая неграмотных рабочих, Вилли копил гульдены про черный день и мечтал о собственном домике и садике с тюльпанами на плоской равнине Голландии. Такова традиционная мечта всех голландцев из колониальной службы.

Теперь Вилли с тревогой прислушивался к каждому шороху и держал наготове многозарядный винчестер, с которым обычно охотился на леопардов. Он ожидал самосуда. В этот период безвластия кое-где индонезийцы стали расправляться с ненавистными голландскими чиновниками и предпринимателями.

Однажды голландец услышал приближающееся цоканье копыт. Приоткрыв ставню, он увидел конный отряд японцев в зеленовато-песочных мундирах и мягких кепи. Впереди ехал коротенький массивный офицер. Вилли поспешно накрыл на стол и выставил весь свой наличный запас джина. Теперь он безбоязненно распахнул двери бунгало и стал поджидать гостей.

Офицер с помощью денщика неуклюже сполз с седла на землю и засеменил к бунгало, поддерживая волочившийся по земле кривой клинок. Он с улыбкой кивнул голландцу и уверенно направился к столу, как будто заранее знал, что его ожидает щедрое угощение.

Весь кампунг столпился в отдалении, ожидая, чем все это кончится. Через некоторое время офицер, потный и покрасневший, вышел в сопровождении голландца на веранду и, широко расставив коротенькие толстые ноги в обмотках, прокричал что-то тоненьким визгливым голосом. Солдаты восприняли это как команду и, подталкивая жителей кампунга прикладами, подогнали их к веранде. По знаку офицера к нему подбежал китаец-переводчик. Японец стал говорить. Переводчик плохо понимал его резкие взвизгивания, но все же приблизительно передал смысл. Вот о чем говорил японский офицер.

Японцы и индонезийцы — братья. Императорская армия выполнила свою миссию, освободив Индонезию от жестокого белого империализма. Офицер наглядно продемонстрировал толпе представителя этого самого белого империализма, ткнув пальцем в грудь голландца. Теперь оба народа плечом к плечу будут строить великую процветающую Восточную Азию под эгидой японского императора Хирохито. Соблюдайте порядок и ра-

ботайте. Кто не будет соблюдать порядка и усердно работать, пусть пеняет на себя. Для пущей убедительности японец вытащил из ножен кривой клинок и угрожающе помахал им перед толпой. Понятно?

Голландца увезли в лагерь для интернированных. Вместо него остался новый администратор, тот самый китаец, который переводил речь японского офицера.

Сначала на плантации все продолжалось по-старому. Японцы наведывались редко, так как реквизировать у жителей кампунга было нечего. Рабочие собирали молочно-белый латекс и красные гроздья орехов масличной пальмы. Китаец не хуже прежнего администратора — голландца покрикивал и донимал штрафами, а строптивых парней именем японских властей отправлял в трудовые батальоны на строительство дорог и укреплений. Многие из них так никогда и не вернулись в кампунг. Они погибли от недоедания и физического истощения.

Но что следовало делать с латексом и орехами, китаец представлял очень смутно. Наполненные латексом бидоны вовремя не свезли на фабрику для переработки его в листовый каучук-сырец, и весь ценный продукт испортился. Росли навалы орехов. Рабочие теперь не получали заработную плату. Новый администратор перестал интересоваться делами плантации и все чаще отлучался в город, где занялся какой-то выгодной спекуляцией.

В чем же была причина подобной бесхозяйственности? Оккупировав богатые сырьевыми ресурсами страны Юго-Восточной Азии, Япония оказалась почти монополистом мирового каучука, получила в свои руки огромные массивы чайных, табачных, кофейных, пальмовых и других плантаций. Но полностью использовать эти богатства японский империализм не мог. Рынок Японии был слишком узок, покупательная способность населения низка, промышленность была развита односторонне, с явным преобладанием военных отраслей. Японские предприниматели не нуждались в таком количестве сырья, какое могла поставить оккупированная Юго-Восточная Азия. Прежде это сырье находило спрос на емких рынках Европы и Америки. Теперь мировая война нарушила традиционные экспортные связи. Следствием этого и явилась грустная картина на одной из планта-

ций Северной Суматры. Картина, типичная для всей Индонезии в период японской оккупации.

Голод толкал плантационных рабочих на отчаянные шаги. Кому-то пришла в голову мысль воспользоваться расчищенным участком земли. Голландец собирался высадить здесь молодые саженцы гевеи. Сказано — сделано. Примеру одного последовали другие. Начался стихийный процесс захвата заброшенных плантационных земель и пустошей. Кое-где безземельные крестьяне и плантационные рабочие начали вырубать зрелые деревья и раскорчевывать участки.

Нельзя сказать, чтобы японские оккупационные власти поощряли захват плантационных земель. Однако они отнеслись к свершившемуся более или менее терпимо. Япония нуждалась в продовольствии. Нужно было кормить огромную армию, которая оккупировала Индонезию и сражалась на фронтах Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна, обеспечить хотя бы полуголодным пайком трудовые батальоны и различные вспомогательные формирования из индонезийцев. Но оккупированная страна не могла удовлетворять все эти потребности в продовольствии. Теперь в сельские местности в поисках пищи и заработка хлынула часть городского населения — рабочие закрывшихся предприятий, разоренные ремесленники. Пусть лучше вместо ненужных плантационных культур крестьяне выращивают рис или овощи. К такому выводу пришла японская военная администрация. Ведь каждое крестьянское хозяйство облагается тяжелыми поборами в пользу оккупационной армии.

Вилли, постаревший и осунувшийся, с рыжей щетинистой бородой, вернулся из лагеря и вновь водворился в бунгало. Но теперь это был не прежний крикливый Вилли. Годы лагерной жизни и последние события кое-чему научили его. Он не пытался, как прежде, покрикивать и пускать в ход кулаки, даже старался казаться добродушным и приветливым. Дух времени был другой. На бамбуковом шесте перед бараками развевался республиканский красно-белый флаг. Это индонезийцы набрались наглости провозгласить республику и, кажется, всерьез намерены бороться за ее существование. Пока придется смириться с тем, что жители кампунга самочинно захватили часть плантационных земель. Он, Вилли, будет терпелив и дождетсЯ лучших времен.

Лучшие для Вилли времена так никогда и не наступили. Индонезия отстояла свою независимость, а голландские колонизаторы были вынуждены покинуть архипелаг. В годы борьбы с интервентами безземельные крестьяне Суматры продолжали захватывать заброшенные плантационные земли. Позже власти и плантаторы пытались согнать крестьян с захваченных ими земель. В некоторых случаях это удавалось. Но основная часть этой земли осталась в руках земледельцев, и власти молчаливо признали эту стихийную экспроприацию.

В конце 50-х годов всю страну охватило массовое движение за национализацию голландских предприятий. Зашевелился, заклокотал кампунг. Выплеснулась копившаяся десятилетиями ненависть к колониальным угнетателям. Профсоюзные активисты ораторствовали перед толпой. Он, Вилли, до сих пор как-то не принимал всерьез этих горлопанов. Иногда руководители профсоюза приходили к администратору и требовали повышения заработной платы. Рупия непрерывно обесценивалась, и через несколько месяцев на ту зарплату, которую получал сегодня рабочий, уже ничего нельзя было купить. Вилли растерянно улыбался и разводил руками. Он только служащий, маленький человек и не решает сам такие серьезные вопросы. Со своей стороны он готов передать требования рабочих хозяевам в Амстердам. Профсоюз грозил забастовкой. Вилли отчетливо представлял себе, какой убыток понесет компания, если люди не выйдут на работу, не погрузят вовремя на вагонетки бидоны с соком, а фабрика по переработке латекса будет простаивать. Голландец, сдерживая ярость, сдавался и писал в Амстердам объяснительные записки. Главное, не горячиться и уметь выжидать. Лучше потерять немного, чем все. Времена не прежние, когда он мог легко выгнать смутьяна и даже дать волю рукам.

На этот раз рабочие долго митинговали и избрали делегацию во главе с секретарем местной профсоюзной организации. Делегация явилась к голландцу. Секретарь протянул ему исписанный неровным почерком лист бумаги и сказал твердо:

— Это наш ультиматум. Мы устанавливаем рабочий контроль на плантации. Мастер должен подчиниться контролю и не самовольничать.

Вилли стерпел и эту неслыханную дерзость. А вскоре

провинциальные власти прислали правительственного уполномоченного в чине капитана. Опираясь на широкое рабочее движение, а часто и под прямым давлением масс, требовавших национализации голландских предприятий, правительство Республики Индонезии повело наступление на позиции прежних колониальных хозяев. Впрочем, эта самостоятельная инициатива, активность профсоюзов казались представителям официальных властей опаснее джинна, выпущенного из бутылки, о котором рассказывают восточные сказки. Джинна следовало загнать обратно. Вот почему власти поспешили направить на бывшие голландские предприятия своих уполномоченных и директоров, пусть малоопытных и некомпетентных, но зато людей твердых. Среди них оказалось немало кадровых военных.

Капитан более или менее поладил с Вилли и даже распивал с ним бсхму — голландскую водку. Все-таки надо отдать ему справедливость, голландец имел немалый практический опыт и знал плантационное хозяйство как свои пять пальцев. Познания же офицера в области агрономии были самыми смутными. Он занимался прежде протокольными и снабженческими делами. Поэтому и приходилось до поры до времени принимать услуги голландца. Вилли в свою очередь проникся уважением к капитану после того, как он осадил профсоюзного секретаря. Рабочие послали его с петицией, в которой требовали очередного повышения зарплаты. Офицер прочел петицию и ответил:

— Твои люди, очевидно, забыли, что хозяева теперь мы, а не голландцы. Республика еще слишком бедна, чтобы накормить всех досыта. Я не потерплю таких вот бумажек и тем более забастовок. Вы что же, идете против своей республики, против Бунга Карно, великого отца революции? Работайте, как работали, не вынуждайте меня принимать крайние меры.

Профсоюзный секретарь проявил любознательность. Какие меры имеет в виду капитан? Офицер похлопал ладонью по кобуре пистолета и намекнул, что для него не составило бы никакого труда вызвать из Медана взвод всенной полиции. Секретарь почему-то вспомнил японского офицера, размахивавшего кривым клинком перед толпой.

Когда плантация была официально национализиро-

вана, Вилли собрал свои пожитки и уехал в Голландию. Он накопил достаточно гульденов, чтобы купить небольшой домик на плоской равнине с ветряными мельницами и разводить тюльпаны. Если бы он не думал о завтрашнем дне и не обсчитывал индонезийских рабочих, ему пришлось бы завербоваться в Суринам или на Кюрасао. В то время Голландия еще сохраняла эти два жалких осколка своей колониальной империи.

Капитан знал толк в военной амуниции, но не имел ни малейшего представления о сортности латекса. Он не был уверен, что завтра его не перебросят, например, на оловянный рудник, в банк или куда-нибудь еще. Поэтому не имело смысла углубляться в агрономию и технологию. Нужно было, не теряя времени, позаботиться о благе собственном и своих ближних. Из этих самых ближних, своих друзей и родственников, он составил административный аппарат. Его три заместителя, помощники, секретари не совсем четко представляли свои служебные обязанности, которые прежде выполнял один расторопный Вилли, но получали жалованье и немалое. Свой человек сидел и на фабрике по переработке латекса.

Мой меданский знакомый, от которого я узнал эту историю, не мог в точности объяснить, каким путем часть каучука-сырца попадала «налево», богатому дельцу-китайцу Го, изменившему по тактическим соображениям это имя на имя Сулейман. Кстати, тот Го-Сулейман был тем самым китайцем, который ухитрился ладить с японскими оккупантами и одно время управлял плантацией. Теперь он вел образ жизни разбойника с большой дороги, и этой большой дорогой, на которой он разбойничал, был Малаккский пролив. Го-Сулейман промышлял контрабандой, сбывая сингапурским дельцам ворованный суматранский каучук. У него были связи по обе стороны пролива, и он знал, кого следует щедро отблагодарить, чтобы власти смотрели сквозь пальцы на его проделки.

Для сукарновского правительства плантация, как, впрочем, и многие другие национализированные предприятия, становилась все менее прибыльной. Насаждения гевеи давно не обновлялись. Узкоколейный транспорт и оборудование фабрики изнашивались. Правительство не выделяло средств, чтобы заменить старое

оборудование, осуществить новые посадки. Сортность каучука падала, и иностранные импортеры уже не так охотно покупали его и устанавливали на него совсем низкие цены.

Как известно, правительство Сукарно оставило своим преемникам тяжелое наследство. Экономика страны переживала острый кризис. Производство плантационных культур продолжало падать, сокращались экспортные доходы государства. «Новый порядок», как официально стал называть себя новый режим, пришедший на смену сукарновскому, увидел одно из главных средств решения тяжелых экономических проблем в широком привлечении в страну иностранного капитала в виде займов и прямых инвестиций. Чтобы заинтересовать иностранные монополии, новые индонезийские власти начали осуществлять процесс частичной денационализации, коснувшейся и сферы плантационного хозяйства. Были, в частности, возвращены прежним хозяевам в лице американской компании «Гудьир» крупные каучуковые плантации на Северной Суматре. Вновь на обочине шоссе появились гудьировские рекламные щиты с автомобильными шинами.

Вместе с денационализацией встал со всей остротой вопрос о судьбе бывших плантационных земель, захваченных крестьянами по своей инициативе в годы японской оккупации и в послевоенные годы. Экономические эксперты подсчитали, что, если все эти земли будут возвращены компаниям, производство каучука, табака, пальмового масла увеличится, государство получит дополнительные экспортные доходы. Ведь речь идет не о каких-то там жалких полосках, а о многих десятках тысяч гектаров плодородной земли. Представители иностранных фирм, уловив новые тенденции в экономической политике Республики Индонезии, стали обращаться к правительству с настойчивыми требованиями принять жесткие меры к тем, кто осмелился самовольно захватить плантационные участки, и вернуть их прежним владельцам.

А на каком, собственно, основании крестьяне занимают наши земли? По какому такому праву? Кто позволил нарушать незыблемые принципы собственности? За счет каких источников станут жить крестьяне, лишенные земли,— это уже второстепенный вопрос. Какое значе-

ние в общеиндонезийских масштабах могут иметь еще несколько десятков тысяч голодных ртов? Пусть об этом думает правительство республики, а у компаний свои заботы. Так примерно рассуждали представители иностранных монополий, оказывая давление на индонезийские власти.

Нельзя отрицать, что подобные призывы и требования дали свои результаты. Печать Индонезии конца 60-х годов полна сообщений о драматических событиях в районе Северной Суматры. Крестьян сгоняли с земли, лишали крова — вель и жилища их стояли на плантационных участках. Бывало, что крестьяне не успевали даже убрать долгожданный урожай — бульдозеры уничтожали посевы. Провинциальные власти издавали суровые приказы и циркуляры, запрещающие местному населению впредь обрабатывать для своих нужд плантационные земли и снимать с них урожай. Дело доходило до вооруженных столкновений между крестьянами, пытавшимися оказывать сопротивление этим мерам, и военной полицией, как это случилось, например, в районе Келамбир Лама. Согласно решению губернатора от 10 июня 1968 г., у земледельцев отобрали 59 тысяч гектаров земли, дававших им хотя и скудное, но все же пропитание.

Подобные события не являются чем-то исключительным в условиях Индонезии. Попытки плантационных компаний при поддержке властей согнать крестьян с захваченных ими земель предпринимались еще в начале 50-х годов. И тогда на этой почве происходили острые социальные конфликты и столкновения между земледельцами и отрядами полиции и войск. Это — свидетельство остроты и нерешенности аграрной проблемы в современной Республике Индонезии.

В некоторых районах власти все же признали за крестьянами право на часть бывших плантационных земель, которые обрабатывались земледельцами вот уже многие годы. Это было сделано несколько своеобразно. Власти объявили, что распределяют в рамках осуществления земельной реформы некоторую долю земельной собственности плантаторов. Кто говорит, что реформа не проводится? Крестьяне как бы получили в собственность землю, обрабатывавшуюся ими более двух десятилетий. В сущности, речь шла о тех землях, в которых планта-

торы по каким-либо причинам не были заинтересованы. Крестьяне Северной Суматры не раз снаряжали своих ходоков, собирая для них на дорогу вскладчину деньги, и отправляли их в столицу. Некоторым из ходоков удавалось добраться до членов правительства и изложить жалобы. Жалобы выслушивались, и все оставалось по-прежнему.

Прошло уже немало лет с тех пор, как в Индонезии утвердился «новый порядок» и был отстранен от власти президент Сукарно, издавший в начале 60-х годов декрет об аграрной реформе. Реформа эта, при всей ее ограниченности, могла бы при ее последовательном претворении в жизнь свести на нет пережитки феодализма и смягчить социальное неравенство в деревне. Она устанавливала максимум землевладения — в среднем по стране в 20 га. Все излишки сверх установленной нормы должны были изыматься для передачи за выкуп безземельным и малоземельным крестьянам по норме до 2 га на семью. Но на практике эта реформа в широких масштабах не проводилась из-за откровенного саботажа со стороны кулацко-помещичьей верхушки и консервативного чиновничества, связанного с крупными землевладельцами родственными узами. Последние прибегали к нехитрому трюку — фиктивной записи своих излишков на членов семьи, даже на грудных младенцев, или подставных лиц. И оказывалось, что кулак или помещик становился владельцем лишь допустимой нормы в 20 га и не имел никаких излишков. Бюрократический аппарат страны, не отличавшийся вообще последовательностью и твердой принципиальностью в борьбе с подобными саботажами, так и не решил аграрную проблему полностью. А после отстранения от власти Сукарно земельная реформа практически не проводилась.

И вот, знакомясь с последними индонезийскими газетами, вновь встречаю сообщения об аграрной реформе. Государственные деятели Индонезии заявляют, что «новый порядок» вовсе не отказывается от проведения реформы, так как необходимость в ней назрела. Правительство сознает, что аграрная проблема — одна из самых острых проблем страны. Без ее решения невозможно успешное экономическое развитие индонезийского государства. Но дело в том, что реформа требует серьезной подготовки, которая займет немало времени.

Что ж, подобные сообщения не должны удивлять читателя. Трудно назвать какую-либо азиатскую страну, в которой не проводилась бы в последние десятилетия аграрная реформа. Государственные руководители многих стран называли ее «зеленой революцией». Термин этот подхватили многие развивающиеся страны, идущие по капиталистическому пути. Не отказались от проведения аграрной реформы на свой лад и страны с реакционными режимами — типа Южной Кореи. И в этом нет никакого парадокса. В большинстве случаев аграрные реформы носят ограниченный, буржуазный характер, давая возможность зажиточным крестьянам выкупать по высокой цене часть помещичьих земель. Таким путем власти стремятся расширить свою социальную базу в деревне, укрепив кулацкую и отчасти середняцкую прослойку, и привести сельское хозяйство страны в некоторое соответствие с интересами капиталистического развития.

Из сообщений современной индонезийской печати можно уловить, что разговоры об аграрной реформе диктуются именно интересами буржуазного развития. Мелкотоварное, малопродуктивное и в значительной мере натуральное крестьянское хозяйство не может полностью обеспечить страну продовольствием. Государство вынуждено тратить дефицитную валюту на импорт риса и другие пищевые продукты. Нищета и непрерывная пауперизация сельского населения обуславливают узость внутреннего рынка, а это тормозит развитие национального предпринимательства. Многочисленные примеры других стран Азии показывают, что проведение аграрной реформы по буржуазному образцу вовсе не чревато ломкой социальных отношений.

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОВИНЦИЯ

В каждую из своих поездок в Медан я непременно захожу в местный дом журналиста. Он находится в деловой части города, где сосредоточено и большинство редакций меданских газет. Каждый раз по просьбе местных журналистов приходится выступать с целой лекцией о советской печати, а потом отвечать на многочисленные вопросы слушателей. Отвечая на один из вопросов,

называю тираж газеты «Правда», которую я представляю в Индонезии в качестве собственного корреспондента. Названная мною цифра вызывает неподдельное изумление.

Меня расспрашивают: часто ли советская печать пишет об Индонезии, какова система подготовки журналистов в Советском Союзе, может ли газета критиковать министра и т. д., и т. п. Бывает, задаются и весьма наивные вопросы.

— Допускаются ли в вашей стране к журналистской работе женщины? — спрашивает молодой парень, должно быть, начинающий журналист. Вопрос вызывает смех среди слушателей. Напоминаю, что самым первым корреспондентом «Правды» в Индонезии была известная советская журналистка Ольга Ивановна Четчина.

Потом я расспрашиваю моих коллег о местной печати. Медан — крупный центр прессы. Здесь выходит много газет различных политических направлений. Некоторые крупнейшие столичные газеты выпускают в Медане свои местные издания, а правительственное телеграфное агентство «Антара» имеет свой корреспондентский пункт. В конце 50-х годов здесь выпускалось несколько газет на китайском языке как левой, так и гоминьдановской ориентации. Все они давно прикрыты властями, и все периодические издания на Северной Суматре печатаются теперь, как правило, только на индонезийском языке. Отдельные попытки выпускать печатные издания на языке батаков оказались малоуспешными. В районе Тапанули в то время нерегулярно выходил небольшой журнальчик на батакском языке, не сумевший завоевать широкие читательские массы. Местные языки не могут конкурировать с индонезийским, прочно занявшим место общегосударственного языка.

После нашей встречи один из молодых журналистов пригласил меня отобедать в ближайший ресторан. К нам присоединились еще двое молодых людей. Индонезийцы не делают культа из еды. Обед был скромным: рисовая похлебка с молодыми побегами бамбука, маленькая порция сатэ и содовая вода с поджаренными земляными орешками. Сатэ, национальное индонезийское блюдо, — несколько небольших кусочков баранины, нанизанных на прутик, нечто вроде нашего шашлыка.

Мои собеседники оказались представителями разных

народов, трех основных этносов, населяющих Северную Суматру. Один из них был батак, другой — малаец, третий — яванец. Каждый из этих народов отличается своими традициями и обычаями, своей культурой. Об этом и завязался разговор за столом. Батак к слову упомянул о своей принадлежности к мусульманству. Малаец и яванец принялись беззлобно подтрунивать над ним.

— Не верьте ему, туан,— сказал один из них.— Перед вами не настоящий мусульманин.

— Все батаки в душе язычники,— сказал другой,— как бы они не называли себя, мусульманами или христианами-протестантами. Любой батак предпочтет обращение к своим духам молитве Аллаху или христианскому госпсду-богу.

— Мои друзья в какой-то мере правы,— согласился батак.— Наш народ чтит традиции. И религия наша — сочетание новых и традиционных верований. Ни ислам, ни христианство не смогли полностью вытеснить древние анимистические представления.

Я попросил моего собеседника подробнее рассказать об обычаях и верованиях батаков. Он охотно выполнил мою просьбу.

Батакские племена с незапамятных времен населяли центральное плоскогорье вокруг озера Тоба, соприкасаясь с ачехцами на севере, минангкабау на юге и малайцами на востоке. С конца XVIII в. в районы расселения батаков стал проникать ислам. Его носителями стали ранее исламизированные оседлые народы. В первой половине прошлого века началось проникновение и голландских колонизаторов. Однако окончательное завершение колониального порабощения батаков произошло лишь в первые годы нынешнего столетия, одновременно с завершением завоевания султаната Аче. Вместе с голландскими колонизаторами сюда устремились и миссионеры, настойчиво проповедовавшие слово божие среди местных жителей. Голландцы стремились использовать христианство в качестве идеологической опоры. В результате усилий миссионеров значительная часть батаков центральных районов была обращена в христианство. Ислам проник в южные и восточные районы. Но как христианизация, так и исламизация батаков оказалась здесь весьма поверхностной, неглубокой. У бата-

Мужской танец (Северная Суматра)

ков осталось много древних анимистических представлений и обрядов, которые соблюдаются как христианами, так и мусульманами. Небольшая часть батаков вообще не признает себя ни христианами, ни мусульманами, а официально считается анимистами.

Как в мусульманской, так и в христианской деревне наряду с имамом или протестантским пастором нередко можно встретить дукуна, т. е. жреца, или шамана. Это фигура весьма почтенная в местном обществе. Он обычно мирно уживается с официальным священнослужителем. Это не враждующие соперники, а скорее лица, дополняющие друг друга. Дукун продолжает выполнять некоторые традиционные обряды. Будучи, как правило, человеком преклонного возраста, он считается хранителем адата, устных традиций и традиционного права. По любому случаю житель деревни может прийти к своему дукуну и получить от него нужные наставления. Дукуны пользуются шаманскими книгами-пустакami, сделанными из древесного луба, и талисманами с письменами, нанесенными обычно на кусочки бамбука. В батакских жреческих текстах можно найти молитвы, заклинания от болезней, обращения к злым и добрым духам, календа-

ри и т. п. Для этой цели использовалось старобатакское письмо, представляющее упрощенный вариант древнеиндийского письма. Сейчас оно вышло из употребления. Непременной принадлежностью жреца-дукуна является и жреческий жезл, или посох, с вырезанными на нем фигурками, имеющими магическое значение.

Подобные жезлы, жреческие книги и талисманы изготавливаются в качестве экзотических сувениров для туристов. Они здесь столь же неотъемлемые атрибуты каждой антикварной лавчонки или бродячего торговца местными диковинками, как крысы на Яве или деревянные статуэтки на Бали. Торговец с благоговением развернет перед вами пустаку, словно совершает священный ритуал, и станет убеждать вас в том, что это подлинная древняя книга. «Пусть туан купит ее себе на счастье. И добрые духи помогут ему». Один такой красноречивый коробейник, которого я повстречал на берегу озера Тоба, убедил меня купить у него старую пустаку. В Джакарте я показал ее знакомому сотруднику музея, знатоку старобатакского письма.

— Вас ловко разыграл плут, и вы стали обладателем грубой подделки,— убежденно сказал он.— Это не жреческий текст, а бессмысленный набор закорючек, лишь отдаленно напоминающих древнее письмо батаков. Скорее всего, ловкий мастер, изготовивший эту вещь, понятия не имел об этом письме.

Я вспомнил этот случай и рассказал о нем моим собеседникам. Они искренне посмеялись. Не нужно обладать большим даром рассказчика, чтобы рассмешить индонезийца, смешливого по натуре.

Батак рассказал, что был знаком с одним старым дукуном из деревни, где живут его дальние родственники. Этот дукун очень дорожил своими жреческими книгами, переходившими из поколения в поколение. И отец, и дед, и прадед, и более отдаленные его предки тоже были жрецами. Однажды журналист попросил его прочитать и объяснить тексты книг. «Зачем читать? Вот моя книга»,— сказал жрец и хлопнул себя ладонью по лбу. Все молитвы и заклинания он запомнил со слов отца, а отец запомнил их со слов деда. Дукун сознался, что не знает старобатакского письма. Не владел этим письмом и его отец. Дед еще, кажется, был знатоком древней письменности, но он умер еще не слишком старым человеком и

поэтому не успел передать своих знаний отцу нынешнего дукуна.

— Пусть туана утешит история, которую я услышал от моего знакомого дукуна,— сказал молодой журналист.— Не он один стал жертвой хитрого торговца. Вот послушайте.

Однажды у старого дукуна пропала его самая главная жреческая книга. Может быть, старик потерял ее или эта ветхая книга рассыпалась в прах. А возможно, проказливые внучата играли с ней и забросили куда-нибудь или же глутоватый сосед стащил книгу, чтобы выгодно продать заезжему иностранцу. Дукун был потрясен свалившейся на него бедой. Грустный сидел он перед домом и отказывался разговаривать с односельчанами, приходившими к нему за советом и молитвами. Уже никто во всей округе не умел изготавливать жреческие книги.

Выручил злополучного дукуна Ахмед, бродячий торговец сувенирами, наведывавшийся сюда из ближайшего городка. Деревушка раскинулась невдалеке от шоссе, связывавшего Медан с курортным городком Прапатом на озере Тоба. Поток автомашин по шоссе, особенно по воскресным дням, был оживленным. Иногда случалось, что «Фиат» или «Холден» останавливался возле деревушки и пассажиры выходили, чтобы купить свежих фруктов и немного поразмяться.

Каким-то образом торговец проведал, что местный дукун потерял свою самую главную жреческую книгу, и пришел к его хижине с большим узлом за спиной. Не обращая внимания на охи и ахи старика, Ахмед, словно его давно поджидали, присел на корточки перед дукуном и стал развязывать узел. Среди его пожитков оказались и искусно выполненные пустaki с ровными столбцами старинных знаков. Страницы книг были украшены замысловатыми рисунками, значение которых мог понять только опытный жрец.

— Первоклассные пустaki, бапак. Выбирай по своему вкусу,— предложил торговец.

Дукун с одного взгляда оценил, что пустaki действительно добротные, хотя и не ахти какие древние.

— Сколько?— с интересом спросил старый жрец.

— Из уважения к бапаку ...пусть я буду банкрот,— льстиво ответил Ахмед и назвал сумму чуть поменьше той, какую запрашивал с бездельников-иностранцев.

— Ого! Я не ослышался?

— Из уважения к бапаку сбавлю...

Начался торг, неторопливый, как ритуальное действо. Для Ахмеда это и был ритуал, священный, привычный. В конце концов сторговались. Дукун отдал торговцу немалую для простого деревенского жреца сумму денег и еще кусок ткани, расшитой батакским орнаментом, в придачу. Зато он стал обладателем великолепной жреческой книги из луба с деревянными, обтянутыми кожей корочками.

Дукун повеселел и снова стал принимать своих клиентов. Он сидел перед домом на циновке в полном жреческом облачении. Перед ним были разложены все его жреческие атрибуты: жезл-посох из черного дерева, украшенный резными фигурками, талисманы, книги с заклинаниями и молитвами. Приобретенная у Ахмеда пуштака, растянутая гирляндой, свешивалась с его плеча наподобие орденской ленты. Глухим дребезжащим голосом дукун читал заклинания, стараясь сохранить подобающую его сану важность. Односельчане почтительно смотрели на него, ожидая услышать мудрый совет. Одному из них дукун должен был помочь выбрать имя для младенца, другому — назначить благоприятный день для начала сбора урожая, третьему — дать совет относительно постройки новой хижины.

Новой книгой жреца как-то заинтересовался его племянник, деревенский учитель. Он был образованным человеком и единственный на всю деревню мог с трудом разобраться в старобатакском письме. Припоминая значение каждого знака, абсолютно не похожего на буквы современного алфавита, медленно постигая значение каждого столбца, каждой страницы, учитель прочитал книгу.

— Чушь какая-то, — вымолвил он, а потом долго и заразительно смеялся.

— Объясни, пожалуйста, что тебя рассмешило? — попросил его дядюшка-дукун.

Учитель объяснил. Это было подлинное старобатакское письмо, наполненное смыслом и содержанием. Но каким! Мастер был безусловно человеком грамотным и даже образованным. Однако он не удосужился точно скопировать тексты молитв и заклинаний с какой-нибудь старой книги. Может быть, такой книги просто и не

было в его распоряжении, а возможно, он хотел созорничать. По всей видимости, он воспользовался уголовной хроникой из газет, дюжиной фривольных анекдотов, какие иногда публикуются газетами в уголке юмора. Книга открывалась какой-то скандальной историей о контрабандистах-китайцах, орудовавших в Малаккском проливе, и об аресте видного чиновника провинциального аппарата, получавшего от них крупные взятки. Эти газетные тексты на современном индонезийском языке были лишь переписаны старобатакскими письменами.

Дукун разразился проклятиями и стал поносить Ахмеда, сыгравшего с ним такую злую шутку. Не иначе, как в этого прыткого торговца вселился злой дух.

— Успокойся, дядюшка,— пытался остановить расходившегося старика учитель.— Никакой злой дух не вселился в твоего Ахмеда. Вряд ли он сам понимает, что тут написано.

Потом мой собеседник-батак узнал, что подобные проделки — дело рук студентов местного университета, озорников и выдумщиков. Вынужденные искать заработок, чтобы не быть отчисленными за невзнос платы за учение, студенты подрядились имитировать старинные батакские тексты жреческих книг. Заказчиком был один богатый китаец, оптовый торговец антикварными изделиями и сувенирами. За выполненную работу он платил жалкие гроши. Поэтому студенты и возненавидели своего эксплуататора и решили зло подшутить над ним. Страницы жреческих книг из луба стали заполняться не заклинаниями и молитвами, обращенными к злым и добрым духам, а уголовной хроникой, и анекдотами из газет, касающимися преимущественно богатых китайских торговцев, ростовщиков, спекулянтов, контрабандистов. Это была наивная форма социального протеста.

Я поинтересовался, как поступил деревенский дукун со своей покупкой, убедившись в ее нерелигиозном содержании. Батак-журналист ответил, что старик побушевал немного, а потом остыл и сказал племяннику:

— Главная книга вот здесь, в моей голове. А пустяку не выбрасывать же, если я заплатил за нее такие деньги. Надеюсь, племянничек, ты не станешь болтать соседям, какую шутку сыграл с твоим старым дядюшкой этот мошенник Ахмед.

Анимистические верования у батаков связаны с по-

клонением различным духам, культом предков, заботой о душах умерших. Духи разделяются на добрых духов-покровителей и злых, которые могут наслать на человека порчу, болезни и другие несчастья. Существуют и элементы тотемизма. Каждый батакский род имеет своего тотема, родоначальника-покровителя, воплощенного в образе какого-нибудь животного. Сложны и разнообразны погребальные обряды у батаков. В одних районах останки усопшего предаются земле, в других кремируют или оставляют далеко за деревней на открытой платформе. В одном из родов оставшийся после кремации прах помещают в маленькую модель лодки, специально изготовленную для погребального обряда, которую пускают по течению реки, впадающей в Малаккский пролив. В некоторых районах останки знатных батаков хоронят в каменных урнах и саркофагах.

Являются ли батаки, общая численность которых составляет более двух с половиной миллионов, единым этносом или же это группа родственных между собой народов? На этот счет ученые не пришли к согласию. По лингвистическим и этнографическим особенностям батаки делятся на шесть больших групп. Из них самые многочисленные тоба-батаки и каро-батаки. Языковые различия между ними значительны, так что представители различных групп с трудом понимают друг друга. Идет ли здесь речь о самостоятельных, хотя и родственных языках или же о местных, сильно отличающихся друг от друга диалектах? Не смог ответить на этот вопрос и мой коллега-батак.

— Затрудняюсь сказать. Ведь я не ученый-лингвист, не этнограф. Если мой соплеменник окажется вдалеке от родины, среди яванцев или какого-нибудь другого народа, он просто батак. Все называют его батаком, и он считает себя таковым. Здесь же, на Северной Суматре, понятие «батак» воспринимается как нечто слишком общее, неконкретное. Здесь я уже не просто батак, а каро-батак. Если я повстречаю тоба-батака или батака-ангола, я предпочту заговорить с ним по-индонезийски. Ведь каждый грамотный человек усвоил индонезийский еще со школьной скамьи. Если же я заговорю на своем родном языке, батак из другого района может меня не понять.

— Можно ли говорить о консолидации батаков в

единую этническую общность, формировании единого батакского языка и стирании местных языковых различий? — спросил я.

— Опять вы задаете непростой вопрос. Конечно, всем батакам свойственно чувство единой национальной общности, общих традиций, культуры. Но, кроме того, каждый из нас чувствует себя не просто батаком, а каро-батаком, или тоба-батаком, или еще каким-нибудь батаком. И еще в большей степени он ощущает принадлежность к определенной марге, т. е. к клану или большому роду. Если я, к примеру говоря, кроме моего личного имени Хайрул ношу еще клановое имя Насутион, являющееся также названием моей марги, то все Насутионы, живущие в Индонезии, для меня кровные родственники. Хотя бы всех этих Насутионов были десятки тысяч.

— Вы не ответили на вторую часть моего вопроса относительно формирования единого батакского языка.

— Не ответил и затрудняюсь ответить. Полагаю, что единый батакский язык, стирающий местные наречия или диалекты, мог бы сформироваться на базе общего литературного языка. Но батакской печати, по существу, нет, если не считать одного худосочного журнальчика. Писатели-батаки, живущие в Медане, Сиболге, Пематанг-Сиантаре, вынуждены писать на индонезийском языке, если хотят увидеть свои рассказы, очерки, стихотворения опубликованными в газете или в каком-нибудь сборнике. Образованный батак, обосновавшийся в столице или даже в Медане, в своей повседневной жизни обходится индонезийским. А неграмотные и малограмотные обитатели деревень остаются каро-батаками, тоба-батаками, англолами, симелунгами.

Ответы моего собеседника служат подтверждением мнения ученых-этнографов, что батаки еще не достигли стадии формирования единой нации в отличие от других крупных этносов Индонезии: яванцев, сунданцев, мадурцев, минангкабау и некоторых других. Внутри батакского общества еще велики племенные, клановые, диалектные различия. И племенное или клановое самосознание нередко превалирует над общенациональным батакским.

У батаков еще сохранились многие черты общинной и родо-племенной организации. Их основные этнические

подразделения делятся на марги, которые в свою очередь подразделяются на малые марги, и т. д. Батакские фамилии — это, по существу, названия марг. К числу известных можно отнести марги Насутион, Пангабеан, Симберинг, Гинтинг, Пардеде, Самосир, Ситуморанг, Харахап. Все члены марги считаются происходящими от одного общего предка, с фигурой которого обычно связаны различные фантастические сказания и легенды. Если в деревне проживают представители не одной, а нескольких марг, то между ними устанавливается определенная иерархия. Самой привилегированной считается марга, дольше всех живущая в данной местности. Из числа ее членов обычно выбираются старосты и другие местные должностные лица. Члены одной марги, даже при весьма отдаленной степени родства, считают себя родственниками и по возможности поддерживают друг с другом земляческие связи, если находятся в одном и том же городе, вдали от родины. Каждый может рассчитывать на поддержку своего однофамильца, если их не разделяет слишком заметное социальное неравенство.

Из числа батаков вышло немало видных государственных и военных деятелей, например генералы Абдул Харис Насутион, Панггабеан. Мне довелось познакомиться с многими выдающимися деятелями культуры — батаками. Из них назову талантливого поэта-лирика Ситора Ситуморанга, возглавлявшего в начале 60-х годов «Общество национальной культуры», связанное с Национальной партией; замечательного певца Гордона Тобинга, создавшего свой инструментально-вокальный ансамбль; одного из старейших индонезийских журналистов и публицистов, ныне покойного Парада Харахапа. Я храню его подарок — книгу очерков «Сегодняшняя Индонезия». С его однофамильцем и по батакским понятиям родственником Е. С. Харахапом мне познакомиться не удалось. Знаю его как автора интересной книги «Характер батакского народа», изданной в 1960 г. Министерством просвещения и культуры. В ней можно найти много разнообразных сведений об истории батакских районов, современном положении батаков, их религии, культуре, обычаях и традициях, языковых различиях между основными группами батакского населения.

В настоящее время немало батаков проживает в сто-

Женский танец (Северная Суматра)

лице Индонезии Джакарте. Батаки составляют и значительную часть населения Медана.

Мой второй собеседник был сыном плантационного служащего, уроженца одного из прибрежных районов. Это он рассказал мне историю, приведенную в предыдущем очерке.

— Когда меня спрашивают о моей национальности, я называю себя индонезийцем, — сказал он. — Мой родной язык и есть государственный язык Республики Индонезии. Если же говорить точнее, я малаец. Предки мои еще с времен великой империи Шривиджайи жили на восточносуматранском побережье. Малайзийские малайцы и малайцы Восточной Суматры — две ветви одного и того же народа, говорящего на одном и том же языке. В отдельных провинциях для малайского населения существуют еще и местные названия: джамби, риау, палембангцы. Диалектные различия между ними незначительны. По культуре мы ближе к народам Явы, чем к батакам. Наша религия — ислам.

Далее журналист-малаец рассказал о кампунге, в ко-

тором живут его родственники. Дед его был зажиточным крестьянином и лурахом, т. е. старостой поселения, жители которого занимались рыболовством и выращивали рис. По давнишней традиции пост лураха неизменно переходил от отца к сыну, если власти не были настроены против его семьи. Староста ладил как с прежними колониальными, так и с республиканскими властями. Он обучал старшего сына, бывшего при нем в качестве секретаря, несложной науке управлять кампунгом. Когда же лурах совсем одряхлел, он передал сыну свои административные функции. Второй его сын, отец журналиста, еще в голландские времена закончил неполную среднюю школу в Медане и стал работать на каучуковой плантации младшим администратором, помощником того самого голландца Вилли, история которого была рассказана выше. Когда голландец покинул Индонезию, его помощник поднялся на одну ступень по служебной лестнице и даже послал своего сына, внука старого лураха, учиться в университет.

— Дед умер сравнительно недавно, теперь лурахом мой дядя,— рассказывал мой собеседник.— Дедовский кампунг совсем не похож на батакское поселение. Стоит в устье большой реки у самой воды. Дома и даже деревенская мечеть и школа на сваях. Бывает, во время высокого прилива весь кампунг оказывается в воде. Лодка становится основным видом транспорта, как в Венеции.

Обычай строить свайные жилища возник в незапамятные времена. Он был обусловлен двумя главными причинами: необходимостью приспособиться к специфическим природным условиям, изменчивому режиму рек, чреватому частыми наводнениями, а также стремлением обезопасить себя от набегов пиратов. В средние века восточносуматранское побережье было прибежищем пиратов, нападавших не только на торговые корабли, но и на мирное население прибрежных районов. Поэтому местные жители выбирали для своих поселений укромные места в глухих протоках и лабиринтах островов в устьях рек. С одной стороны поселения были защищены непроходимыми болотистыми джунглями и мангровыми зарослями. Чтобы добраться из открытого моря до такого кампунга, нужно было преодолеть извилистый фарватер, петляющий между песчаными отмелями и корал-

ловыми рифами, известный лишь местным опытным лощманам. Иногда фарватер перегораживали защитным боём. Пираты стали теперь достоянием истории, хотя, как меня уверяли, не перевелись совсем. Но сложные географические условия сохранились, а вместе с ними сохранились и свайные поселения, возводимые не только на низменном берегу, но и на мелководье рек и заливов.

Жилища малайцев, как правило, отличаются простотой — каркасная постройка, крытая чаще всего камышом, со стенами из бамбуковой щепы. Подобные жилища в общих чертах напоминают хижины яванских крестьян. Последние отличаются лишь тем, что ставятся прямо на земле или на низких, не более полуметра высотой сваях. В хозяйстве суматранских малайцев, кроме рыболовства и рисосеяния, немаловажное значение имеет также производство плантационных культур. Там, где позволяют условия, выращиваются гевея, кокосовая, масляная и саговая пальмы, кофе, табак, хлопчатник.

Третий собеседник был яванцем, недавно приехавшим в Медан из Джакарты. Основную массу яванской прослойки на Северной Суматре составляют плантационные рабочие-кули, завербованные в свое время по контракту. Кули использовались также на строительстве дорог, портовых сооружений. Некоторые из современных плантационных рабочих провинции являются потомками первых кули во втором, третьем и даже четвертом поколении. Среди них можно встретить представителей всех основных народов Явы: яванцев, сунданцев и мадурцев. Оторвавшись от родной почвы, они смешиваются между собой, а также с местными малайцами и значительно реже с батаками (по причине религиозных и этнокультурных различий). Часть этих выходцев с Явы приобщилась к самостоятельному крестьянскому труду, а другая часть осела в городах.

Молодой журналист не принадлежал к этой среде, а происходил из семьи среднего достатка. Сельскохозяйственный пролетариат, представленный здесь в основном выходцами с Явы, составляет низшую ступень общественной пирамиды. И маловероятно, чтобы сын простого плантационного рабочего смог получить образование и стать журналистом. Мой собеседник оказался сыном служащего государственной фирмы, занимающего в чи-

новной иерархии довольно высокое положение и получившего недавно перевод с Явы в Медан. Пользуясь своими связями, отец пристроил сына в одну из редакций.

Три молодых журналиста, с которыми я познакомился в Медане, были представителями трех народов, трех основных этносов северосуматранской провинции. Если же составить более полное представление об этнической структуре Северной Суматры, к батакам, малайцам и яванцам следует добавить китайцев и индийцев (как здесь не совсем точно называют различных выходцев из стран Южной Азии), которых много в городах, а также ачехцев и минангкабау, составляющих основную массу населения в двух соседних провинциях.

Средством общения между различными народами страны служит индонезийский язык, объявленный общегосударственным. В основу его лег малайский литературный, пополненный многими заимствованиями из других языков Индонезии. Почему общегосударственный индонезийский язык, так широко и сравнительно легко распространившийся по стране, возник на основе малайского, а не какого-нибудь другого из языков Индонезии? Почему эту роль не сыграл язык более значительного этноса? Ведь яванцев проживает в Индонезии в 8,5 раза больше, сунданцев — в 2,5 раза, а мадурцев — в 1,5 с лишним раза больше, чем носителей малайского языка. В чем же дело? На этот непростой вопрос не ответит без затруднений и опытный лингвист. Автор же этой книжки очерков возьмет на себя смелость дать лишь схематичный и далеко не исчерпывающий ответ.

Еще со времен раннего средневековья малайцы, отличные мореходы, проникали в различные уголки индонезийского архипелага и селились не только на восточном побережье Суматры, но и на многочисленных островах между Суматрой и Калимантаном, в прибрежных районах Калимантана, на северном побережье Явы и т. д. Так малайский язык получил повсеместное распространение, особенно в приморских районах. По своей грамматике и фонетике язык этот не слишком сложен, и его сравнительно легко усваивали представители других народов, общавшиеся с малайцами. Он гораздо проще яванского, в котором существуют несколько стилей. Одним стилем изъясняются между собой аристократы, другим — простолюдины, третьим — вышестоящий в со-

циальной иерархии обращается к нижестоящему, четвертым — наоборот, нижестоящий к вышестоящему и т. п. Поэтому в тех местах, где сосредоточивались представители многих народов, например в крупных портовых городах, торговых центрах, малайский язык становился языком-посредником, доступным для каждого. Так сложился джакартский говор малайского языка, впитавший немало сунданских и яванских слов. Эту распространенность и доступность малайского языка использовали и голландцы в своих интересах. Они допускали его в качестве средства общения в административном аппарате, языка прессы и школьного обучения. Понятие «индонезийский язык» вошло в обиход с 30-х годов нынешнего столетия. Национальные силы Индонезии, боровшиеся за освобождение от колониального ига, стали рассматривать индонезийский язык как общенациональный и ратовали за развитие литературы, печати, образования на нем. С провозглашением 17 августа 1945 г. независимой Республики Индонезии официальным общегосударственным языком был объявлен индонезийский.

В УНИВЕРСИТЕТЕ И У СВЯТЫХ ОTCОВ

В Медане имеются два крупных университета, государственный и христианский, а также ряд небольших учебных заведений, считающихся высшими и принадлежащими политическим партиям и частным лицам. В результате беседы с главой провинциального управления образования и культуры, а также с представителями администрации обоих университетов удалось получить некоторое представление об этих учебных заведениях.

Крупнейшее из них — Государственный университет Северной Суматры. Там восемь факультетов, на которых обучается около восьми тысяч студентов. Экономический факультет имеет отделение в городе Сиболга на западном побережье острова. Это учебное заведение во многом схоже с любым индонезийским университетом. Те же трудности, те же проблемы. Не хватает учебных помещений, лабораторного оборудования. Нет средств на выпуск научных трудов, нет преподавателей. Казалось бы, внушительная цифра — восемь тысяч студентов,

но она не должна обольщать. Если, к примеру, на тот же экономический факультет в этом году принято двести юношей и девушек, это вовсе не означает, что все они через несколько лет сделаются счастливыми обладателями дипломов. Дипломы получают из этих двухсот, может быть, человек тридцать — сорок. Отсев в процессе учебы исключительно велик. Главные причины отсева — материальные затруднения учащихся, высокая плата за обучение, недостатки учебного процесса, отсутствие необходимых пособий.

— Если студент не вносит своевременно плату, мы вынуждены его отчислить, даже если это студент исключительных способностей, — сказал мне помощник ректора. Печальная неизбежность!

Когда я поинтересовался, велика ли плата за обучение, мой собеседник пояснил, что правительство не назначило никакой официальной платы. Каждое высшее учебное заведение решением ректората устанавливает свою плату в зависимости от местных условий и своих потребностей. Ее размеры на разных факультетах различны. Выше всего она на медицинском факультете, поскольку там приходится оплачивать не только посещение лекций, семинаров, экзамены и консультации, но также клиническую практику, лабораторные занятия, пользование приборами и инструментами. Помощник ректора назвал мне среднюю по всем факультетам университета сумму годичной платы за обучение. Вряд ли она о чем-нибудь скажет читателю, принимая во внимание часто меняющийся курс индонезийской рупии. Достаточно отметить, что сумма эта приблизительно равна месячной зарплате низшего чиновника. Если же речь пойдет о медицинском факультете, где плата значительно выше, то ее можно сравнить с месячным окладом среднего чиновника.

Далее задаю вопрос: есть ли среди местной профессуры иностранцы? До конца 50-х годов в индонезийских высших учебных заведениях было много иностранных профессоров, в частности американцев. Особенно их привлекали кафедры общественных наук. Затем Сукарно, осуществляя наступление на позиции иностранного капитала, стал бороться и с идеологической экспансией империалистических держав, запретив деятельность пропагандистских центров при посольствах США и Англии.

Была средена на нет и численность иностранной профессуры в университетах. Это положение мало изменилось и после отстранения Сукарно от власти, когда был открыт широкий доступ в страну иностранному монополистическому капиталу и посольства западных держав возобновили свою пропагандистскую деятельность. Однако новый режим предпочитал осуществлять подготовку студенческой молодежи своими силами, прибегая к услугам иностранной профессуры лишь в самых крайних случаях. Так, в университете Северной Суматры во время моей поездки в Медан работало всего четыре-пять иностранцев, в том числе два немца-врача и один американец-филолог.

Сначала я намеревался посетить также одну из средних школ Медана и обратился за содействием к чиновникам провинциального управления просвещения и культуры.

— Наши правительственные школы, к сожалению, оставляют желать лучшего,— сказал один из них.— Не хватает помещений, многие школьные здания в неудовлетворительном состоянии. Поэтому немало детей школьного возраста вообще лишено возможности учиться. Педагоги недовольны низкими окладами. Пока мы не можем похвастать слишком большими успехами. Если хотите посмотреть хорошую школу, обратитесь к католикам-миссионерам.

Узнав, что один из сотрудников нашего генконсульства знаком с отцами-монахами из католической миссии, занимающейся в Медане обучением школьников, я решил воспользоваться этим. Мы подъехали к старинному голландской постройки особняку с открытой верандой, выходявшей в сад. В плетеном кресле сидел с книгой на коленях сухопарый монах в белой полотняной сутане. Он приветливо встретил нас, пригласил сесть. Мой товарищ представил меня как журналиста и историка. Пока мы беседовали, как-то незаметно появился второй монах, очень похожий на первого, такой же пожилой и сухопарый, в такой же светлой сутане. Мы продолжали беседовать, и вот откуда-то появился еще один монах, тоже пожилой и сухопарый и в такой же сутане.

Самым старшим по положению был отец Матиас, директор католической средней школы. Другой, отец Крис-

пинус, преподавал английский язык, а третий, отец Дэвис, ведал начальными классами. Отец Матиас ничем не подчеркивал своего старшинства и держался со своими коллегами как равный. Все трое были отменно любезны с нами, подчеркнуто интеллигентны. Внешний монашеский аскетизм не мешал им быть живыми, остроумными собеседниками, готовыми и пошутить и вернуть острое словцо. Дух времени наложил свою печать и на этих слуг святого престола.

У них в доме была великолепная библиотека. Монахи любезно согласились показать ее, сняли с полок несколько фолиантов. Я увидел огромное число интересных для меня книг по истории, этнографии, искусству Индонезии. Видя, что я заинтересовался этими книгами, отец Матиас посоветовал мне встретиться с ученым монахом, престарелым отцом Донатусом, живущим сейчас на покое в Прапате. Четверть века пробыл он в джунглях Калимантана в качестве миссионера. И не только нес слово божье лесным даякам, но и занимался серьезной научно-исследовательской работой как антрополог, этнограф, лингвист, изучал диалекты местных племен, собирал даякский фольклор. Его живые, непосредственные наблюдения легли в основу ценнейших исследований о жителях джунглей Калимантана, их обрядах, обычаях, говорах, народном творчестве.

Я попросил разрешения посетить школу, в которой работали монахи. Хотелось сравнить ее с обычными индонезийскими школами. Отец Матиас охотно дал свое согласие и сразу же предложил договориться о времени посещения. Почему бы не показать католическую школу советскому гостю, если она его интересует. В словах отца Матиаса звучала уверенность, что краснеть за свое заведение не придется. Школа действительно производила хорошее впечатление. Здание было построено продуманно, с учетом местных климатических условий. Просторные классы выходили на открытые коридоры-галереи. Хорошее оборудование, шкафы с наглядными пособиями, географические карты и учебные плакаты на стенах, опытные преподаватели — все это выгодно отличало эту школу от других городских и тем более сельских учебных заведений.

— Мы платим нашим учителям в несколько раз больше, чем в государственных школах,— пояснил ди-

ректор.— Поэтому они не бедствуют так, как их коллеги из правительственных учебных заведений. Ведь обычно учитель вынужден искать дополнительный заработок.

— Ваши ученики обязательно должны принадлежать к католическим семьям? — спросил я.

— Вовсе нет. Многие видные чиновники, военные, дельцы, причем ревностные мусульмане, предпочитают посылать детей к нам.

— И это не противоречит их приверженности к исламу?

— Если представляется возможность дать детям более солидную подготовку, какую пока не в состоянии дать обычные правительственные школы, трезво мыслящий человек не будет шепетилён в вопросах религии. Мы же рассчитываем на добрые чувства наших учеников к религии христовой.

— Налагает ли поступление в эту школу на учеников какие-либо религиозные обязательства?

— Нет, они могут оставаться мусульманами, протестантами или анимистами.

— В чем же тогда смысл вашей деятельности?

— В том, чтобы сеять добро и надеяться, что за добро наши воспитанники заплатят христианской церкви таким же добром, а кто-нибудь по своей доброй воле приобщится к ней.

Я убедился, что деятельность отца Матиаса и его коллег была далеко не безрезультатной. Этот добродушный наставник в старенькой сутане совсем не походил на сурового, фанатичного аскета с полотен Эль Греко. На перемене его окружили стайки девочек и мальчиков. И для каждого старый учитель-монах находил приветливое слово, прибаутку, шутил, смеялся. Потом, распрощавшись со мной, он взобрался на старенький велосипед и укатил домой.

Передо мной был лишь частный пример активности христианских церковников в современной Индонезии, которую я наблюдал и на Яве, и на Калимантане, и на Западном Ириане. Нередко они прибегали к гибким средствам для своего проникновения, создавая не только церкви и монастыри, но и школы и госпитали, в которых так нуждается страна.

После посещения католической школы мы совершили поездку в Белаван, порт Медана, находящийся от

него на расстоянии примерно 25 км. Медан связан с Белаваном как железной, так и шоссейной дорогами. Неширокое шоссе тянется по низменной лесистой местности. Порой заболоченные джунгли подступают прямо к дороге. На нашем пути встретилась одна достопримечательность — большая нарядная мечеть в чаше деревьев. Останавливаемся, чтобы посмотреть сооружение. Мечеть с большим луковичным куполом и тонким минаретом построена фундаментально. По стилю сооружение напоминает дворец делийского султана в Медане. Обычно же мусульманские храмовые постройки в Индонезии отличаются скромностью и простотой.

Белаван — небольшой и неказистый городишко. Стоит он в низменной нездоровой местности примерно на 3,5° северной широты. Малаккский пролив здесь расширяется почти до 300 км. У пирса мы увидели несколько торговых кораблей. Иногда сюда заходят за каучуком и советские суда. Основной грузооборот внешней торговли Северной Суматры идет через Белаван. Это крупнейший порт острова наряду с южносуматранским Палембангом.

Мы проехали всего лишь 25 км, но уже почувствовали разницу в климате Медана и Белавана. Здесь стоит удушливая жара, от окружающих болот поднимаются тяжелые испарения. Хочется тотчас же искупаться. Но вода у берега в проливе грязная и, как говорят, кишит опасными морскими змеями. Поэтому купаться здесь отваживаются немногие. На пирсе шла погрузка, суетились полуголые коричневые грузчики, скрипели корабельные лебедки. Обшарпанный теплоход под звездно-клетчатым панамским флагом принимал в свою утробу тюки с копррой. Возможно, что этот корабль никогда и не заходил в воды маленькой центральноамериканской республики, под флагом которой плавал.

Навестили в Белаване польского инженера Тадеуша, занимавшего небольшой домик. Он работал в порту в соответствии с договором о техническом сотрудничестве между Польшей и Индонезией. У Тадеуша мы застали еще двух поляков, Франтишека и Анджея, работавших на строительстве сахарного завода. Польские товарищи обрадовались нам, как вообще можно обрадоваться друзьям и соседям, находясь вдалеке от родины, проявили гостеприимство и радушие, не отпускали нас до позд-

него вечера. Они делились с нами своими индонезийскими впечатлениями, рассказали, что установили неплохие деловые связи с местными коллегами. Индонезийцы прониклись уважением к польским специалистам, самоотверженно трудившимся на далекой Суматре.

НА ОЗЕРЕ ТОБА

В курортном городке Прапате мы с семьей нашего генерального консула Ежова провели пару дней. Расстояние от Медана до берегов высокогорного озера Тоба составляет приблизительно 200 км, и весь путь в один конец занимает не менее трех часов. Дорога далеко не первоклассная и узкая. Асфальтовое покрытие местами поизносилось, много глубоких выбоин. Временами попадаем в заторы автомашин. Поэтому двигаемся не так быстро, как хотелось бы.

Сначала направляемся на юго-восток, вдоль железной дороги и параллельно морскому побережью. Потом дорога круто сворачивает на юг и начинает подниматься в горы. Минуем несколько небольших городов, центров областей-кабупатенов и округов-качаматанов. Самый крупный город на нашем пути — Пематанг Сиантар. Здесь мы останавливаемся ненадолго. Невдалеке, прямо на опушке леса находится небольшой зоологический сад. Тенистые аллеи сада перекрыты плотным сводом зеленой листвы. В тесной клетке мечется пятнистый леопард. В его больших бирюзовых глазах невыразимая тоска пленника. В другой клетке две кобры, подняв головы и раздув шейные капюшоны с узором, настороженно следят за посетителями. В их злобных немигающих глазах холодный металлический блеск. Суматранский слон, не такой большой, как его индийский сородич, протягивает хобот к публике, выпрашивая подачку.

Едем дальше. Примерно на полпути начинаются плантации гевеи, кофе, какао. Преобладают каучуконосы. Плантационные рабочие собирают латекс, скапливающийся в алюминиевых чашечках, которые подвешены к стволам гевей. Когда дерево достигает зрелого возраста, на поверхности его ствола делают косые надрезы, по которым густой, молочно-белый сок капля за каплей стекает в чашечку. Подобный несложный способ анало-

Традиционный общинный дом батаков

гичен подсочке нашей сосны, которая производится для сбора смолы. Ровные ряды гевей напоминают аллеи чистенького, ухоженного парка. Большинство плантационных рабочих — выходцы с Явы, которых пригнали сюда безземелье и безысходная нужда. И сейчас пауперизованная и перенаселенная Ява составляет огромный резервуар дешевой рабочей силы. Местных батаков среди плантационных рабочих, как правило, мало. Хотя и у них идет процесс социальной дифференциации и пауперизации деревни, все же он не зашел так далеко. Объяснить это можно тем, что здесь нет такой перенаселенности и малоземелья, как на Яве, и еще тем, что традиционная общинно-клановая организация сохранила большую устойчивость.

Изредка в массивы плантаций вклиниваются рисовые поля и огороды. Здесь, очевидно, плантационные рабочие захватили заброшенные плантаторами земли, освоили их и превратились в крестьян. Но таких счастливых мало.

Ближе к озеру Тоба, в горной местности, встречаются батакские деревни. По своему облику они заметно отличаются от яванских. В них нет такой скученности. Здешние селения обычно невелики. Дома либо вытянулись вдоль деревенской улицы, либо рассыпаны без всякого порядка. Батакские жилища также отличаются от яванских. Каркас здешнего дома ставится на крепких толстых столбах примерно полутораметровой высоты. Стены, имеющие некоторый наклон наружу, невысоки и частично прикрыты нависшей сверху крышей. Окон в батакских домах обычно нет. Помещение внутри дома освещается через дверной проем или через щели сплетенных из бамбуковой щепы стен. Крыша делается из жесткого камыша-иджука и имеет вогнутую седловидную форму. Фронтоны сильно наклонены вперед и увенчаны либо остриями, либо фигурками в виде голов буйволов. Нередко батакские дома украшены резьбой и росписью. Особенно нарядно отделаны дома старейшин и общинные дома.

Местность, прилегающая к озеру, населена тоба-батаками. На нашем пути встречались дома, которые уже утратили традиционные черты и напоминают обычные индонезийские жилища. Большая часть тоба-батаков считается христианами, остальные — мусульмане. В каж-

дом более или менее значительном селении можно увидеть мечеть или протестантскую церковь, а изредка — и оба этих храма. Храмовые постройки отличаются скромными размерами и простотой и почти ничем не выделяются на фоне жилищ. Даже, наоборот, простая церквушка или мечеть теряется среди необычных по форме и украшенных резьбой и разными изображениями хижин.

В одной из деревень проходило какое-то торжество, возможно свадьба. Перед богатым домом собралась толпа празднично одетых людей. Традиционную одежду мужчин составляли брюки клеш и просторные рубахи с глухим воротом, перехваченные широким куском ткани (кайном), обернутым вокруг туловища. Кайн считался показателем богатства или бедности человека. Малоимущие носили на себе кусок скромной одноцветной ткани. У зажиточных кайн был расшит роскошным орнаментом. Женщины носят длинный кайн наподобие яванского саронга, а поверх него длинный жакет из легкой ткани, дополненный платком или шарфом, перекинутым через правое плечо. Почти на каждой женщине или девушке можно увидеть разнообразные украшения. Замужние носят серьги и кольца, чаще из серебра, а девушки могут дополнить свой наряд также ожерельем и браслетами. Впрочем, видели мы в этой толпе и людей в одежде современного европейского покроя, которая проникает даже в глухие сельские районы.

Батакскую свадьбу я видел однажды в Джакарте. Обе породнившиеся семьи из каро-батаков были мусульманами. Поэтому сначала проходил свадебный обряд в мечети с участием имама. Потом устраивалось многолюдное свадебное торжество по традиционному батакскому обряду. Отец жениха, довольно крупный правительственный чиновник и бизнесмен, нанял зал в одной из гостиниц и постарался не ударить лицом в грязь. Приглашенных было много: родственники и друзья, близкие знакомые и просто знакомые, друзья и знакомые родственников и друзей и знакомые знакомых. Ведь число гостей на свадьбе — это показатель престижа хозяев, их веса в обществе.

Гости толпились в зале как на большом дипломатическом рауте. Слуги обносили их угощениями и напитками. Играл оркестр. Несколько пар молодых парней и

девушек исполняли под музыку плавные батакские танцы. Мне сказали, что танцоры — учащиеся столичного университета, постоянные участники студенческой самодеятельности. Родители жениха и невесты пригласили их на свадебное торжество как своих земляков.

Но вот отец жениха, игравший, как я заметил, роль главного распорядителя, сделал знак рукой — и музыка и танцы прекратились. Началась собственно свадебная церемония. Толпа гостей образовала плотный полукруг перед женихом и невестой, сидевшими на циновке. Одна из женщин поставила на край циновки блюдо с вареным рисом. Молодые принялись за еду, символизирующую начало совместной семейной жизни. Затем невеста взяла кончиками пальцев щепотку риса и под смех родных и гостей стала обсыпать рисом жениха. Эта символическая церемония означала пожелание — пусть будет полон дом детей, пусть их будет так же много, как зернышек риса в этом блюде. Вслед за этим отцу жениха поднесли тарелку с тонко нарезанными ломтиками мяса. Он стал наделять ломтиками некоторых из гостей, видимо, самых высокопоставленных или своих близких родственников. Каждый из получивших угощение был обязан произнести приветственную речь с пожеланиями молодым. Речи были пышными и многословными. Пусть новобрачные будут вечно красивы и молоды, как в этот торжественный день! Пусть молодожен будет столь же мудрым и преуспевающим, как его высокоуважаемый отец и не менее уважаемый тесть! Пусть его молодая и прекрасная супруга будет такой же образцовой хозяйкой и матерью, как ее достопочтенная мать и не менее достопочтенная свекровь! Такие речи продолжались несколько часов.

У батаков, как мусульман, так и христиан, принято платить выкуп за невесту. В уплате выкупа жениху помогают все его близкие и дальние родственники. Когда я спросил через некоторое время у отца жениха, следовал ли он этой традиции, он ответил:

— Мы современные люди, туан. В городах этот обычай соблюдается уже не столь ревностно. Я ограничился подарками родителям невесты.

Чиночник хитро усмехнулся и многозначительно добавил:

— Хорошими подарками.

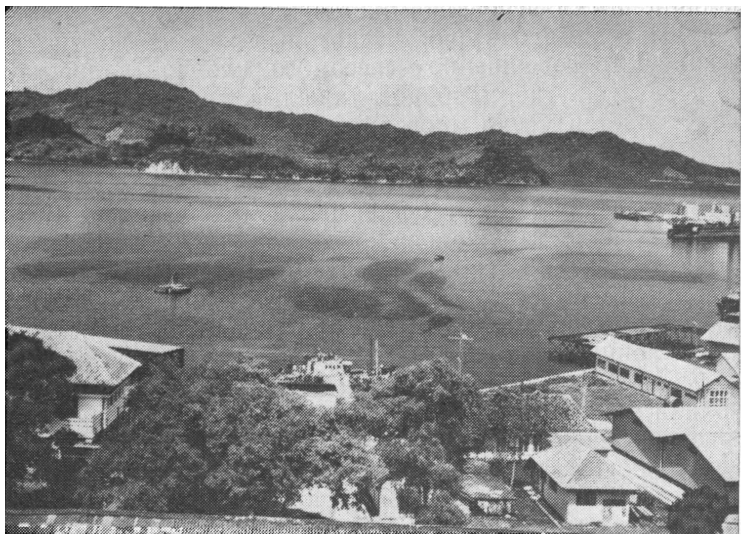
Погруженный в свои воспоминания о батакской свадьбе, я вдруг ощутил, как откуда-то повеяло влажной прохладой. Вот и озеро. Сверху оно кажется черным из-за огромной глубины. Озеро имеет форму кольца, опоясывающего остров Самосир, который выглядит ровным голым плоскогорьем, возвышающимся над спокойной водной гладью. Берега озера высоки и обрывисты. Дорога вьется по узкому искусственно отрытому карнизу над головокружительной пропастью. Не раз здесь случались катастрофы, когда машины с пассажирами срывались вниз. У самого выезда к озеру стоит обелиск, напоминающий об одной из катастроф.

Наш генеральный консул уверенно ведет машину. Он опытный водитель и не впервые преодолевает эту страшную дорогу. И все-таки ощущаю неприятный холодок на крутых поворотах, а также при виде встречных машин. Однажды нам попался автобус с пассажирами, следующий из Сиболги на западном берегу Суматры в Медан. Дорога казалась узкой и для одного автобуса. Как нам удалось благополучно разминуться с ним — не знаю.

Прапат находится на восточном берегу озера. Здесь обрывистый склон плоскогорья несколько отступает от берегов, да небольшая речка, впадая в озеро, образует лощину. На этой узкой полоске прибрежной суши и теснится городок. Однако земли не хватает. Поэтому строения лепятся по крутому склону, словно ласточкины гнезда. Городок растет не столько вширь, сколько вверх.

Из Прапата открывается великолепный вид: спокойная черная гладь озера, обрывистые берега, мрачноватый остров Самосир, песчаная лента пляжа у воды, шпиль католической церковки, притаившейся в глухой зелени на мысу, врезавшемся в озеро. Это поистине райское место облюбовали монахи-капуцины для постройки монастыря и семинарии. Именно здесь и доживает свой век престарелый отец Донатус, известный ученый-этнограф, о котором я говорил выше.

Мне пришлось немало поездить по Индонезии. Могу с полной уверенностью сказать, что побережье Тоба одно из самых живописных мест в этой стране. Прапат неизменно привлекает туристов. В городке довольно много небольших отелей, пансионатов, где можно снять

На берегу озера Тоба

номер или отдельную дачу — бунгало. Мы облюбовали один из таких «отельчиков», прилепившихся к крутому склону горы. С большим трудом удалось преодолеть подъем, подогнав машину по вымощенной камнем дорожке к веранде нашего домика.

Разместившись в отеле, идем смотреть ночной базар. Сумерки как-то внезапно надвинулись на озеро. Его поверхность, гористые берега, небо — все слилось в сплошную темную массу. Лишь по невидимому карнизу высоко над сзером двигались огоньки автомашин.

Базар в Прапате довольно оживленный. Торгуют преимущественно фруктами и местными батакскими сувенирами. Продавались жреческие книги и талисманы на бамбуке, явно поддельные. Но можно было встретить и подлинные, искусно выполненные вещи, которыми мог бы гордиться любой этнографический музей. Великолепны расшитые национальным орнаментом ткани, детали традиционного батакского костюма — головные платки и кайны, а также женские серебряные украшения и ножи. Батаки не чужды и искусства деревянной скульптуры, имеющей обычно ритуальное значение и связанной с

традиционными верованиями. Можно встретить нарочито примитивные фигурки. Некоторые из них делаются из какого-то совершенно невесомого, словно папье-маше, дерева, другие, наоборот, тяжелые, как камень. Часто встречается мотив многоярусных, повторяющихся фигурок, образующих как бы монолитный столб. Тот же мотив мы видим и в резных изображениях, украшающих жреческие жезлы. Он символизирует идею смены и преемственности поколений.

На следующий день мы познакомились с одной из достопримечательностей Прапата — домом, в котором находился бывший президент Сукарно на положении пленника в конце 1948 — начале 1949 г. Вскоре после кровавых мадиунских событий, когда национальные силы республики были значительно ослаблены, голландские интервенты развязали новые агрессивные действия против Республики Индонезии. В результате внезапного вероломного нападения они оккупировали временную республиканскую столицу Джокьякарту в Центральной Яве. Президент и члены его кабинета были арестованы голландцами. Сначала Сукарно был выслан в Прапат, а отсюда — на остров Банка. В Прапате он находился недолго. Здесь его резиденцией служила комфортабельная вилла на площадке над озером, окруженная садом. Это большая двухэтажная постройка с полукруглой открытой верандой и колоннадой, обращенной к озеру.

Мы рассмотрели дом. Он производил впечатление нежилого. Очевидно, он служил правительственной резиденцией, куда изредка наезжают члены правительства или высокие иностранные гости. Это здание напомнило нам о бурных страницах не столь далекого прошлого. Интервенты сравнительно недолго продержали в заточении президента и членов правительства Республики Индонезии и были вынуждены освободить их. Более того, в том же 1949 г. голландцам, прежним колониальным хозяевам Индонезии, пришлось пойти на мирные переговоры с правительством республики и на ее частичное признание. Провал голландской интервенции, несмотря на поддержку другими империалистическими державами, был слишком очевиден. Хотя интервентам удалось овладеть основными крупными городами и прибрежными пунктами, индонезийский народ продолжал мужественно бороться за национальное освобождение, перейдя

к тактике партизанской войны. Против действий интервентов и в поддержку индонезийского народа выступала вся мировая прогрессивная общественность. Большую роль в ее мобилизации сыграли выступления по индонезийскому вопросу советских дипломатов в ООН. Вынужденные маневрировать, голландцы навязали Индонезии федеративное устройство в рамках голландско-индонезийского союза и целую серию так называемых соглашений Конференции круглого стола, призванных закрепить полуколониальную зависимость страны. Но вскоре вся система, созданная вчерашними колонизаторами, рухнула, как карточный домик. Индонезийский народ добился создания унитарного и политически независимого государства.

О встрече с отцом Донатусом я писал уже в своей книге «Над Мерапи облака». Он голландец. Полное его имя Донатус Донсельман. Его жилище находится рядом с церковкой, окруженной монастырскими и семинарскими постройками.

Ученый монах принял нас в своем рабочем кабинете. Он бодрый старик с большими жилистыми руками фламандского крестьянина и бесцветными, словно выгоревшими от тропического солнца глазами. На нем коричневая сутана из грубой ткани с воротником, острые концы которого спускаются вниз почти до самого пояса. Такая униформа его монашеского ордена. В просторном кабинете скромная, но отнюдь не монастырская обстановка — несколько репродукций с рафаэлевских фресок Сикстинской капеллы и книги, великое множество книг. На полках и тисненые фолианты прошлых эпох, и современная научная периодика.

Отец Донатус живо интересовался работами советских этнографов, говорил о своих трудах, показал несколько редких изданий. Ему были известны имена и ряда ученых нашей страны. С некоторыми из них он даже переписывался.

Разговор перешел к излюбленной теме отца Донатуса — к лесным даякам Калимантана, среди которых монах прожил четверть века.

— Меня особенно интересовали некоторые даякские обычаи и обряды, их анимистические верования, — говорил он. — Это было интересно с точки зрения и науки, и моей практической миссионерской деятельности. Ведь я

не мог бы обратить в лоно христово ни одного язычника, если бы не знал его характера, мировоззрения, привычек. Изучая жизнь даяков, я пытался уловить некоторые, разумеется чисто внешние, формальные аналогии между их обрядами и христианскими. И это давало мне возможность внушать моей будущей пастве, что новая вера не противоречит привычному образу жизни.

Двойное впечатление оставил у нас отец Донатус. Ученый с мировым именем, подвижник науки, и в то же время ревностный проповедник христовой веры, опирающийся в своей миссионерской деятельности не только на религиозное рвение, но и на солидную научную базу. Огромная ценность его научных трудов о даяках, даякском фольклоре определялась многолетними личными наблюдениями автора, постоянным общением с предметом своего исследования. За четверть века ученый монах в совершенстве изучил местные диалекты лесных даяков и побывал в таких глухих дебрях, возможно, не без риска для жизни, куда ни до него, ни после не отваживался проникнуть ни один европейский ученый. Но во имя чего было совершено это подвижничество? Во имя чистой науки? Отец Донатус в сущности сам ответил на этот вопрос. Этнографическая наука лучше помогает узнать свою будущую паству. Наука есть средство, помогающее приобщению душ к христианской религии. Святой престол, разумеется, должен был дорожить таким ученым слугой, который брал на вооружение современные научные знания. Монах, издающий свои научные труды,— это еще и реклама церкви, свидетельство ее приспособляемости к духу времени, подтверждение тезиса: «Наука отнюдь не противоречит религии, а гармонически с ней связана, дополняет ее». В действительности перед нами был яркий пример того, как современная наука небезуспешно ставится на службу церкви.

Отец Донатус радушно с нами попрощался и проводил нас до выхода. Его апартаменты соединялись крытым переходом с церковью. Он, видимо, занимал лучшую обитель монастыря по праву почетного ветерана. Заслужил он это многолетними трудами на благо христианства. В церкви готовились к вечерней службе, зажигались свечи. Мы распрощались с приветливым стариком, пожелав ему новых успехов на научном поприще.

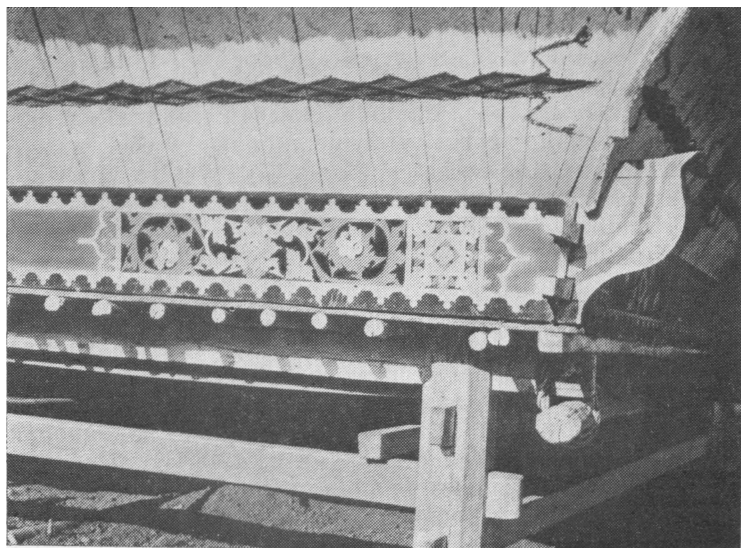
В воскресный день мы решили побывать на Само-

сире, договорившись с лодочником, чтобы он доставил нас на остров и обратно. Запрашивал с нас лодочник втридорога, плакался, жалуясь, что бензин стал дорог. Так в старой России жаловались чеховские извозчики: «Овес-то почем нонче, барин!» Обычай плакаться подобным образом, вероятно, существовал у всех извозчиков и лодочников во все времена. Супруга генерального консула была великая мастерица торговаться, и поездка обошлась нам в половину запрошенной цены.

От Прапата до ближайшего поселения на Самосире несколько километров. Хорошая моторная лодка проделала бы этот путь за считанные минуты. На нашу беду попался старенький изношенный мотор. Несколько раз он глох. Лодочник дергал за веревочку, чтобы вновь завести его. Мотор чихал, прерывисто трещал и снова глох. Вода в озере казалась неестественно спокойной и черной. Под нами была бездонная пучина. Наибольшая глубина Тоба превышает полкилометра. Высота поверхности его воды над уровнем моря — 911 метров. Единственный его сток — река Асахан, впадающая в Малаккский пролив. На озере небольшие пароходики и моторные лодки курсируют между прибрежными пунктами и Самосиром. Местные жители ловят в озере рыбу.

Наконец мы добрались до острова, потратив на наше путешествие добрый час. Пристали у селения, раскинувшегося на берегу. Видимо, это был какой-то низший административный центр — волости или сельского района. На одной из хижин висела вывеска учреждения, рядом была лавчонка. Парикмахер брил клиента у открытого окна своего заведения. Очевидно, появление европейцев здесь не в диковинку. Местные обитатели, в том числе и дети, не проявили к нам никакого интереса. Лишь один пожилой человек стал предлагать свои услуги в качестве добровольного гида. Он представился нам «потомком одного из раджей, которые когда-то правили на острове». Не знаю, может быть, он был самозванцем и просто набивал себе цену в глазах доверчивых иностранцев.

Селение казалось малоинтересным, лишенным каких-либо признаков местного своеобразия. Мы не увидели даже традиционных батакских хижин. Крытые камышом строения ничем не отличались от яванских. Гид настойчиво предлагал нам показать самое интересное. Мы со-

Фрагменты отделки батакского жилища

гласились принять его услуги. Он уверенно повел нас в сторону от селения и от берега, где оказалось в небольшой рощице сельское кладбище. Оно, собственно, и было единственной здешней достопримечательностью.

Здесь мы встретили особый тип погребения. Из камня или кирпича сооружается саркофаг в форме, имитирующей форму батакской хижины. Останки замуровываются внутри саркофага. Кладбище было небольшое. По-видимому, здесь хоронили только избранных или их близких родственников, принадлежавших к верхушке марги. Гид пояснил нам, что здесь погребены знатные люди — «оранг бесар».

От кладбища проселочная дорога шла вверх на плоскогорье. По ней медленно спускался буйвол, впряженный в скрипучую двухколесную арбу. Там наверху, по словам нашего гида, разбросано много небольших деревень, в которых живут тоба-батаки из клана Самосир. Деревни эти своим обликом резко отличаются от прибрежного поселения, в котором мало батакских черт.

Жители плоскогорья строго придерживаются обычаев и возводят свои хижины в соответствии с традициями.

Вообще, остров производит впечатление сурового клочка земли. На нем мало растительности. Здесь сравнительно малоплодородные почвы, не хватает источников орошения. В хозяйстве жителей острова большую роль играют скотоводство и рыболовство.

Отправляемся в обратную дорогу. Опять мотор у нашего лодочника чихает и глохнет. Из Прапата обратный путь по карнизу над озером особенно опасен. В Индонезии движение левостороннее, не как у нас. Когда мы ехали из Медана в Прапат, встречные машины заставляли нас прижиматься к нависшей над нами горе, и это было не так страшно. Теперь же приходится прижиматься к самому краю обрыва, да к тому же наступает густая вечерняя темень. Кажется, еще немного влево, и мы сорвемся вниз, в озеро. Ежов старается вести машину предельно осторожно, медленно, проявляя все свое высокое искусство водителя. Наконец-то минуем зловещий обелиск в память жертв катастрофы, и озеро остается позади. Нервное напряжение у нас постепенно проходит.

Вновь я мог любоваться видами озера Тоба, когда посетил студию известного художника Хасана Джафара. Он выходец с Центральной Суматры, по национальности минангкабау, но давно живет в Медане.

Попав в просторную гостиную художника, служившую и рабочей студией, я очутился в волшебном мире красок, ярких, сочных, праздничных. Все стены были в огромных полотнах-пейзажах, незаконченные работы стояли на мольбертах. Излюбленными сюжетами Хасана Джафара, как я убедился, были суматранские пейзажи и особенно виды озера Тоба, а также батакские деревни с их традиционными постройками.

Если бы я перед этим не совершил поездку на берега Тоба, широкие мазки красок показались бы мне чересчур грубыми, аляповатыми, а их яркость — ненатуральной, какой не бывает в природе. Действительно, художник чужд стремления натуралистически воспроизводить все детали или достигать скрупулезного соответствия красок в природе и на холсте, предпочитая широкое обобщение. И все-таки это был реализм, живая природа, а не ее приблизительное правдоподобие. Джафар создавал ее обобщенный, философски осмысленный образ, под-

черкивая идею радостного торжества бытия. Преувеличенная сочность красок, некоторая склонность к декоративности служат средством для выражения этих целей, характеризуют его творческий почерк. А он подсказан действительно буйной яркостью красок индонезийской природы, которую я наблюдал во время своих поездок по островам архипелага. Есть что-то в творческой манере Джафара от нашего Сарьяна. Их объединяют светлая жизнерадостность, оптимизм.

Художник пояснил, что любит размах и поэтому предпочитает большие полотна. Маленькое полотно его стесняет, сковывает. Он самоучка, как большинство современных индонезийских художников, но тем не менее участник многих выставок, завоевавший широкую известность. Но даже известность не избавила его от забот о хлебе насущном. Приходится еще держать лавочку. Всеми коммерческими делами занимается жена, чтобы муж мог полностью отдаться живописи.

Я приобрел у Хасана Джафара одно из его полотен — деревенский пейзаж Северной Суматры. На берегу озера батакские хижины на сваях с седловидными крышами, пальмы. Картина написана в свойственной художнику манере, резкими размашистыми мазками, и вблизи не производит впечатления. Но стоит отойти на несколько шагов, как впечатление меняется. Картина оживает. В зеленоватой поверхности озера угадывается бездонная глубина. Небрежные мазки, изображающие кроны пальм и кажущиеся вблизи просто пятнами, превращаются в трепетную листву, которую колышет ветер. Штрихи, в которых смутно угадывались человеческие фигуры, становятся стайкой детворы, резвящейся перед хижинами. Я убедился, что Джафар не только большой художник, но и великий знаток красок. Стоит посмотреть на полотно при обычном дневном освещении, а потом при восходе солнца, в сумерках заката или в хмурый дождливый день, как видишь, что пейзаж приобретает другой оттенок. Перед тобой не мертвое полотно, а живые краски природы, меняющиеся в зависимости от погоды, времени суток, освещенности. Мне кажется, что картина Хасана Джафара наполняет мою комнату светом и теплом Северной Суматры.

В СТОЛИЦЕ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КАЛИМАНТАНА

Ныняя поездка — на этот раз в Банджармасин, центр провинции Южный Калимантан. Самолеты национальной авиакомпании «Гаруда» далеко не каждый день совершают рейсы из индонезийской столицы в этом направлении, делая обычно посадку в Сурабае. Со мной летят неизменные китайские бизнесмены, упитанные и самодовольные, много военных и католические монахи, вероятно, немки или голландки, крупные и лошадиноподобные, с какими-то постными лицами. Лишь одна маленькая смуглая монашка восточной национальности. Она выглядит не вразумительной, а какой-то маскарадной служительницей христовой.

Пока летим над свободной гладью Яванского моря, вспоминаю все, что мне известно о Калимантане, цели моей поездки. Первые европейцы наименовали этот остров Борнео, присвоив ему искаженное название феодального султаната Брунея, находившегося на северном побережье. Калимантан — это местное название, что означает «Остров большой реки». Это самый крупный из Больших Зондских островов, уступающий по площади лишь двум островам земного шара — Гренландии и Новой Гвинее. Республике Индонезии принадлежит большая часть Калимантана. Меньшая его часть, Северный Калимантан, состоит из двух малайзийских штатов — Сабах и Саравак и небольшого британского протектората Бруней, осколка некогда крупного феодального государства.

Индонезийская часть Калимантана составляет около четверти всей площади страны, а ее население — немногим более 4% всего населения Индонезии. Плотность населения на Калимантане в 63 раза меньше, чем на Яве, в 4 раза меньше, чем на Суматре, и в 6,5 раза меньше, чем по Индонезии в целом. Это один из самых малонаселенных и слабо освоенных районов Индонезии. В этом отношении Калимантану уступает лишь Западный Ириан, носящий в последние годы новое название — Ириан Джая. Еще до недавнего времени территория Калимантана была почти вся покрыта нетронутыми джунглями.

Калимантан можно разделить на два этнических

района. Первый включает прибрежные районы, низовья больших рек и юго-восточную часть острова. Этот район населен малайцами и родственными им банджарами, а также сравнительно недавними выходцами с Явы. Другой район, охватывающий обширную внутреннюю часть острова, заселен различными племенами и народами, которых весьма условно объединяют под общим названием «даяки». Долина реки Капуас на юго-западе, район Банджармасина на юго-востоке и еще некоторые прибрежные местности — основные сельскохозяйственные районы Калимантана. Здесь крестьяне выращивают рис, овощи и экспортные культуры: каучук, кокосовую пальму, перец и др. В последние годы правительство всячески стимулирует приток переселенцев с Явы в различные районы Калимантана. Однако масштабы трансмиграции сдерживаются недостатком средств. Освоение новых земель в местных условиях требует огромных сил и затрат на расчистку джунглей, осушение болот, борьбу с сорняками и т. п. Пока своего риса на Калимантане не хватает, приходится ввозить его из других провинций.

Внутренние районы Калимантана освоены совсем слабо. Здесь можно встретить лишь редкие поселения охотников-даяков по берегам рек. По уровню общественного и хозяйственного развития даяки стоят значительно ниже малайцев, банджаров и выходцев с Явы. Земледелие по большей части носит весьма примитивный характер. Широко используется подсечно-огневой метод. Даяки выжигают и расчищают участок леса и выращивают на нем в течение нескольких лет рис и овощи, пока почва не истощится. Тогда участок забрасывают и выбирают новый, с которым поступают таким же образом. У многих даякских племен внутренних районов важнейшую роль в хозяйстве играют охота, рыболовство, сбор дикорастущих плодов. В глубинных районах у даяков сохранились пережитки родовой организации. По вероисповеданию большинство из них анимисты.

Приземляемся в аэропорту Улин. Он находится довольно далеко от Банджармасина. Перед маленьким легким зданием аэровокзала собрались местные сливки общества, в основном военные — встречают какого-то высокопоставленного армейского начальника со свитой.

В стороне скромно держатся католические священники в белом, встречающие монахинь.

В то время в Банджармасине еще существовало небольшое советское консульское представительство, открытое в начале 60-х годов в связи с тем, что на Калимантане оказалось много советских специалистов: геологов, изыскателей, дорожников-строителей, агрономов. Их я уже не застал, но консульство еще некоторое время функционировало. Служащие аэропорта пытались помочь мне дозвониться консулу, но ничего из этого не получилось. Связь с городом не действовала.

— Не удивляйтесь, у нас почти всегда так,— сказал один из служащих, стараясь меня утешить.— Бывает, что нас слышат, а мы не слышим никого.

Все-таки он кричал кому-то в трубку, чтобы сообщили в консульство о приезде советского корреспондента. Я не стал ожидать конца этих бесплодных переговоров и нанял такси. Это был частник-одиночка, владелец ветхого, разбитого драндулета с ободранным сиденьем, напоминающего знаменитую «Антилопу-гну» Остапа Бендера.

Еду в город. Справа тянется унылая болотистая равнина. К обочине дороги изредка жмутся бедные крестьянские домики, попадаются мечети, военные казармы. Начинается и сам Банджармасин, пока не отличающийся ничем от большой деревни. Вдоль дороги тянется неширокий канал, густо заросший речным гиацинтом. Канал служит улицей, жители передвигаются от одного дома к другому на лодках. Вдруг вижу: навстречу нам катит черная «Волга» с красным флажком и сигналиит нам. Это наш консул Федор Ильич Садчиков, мой давнишний знакомый и однокашник. В годы войны он был боевым летчиком, заслужил звание Героя Советского Союза.

В консульстве рады свежнему человеку с «большой земли», а «большой землей» для маленького коллектива является все, что лежит за пределами острова.

Здание консульства обветшало. Прежде здесь размещалась какая-то ведомственная гостиница. Кондиционеры износились и больше способны грохотать, подобно старому несмазанному трактору, чем спасать от удушливой жары. Вдобавок консульство не располагает никаким садом или двориком, так что выйти подышать свежим воздухом некуда. Перед фасадом на крохотный

пятачок втиснут весь автопарк: легковая «Волга», вездеходный газик и большая автоцистерна, необходимая в хозяйстве. Дело в том, что одна из острых проблем Банджармасина — проблема питьевой воды. Городской водопровод снабжает, и то с перебоями, лишь центральные кварталы. Власти собираются расширить водопроводную сеть и даже пригласили для этой цели инженера-француза. На улицах лежат штабеля железных труб. Но вот уже много лет водопровод никак не удается проложить — нет средств. Трубы ржавеют. Француз прокликает все на свете и, когда становится совсем тоскливо, приходит в наше консульство выпить русской водки и посмотреть наш фильм.

Рядом с зданием консульства болотистый пустырь. Когда-то здесь был угольный склад. В сухое время года над пустырем вздымаются клубы черной пыли, проникающие через щели и окна внутрь соседних домов. В сезон дождей под полом хлупает вода. Пустырь превращается в озеро, и тогда можно ловить рыбу, забросив удочку прямо из окна. Здание консульства стоит на невысоких сваях, вбитых в зыбкий грунт. Под полом между сваями обитают крысы и разная нечисть похуже. Несколько раз появлялись ядовитые змеи, на которых устраивались настоящие облавы.

После отъезда советских специалистов с Калимантана консульство в Банджармасине, по существу, выполнило свою миссию, и его сотрудники ждали отзыва на родину. Поэтому нецелесообразно было капитально ремонтировать ветхое здание. Но пока решения об отзыве не было, товарищи продолжали жить и работать в нелегких условиях. Через день приходится посылать автоцистерну за питьевой водой далеко за пределы города.

Я застал массовый аврал — консульство готовилось к празднованию очередной годовщины Октября, до которой оставалось недели две. Женщины, включая жену консула, скребли и мыли помещения, мужчины белили и подкрашивали. Готовились к большому приему, на который будут приглашены местные руководители городских и провинциальных учреждений, представители общественности. В подобных маленьких коллективах необходимость заставляет каждого его члена становиться мастером на все руки. Так, шофер, он же завхоз и дежурный комендант в одном лице, становится по мере на-

добности электриком, киномехаником, маляром или плотником. К тому же ему пришлось форсированными темпами осваивать индонезийский язык, чтобы потолковать с главой торговой фирмы, объясниться с посетителем.

В консульстве чисто. Чистота как-то скрашивает неуютность здания. У входа выставлен большой стенд с изданиями советского посольства в Индонезии, на стенах фотографии, рассказывающие о жизни Советского Союза. Сюда часто заходят посетители, преимущественно молодежь, студенты. Интерес к нашей стране остается, несмотря ни на какие политические перемены, которые пережила Республика Индонезия. Этому интересу способствовали прежние тесные деловые контакты с советскими специалистами. Многие местные индонезийцы работали бок о бок с нашими товарищами, перенимали их знания и опыт, видели искреннее и бескорыстное стремление советских людей помочь народу в строительстве независимой Индонезии. Мне приходилось не раз слышать добрые слова об этой совместной работе с советскими друзьями. Посетители заходят, чтобы попросить советский журнал, книгу, посмотреть фотовыставку, порасспросить о Советском Союзе. Молодежь проявляет интерес к русскому языку. Пришлось молодому секретарю консульства стать на общественных началах преподавателем русского языка. В его группе с десятком студентов, военных, молодых чиновников. Вообще, помимо своих служебных обязанностей, каждый в консульстве выполняет еще какую-нибудь работу на общественных началах.

Гостиная в консульском здании наполнена щебетанием птиц. В просторной клетке резвятся красно-синие попугаи, желтые и голубые волнистые попугайчики и еще какие-то птицы, напоминающие маленьких голубей. Кроме птиц, в консульстве живут старый ленивый пес и черный малайский медвежонок, добродушный и проказливый. Он все норовит забраться на забор или проломить доски крепкими когтистыми лапами. Когти у него длинные и острые, словно кривые кинжалы. Приходится держать мишку на цепи.

Сразу же товарищи просят меня выступить с лекцией и непременно не один раз. Пусть это будет рассказ о моих впечатлениях от поездки в Малайзию и Сингапур.

Даяк из племени ибан

Товарищам хочется услышать живое слово человека с «большой земли».

Вечером делаем вылазку в город. В центре вечернего Банджармасина пестрый шумный базар и ряды неизменных китайских лавчонок. В них чинно восседают, подобно восточным божкам, невозмутимые дородные лавочники. На базаре, пропитанном стойкими запахами овощной и фруктовой гнили, уличной кухни, специй и еще чего-то острого, прогорклого, громоздятся горы бананов и грейпфрутов, тянутся длинные шеренги лотков со всякой хозяйственной мелочью и утварью, пестрыми батиками, транзисторами, ботинками вездесущего Бати, бывшего чехословацкого обувного фабриканта, обосновавшегося теперь где-то на Западе. У лотков азартно спорят и торгуются. Базар, как и все восточные базары, суетливый, хотя и беднее, чем базары Джакарты и Медана.

Среди интересных местных сувениров здесь можно обнаружить искусно выполненные изделия из каучука: парусники со всеми мельчайшими деталями и фигурками людей, домики, трости, как бы обвитые лианой, изображения животных. Их лепят из еще не затвердевшего каучука-сырца так же, как можно лепить из теста или пластилина.

Самыми ценными из местных сувениров, за которыми охотятся иностранные туристы, считаются различные предметы даякского быта. Особенно высоко ценятся традиционные атрибуты воина-даяка. Ближайшие даякские селения находятся далеко от Банджармасина, вверх по течению реки Барито. Это уже территория соседней провинции Центральный Калимантан. Та часть даяков, которая соприкасается с малайцами и банджарами, а также переселенцами с Явы, теряет черты родоплеменного уклада, заимствует у своих соседей более развитую сельскохозяйственную культуру, их быт и даже ассимилируется с ними. Растет число представителей даякской интеллигенции. В Банджармасине и других крупных городах Калимантана можно встретить людей даякского происхождения, работающих в различных правительственных учреждениях, обучающихся в университетах.

Приходят сюда и люди из джунглей. Местные лавочники покупают у них или выменивают на товары пред-

меты даякского ремесла, шкуры питонов и крокодилов. Одного такого лесного жителя мы встретили на базаре. Обнаженный до пояса и украшенный бусами, с повязанной платком головой, он привлекал внимание татуировкой, покрывавшей его руки. Даяка нетрудно отличить от малайца, банджара или яванца по более смуглому цвету кожи и крупным чертам лица. У даяков, в отличие от большинства других народов Индонезии, не столь четко выражены монголоидные черты, но зато заметны некоторые австралоидные признаки. Предков современных даякских народов и племен ученые относят к протоиндонезийцам, проникавшим в район Калимантана еще с конца II тысячелетия до н. э. — значительно раньше другой волны южномонголоидов, предков современных жителей Явы, малайцев и прочих народов индонезийского архипелага. Возможно, что на Калимантане предки нынешних даяков встретили более древнее аборигенное население австралоидного типа и частично ассимилировались с ним. В результате этого процесса и возник один из типов южномонголоидов, относительно длинноголовый, с австралоидными признаками.

Оружием даяка-охотника служат сумпит (сумпитан) и паранг. Сумпит — духовое ружье, длинная, до двух метров и более, полая деревянная трубка. Взяв цель на мушку, охотник сильным выдохом выталкивает стрелу из ружья. Маленькая стрела летит с глухим свистом и глубоко вонзается в цель. Острые стрелы пропитываются сильно действующим ядом, способным убить наповал и крупного зверя, например кабана или обезьяну, не говоря уж о птице. В качестве яда используется сок одного из деревьев. Подобное дерево имел в виду Пушкин в знаменитом своем стихотворении «Анчар». Здесь оно называется по-своему и встречается редко. Но даяки легко находят его.

За поясом у охотника обычно бамбуковый колчан со стрелами, плотно закрытый крышкой, и сосуд с ядом. К концу сумпита крепится, подобно штыку к винтовке, железный наконечник. Поэтому даяк может пользоваться сумпитом и как копьем или острогой.

Паранг — длинный тесак, выкованный из прочного металла. С помощью этого универсального орудия даяк прокладывает себе дорогу сквозь заросли, рубит хворост для костра, разделявает тушу, убитого кабана или

рассекает кокосовый орех, а если потребуется, схватится и с врагом. Еще не так давно среди даяков процветала межплеменная вражда из-за охотничьих угодий и на почве кровной мести, а также вследствие обычая «охоты за черепами». Постоянные военные столкновения накладывали свой отпечаток на повседневную жизнь даяков, на их характер. Только мужчина, добывший череп врага из соседнего племени, считался доблестным и достойным членом общества. Добытыми черепами гордились как ценными семейными реликвиями, их хранили в семье, передавали по наследству, стараясь приумножить. Псдлинный даякский паранг — интересное произведение народного прикладного искусства. Фигурная рукоятка режется из кости. Ножны обтягиваются тонкой меховой шкуркой животного и украшаются магическими амулетами. Это обычно гирлянды зубов и когтей животных. Наиболее ценными амулетами считаются зубы крокодилов, которые еще не перевелись в реках и болотах Калимантана.

К полному боевому вооружению даяка относится, кроме сумпита и паранга, также продолговатый, слегка выпуклый деревянный щит. Настоящий даякский щит расписан мягкими и тусклыми красками пастельных тонов. Обычно используется два-три тона, никогда не образующие резкой гаммы красок. Роспись представляет тонкий изящный узор — переплетение плавных линий и завитков. Таким же традиционным орнаментом иногда украшаются архитектурные детали построек, лодки, утварь, саркофаги вождей. Интересные образцы даякских орнаментов, в частности роспись саркофага, выдолбленного из древесного ствола, я видел в музее Брунея, британского протектората на севере Калимантана.

Когда-то щиты, вероятно, играли роль боевого оружия, средства защиты от ядовитых стрел и паранга противника. Теперь же щит обычно служит только традиционным ритуальным предметом. Популярны даякские вочнственные танцы со щитами и парангами. Полуголые мускулистые воины в головных уборах, украшенных яркими птичьими перьями, исполняют экспрессивный танец, имитирующий поединок противников или охоту на дикого зверя.

У даяков развито плетение из узких полосок расщепленного бамбука или ротанга. Плетут с простым, но вы-

разительным орнаментом циновки, корзинки, шляпы. Все чаще даяки пользуются фабричными тканями, заимствуя одежду европейского покроя. Традиционное ткачество постепенно приходит в упадок. Там, где оно еще сохранилось, ткачихи пользуются простейшим ткацким станком. В даякских тканях преобладают черный и красный цвета, образующие несложный узор.

Мечта каждого страстного собирателя предметов искусства и этнографии народов Индонезии — стать обладателем полного снаряжения даякского воина, включая сумпит, паранг и щит. Великолепную коллекцию подлинных вещей из джунглей центральной части острова я видел в доме командующего местными военно-морскими силами. Особенно хорош был щит, изящно расписанный в исключительно мягких, гармоничных тонах.

Себя я тоже причислял к таким собирателям и попытался приобрести даякские вещи. К сожалению, на базаре и в лавчонках не оказалось вещей, внушавших безусловное доверие. В один из последующих дней удалось познакомиться с каким-то странствующим дельцом, промышлявшим перепродажей местных сувениров. Он уверял меня, что у него прямые связи с Центральным Калимантаном и он может помочь мне. Действительно, через пару дней после нашей встречи он притащил в консульство два длинных сумпита, колчаны со стрелами, паранг и щит. Все это я купил у него по далеко не малой цене. Все вещи, за исключением щита, были добротными и несомненно подлинными. Что касается щита, то делец сделал свое черное дело и оказал мне медвежью услугу. Он раздобыл вещь, которую ее владелец-даяк еще не успел расписать. И бродячий негодник решил сам восполнить этот досадный пробел, наляпав на поверхность дерева нечто невероятно безвкусное, какие-то зигзаги и круги. Неровные мазки фабричной масляной краски еще не вполне просохли, когда он пришел ко мне. Вероятно, любой даяк плюнул бы с омерзением, увидев такую мазню. Делец чистосердечно признался, что сделал это сам из лучших побуждений, чтобы угодить тузну и чтобы щит был совсем как настоящий. Тотчас я принялся скоблить поверхность дерева наждачной бумагой и скребком, чтобы довести ее до первозданной чистоты. Я надеялся потом попросить какого-нибудь опытного джакартского художника сделать мне более

или менее удачную имитацию. Но увы... я переусердствовал и расколол тонкий щит.

Позволю себе нарушить ход повествования и сделать небольшое отступление. Из каждой поездки по отдаленным островам индонезийского архипелага я возвращался в свою джакартскую резиденцию, обремененный новыми трофеями. Из предыдущей главы читатель узнал, что в Медане я стал обладателем картины Хасана Джафара. С Калимантана я возвращался со снаряжением даякского воина. На острове Бали невозможно было пройти мимо деревянной скульптуры и традиционной балийской живописи. А на Западном Ириане, о котором речь впереди, удалось раздобыть неказистый на вид каменный топорик для разделывания ствола саговой пальмы. Такими орудиями пользуются папуасские племена внутренних районов острова, еще не знающие металла. Современные люди каменного века! Когда кончился срок моей корреспондентской командировки и пришлось покинуть близкую моему сердцу Индонезию, я отправил на родину морским путем внушительный сундук.

«В чем смысл подобного собирательства?»—спросит любопытный читатель. Кое-кто снисходительно усмехнется. Чего только не коллекционируют в наше время чудачки! Да, коллекционируют все что угодно: от почтовых марок и винных этикеток до русских самоваров и курительных трубок. И по духу своему коллекционеры бывают разные. Для одних собирательство самоцель, азартное стремление во что бы то ни стало достичь сногшибательного количества предметов в своей коллекции, удивить кого-то. Встречал я и коллекционеров-дельцов, одержимых страстью стяжательства. Но чаще встречал коллекционеров по призванию, бескорыстных чудаков, движимых чувством профессионального интереса. У таких коллекция не лежит мертвым грузом, а служит людям, особенно коллегам, всегда открыта для любознательных, становится наглядным пособием при обучении студентов. Себя я отношу к этой категории коллекционеров.

Для ученого-страноведа, будь то историк, этнограф, искусствовед, или журналиста, писателя-публициста, посвятившего себя определенной стране или региону, вещи необходимы в такой же мере, как и хорошая библиотека. Когда я сажусь за очередную книгу об Индонезии,

раскрывая свои дневники с заметками, передо мной и вещи из моей домашней коллекции, привезенные с Явы, Суматры, Калимантана и других островов, предметы быта и искусства народов Индонезии. Они воскрешают в памяти впечатления от поездок, встреч с индонезийскими друзьями, делают эти впечатления как бы зримыми. Однажды вся моя коллекция на время перекочевала в Музей искусства народов Востока. Не скрою, было радостно от сознания, что мое увлечение, воплощенное в вещах, стало достоянием широкого потока посетителей музейной выставки, где демонстрировались предметы из частных коллекций. В другой раз ко мне обратились товарищи с киностудии, решившие создать небольшой десятиминутный научно-популярный фильм «Остров искусств» — об острове Бали. В одном из кадров мелькнули перед зрителем на короткое мгновение и мои балийские статуэтки. Неоднократно издатели пользовались моими фотоальбомами, чтобы проиллюстрировать книги. Особенно было отрадно, что немало моих индонезийских фотографий оказалось в томе «Народы Юго-Восточной Азии» из капитальной этнографической серии «Народы мира». Иногда я переносил занятия со студентами из университетской аудитории к себе домой и сопровождал рассказ об индонезийской культуре демонстрацией вещей. Почему-то особенный восторг у моих студентов вызывали даякские сумпиты, те самые, которые я привез из Банджармасина. Каждому хотелось представить себя даякским воином и непременно выставить из духового ружья.

Считаю, что ответил на вопрос читателя — в чем смысл моего собирательства.

ДИАЛОГИ И СПОРЫ

Все крупные города Калимантана находятся в районе морского побережья в устьях больших рек. Банджармасин не составляет исключения. Город стоит в болотистой местности в дельте Барито. Во время ливней рукава, протоки и заводи выходят из берегов и затопляют часть городских улиц. Приспосабливаясь к капризам природы, местные жители вынуждены строить жилища на сваях. После Явы и Северной Суматры климат ка-

жется здесь особенно тяжелым. Воздух насыщен теплыми болотными испарениями. Власти намерены перенести центр провинции в более здоровое, возвышенное место к востоку от Банджармасина. В Банджарбару, будущей столице Южного Калимантана, уже построены здания для некоторых правительственных учреждений. Здесь же размещается часть факультетов местного государственного университета. В Банджарбару переехало и информационное управление, куда я должен был нанести первый официальный визит, чтобы согласовать свою программу знакомства с провинцией. Когда будет осуществлен весь план по переносу провинциального центра — никто не знает. Очевидно, не в обозримом будущем. Реализация плана упирается в недостаток средств.

В информационном управлении шли какие-то занятия. Десятка три людей слушали лекцию. Я узнал, что при управлении работают курсы усовершенствования для молодых чиновников, сотрудников радиостудии и журналистов. Слушатели могли здесь расширять свои общие и профессиональные знания.

Глава информационной службы Эдди обещал оказать мне всяческое содействие в моем знакомстве с провинцией, в организации встреч с государственными и военными деятелями. К сожалению, не удалось договориться о встрече с губернатором провинции и командующими отдельными родами войск. Все эти лица деятельно готовились к встрече президента Сухарто. Президент с группой министров уже находился в это время на Калимантане, в центре соседней провинции. Банджармасин украшался портретами президента и приветственными лозунгами.

Информационная служба провинции издает печатные материалы, в которых можно найти небезынтересные цифры и факты, касающиеся развития края. К приезду на Южный Калимантан президента приурочен выпуск довольно объемистой книги, содержащей обширный справочный и статистический материал по провинции, ее экономике, развитию просвещения, здравоохранения. Эдди любезно снабдил меня этим изданием.

Провинция Южный Калимантан — сравнительно заселенная и освоенная часть острова. Здесь проживает несколько более 1,6 млн. человек. Из отраслей промышленности больше всего развита горнодобывающая.

В районе Танджунга, к северу от Банджармасина, ведется добыча нефти. Невдалеке от города Мартапура добывают марганцевую руду и драгоценные камни. На острове Себуку (в Макаassarском проливе) эксплуатируется угольное месторождение. Обрабатывающая промышленность развита слабо. В Банджармасине и других городах провинции можно насчитать всего несколько десятков мелких предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, автомастерских, швейных мастерских и др. Дальнейшие планы экономического развития провинции скромны. Из более или менее значительных новостроек можно упомянуть бумажную фабрику в Мартапуре и далеко не завершенное ко времени моей поездки строительство электростанции (с помощью японцев) на реке Риам Канан. Иностранный капитал — японский, австралийский, южнокорейский — участвует в эксплуатации лесных ресурсов. Монополистическим компаниям переданы в концессию огромные площади лесов.

Я попросил главу информационной службы рассказать о так называемом проекте Барито, о котором много говорят и пишут на Калимантане. Эдди рассказал, что проект предусматривает использование водных ресурсов крупнейшей реки края — Барито, строительство на ней ряда значительных гидросооружений с целью развития энергетики, ирригации и речного транспорта. Проведены самые общие проектные изыскания. Выпущена специальная брошюра, посвященная проекту. Его осуществление оценивается во много миллионов долларов и, по мнению властей, не станет реальностью без крупных иностранных займов и капиталовложений. Но иностранные кредиторы и инвесторы не спешат проявлять интерес к проекту Барито, жизненно важному для развития края, но не сулящему империалистическим монополиям непосредственных выгод и быстрых прибылей, как, например, выкачка нефти или вывоз древесины.

В один из ближайших дней меня принял мэр Банджармасина Ханафиях. Он увлеченно рассказывал о проекте Барито.

— Мы связываем перспективы развития края с этим проектом и возлагаем на него большие надежды, — сказал он. — Но если вы меня спросите о реальных сроках осуществления проекта, ничего определенного я вам не скажу. Надеемся на иностранных инвесторов. Но их, к

сожалению, привлекает лишь их собственная выгода, а отнюдь не желание помочь нам.

Прошу рассказать мэра о том, какие главные задачи решает муниципалитет в области развития городского хозяйства. Мэр пускается в пространные рассуждения, скорее жалобы. Пока мало, очень мало сделано для улучшения бытовых условий населения. Нужны крупные капиталовложения для развития городского хозяйства. Но не хватает средств даже на прокладку водопровода. Медленно продвигается строительство нового провинциального центра. Банджармасин — портовый город, и главную роль в его хозяйстве играет работа порта. Пока провинция не может снабдить город собственными продуктами. Приходится доставлять сюда морем с Явы овощи, а с Мадур — скот.

Задаю мэру еще один вопрос. Какие политические силы играют в настоящее время главную роль в Банджармасине и провинции? Ханафиях подчеркивает, что 90% населения города и провинции составляют мусульмане и поэтому преобладающим влиянием пользуются здесь мусульманские партии, особенно «Нахдатул улама». В провинциальном парламенте из 20 мест, принадлежащих различным политическим партиям, 15 занимают мусульмане. Речь шла о тех партиях, которые в начале 70-х годов были объединены в единую Партию развития и прогресса.

Насколько велико влияние мусульманства на Южном Калимантане, я убедился сам. Мечети разных калибров встречаются здесь буквально на каждом шагу. И они не пустуют, как в Джакарте. Вечерами к ним тянутся длинные вереницы людей в саронгах, среди которых немало подростков и даже детей. В городе повсюду красуются зеленые вывески различных мусульманских организаций, районных и подрайонных секций, отделений. У них свои школы. Учениц мусульманских школ можно отличить по специальной форме — длинному до пят платью свободного покроя и белому головному платку, оставляющему открытым только верхнюю часть лица. Форма эта придает девочкам вид аскетический. Да и выглядят они не по годам серьезными, я бы сказал даже забытыми в сравнении с непоседливыми и шумливыми ученицами обычных светских школ.

Из видных представителей вооруженных сил я посе-

тил начальника штаба местного морского района полковника Сударсоно. Наша встреча состоялась в доме его шефа, командующего морским районом, выехавшего встречать президента.

Помимо великолепной коллекции даякских предметов, в этом доме есть еще одна достопримечательность — молодая самка орангутанга. Эта особа, покрытая длинной рыжей шерстью, сидела в клетке во дворе, и забота о ней была возложена на нескольких денщиков. Полковник решил продемонстрировать мне орангутанга, существо довольно добродушное. Солдаты отомкнули сложную систему запоров и открыли клетку. Обезьяна выбралась на волю и неуклюже заковыляла ко мне, размахивая длинными руками, явно проявляя интерес к новому человеку. Смешно подпрыгнув, она обхватила меня за шею и повисла на мне, издавая приветливое ворчание и норовя лизнуть в лицо. Весило животное, как я приблизительно определил, килограммов пятьдесят. Это был еще подросток, нескладный, с коротким туловищем, который станет со временем огромным чудищем. Я был тронут таким искренним проявлением дружелюбия, но поспешил передать орангутанга солдатам. Они водворили обезьяну обратно в клетку.

Полковник Сударсоно произвел впечатление человека мыслящего. Весьма критически он относится к различным планам и проектам, основанным на использовании иностранной помощи. Он заметил, что иностранные монополии вовсе не заинтересованы в целенаправленном развитии индонезийской экономики, индустриализации страны и заботятся лишь о собственных выгодах, о выкачке из Индонезии ее природных богатств.

— Полагаю, что сама жизнь заставит нас возобновить широкие экономические связи с вашей страной,— убежденно сказал он.— Мне не довелось побывать в Советском Союзе, но мои подчиненные, учившиеся у вас, многое мне рассказали.

В беседах с разными гражданскими и военными представителями провинциального аппарата приходилось выслушивать одни и те же высказывания. Политика односторонней ориентации на капиталистический Запад не оправдала себя. За участие империалистических монополий в экономическом развитии страны приходится расплачиваться слишком дорогой ценой. Советские

специалисты, работавшие на Калимантане, оставили добрый след. Хорошо бы возобновить советско-индонезийское экономическое сотрудничество.

С председателем провинциального парламента (совета народных представителей) Абдугани Меджиди я познакомился в городском конференц-зале, где шла деятельная подготовка к торжественной встрече президента. Меджиди вместе с мэром суетился, критически осматривал убранство зала, прикидывал, в каком порядке разместить на сцене высоких гостей. Он уделил мне несколько минут и пожаловался, что совсем устал от этих хлопот и приготовлений.

— Желаю вам набраться интересных впечатлений,— пожелал Меджиди на прощание.— Побывайте на алмазных копиях.

Недалеко от нашего консульства высится большой католический храм, кафедральный собор местной епархии. Вечерами оттуда слышится жиденькое дребезжание одинокого колокола. Роль католичества в мусульманской стране не может не интересоваться меня. Через секретаря консульства, знакомого с настоятелем собора, договариваюсь о встрече с ним. Я был заинтересован в этой встрече и по другой причине. Работая в свое время над книгой о японской оккупации Индонезии, я нашел в одном из индонезийских изданий упоминание о так называемом заговоре Хага на Калимантане. Хага был одним из главных голландских колониальных администраторов на острове. После оккупации архипелага японскими вооруженными силами он пытался бороться против оккупантов. Однако голландцы не решились объединить свои усилия с освободительной борьбой индонезийского народа — слишком велика была пропасть между вчерашними угнетателями и угнетенными. Поэтому выступление небольшой кучки заговорщиков во главе с Хага было заранее обречено на провал и закончилось трагически. Японские оккупанты жестоко расправились с Хага и его сообщниками. Возможно, падре, как к священникам обращаются в Индонезии, живущий на Калимантане много лет, знает о событиях того времени.

В Индонезии я встречал разных католических деятелей, проявлявших в беседах с советским корреспондентом разную степень приветливости и доброжелательности. Я убедился, что в современной католической

церкви происходит расслоение на консервативное и либеральное течения. Консерваторы враждебно относятся ко всяким новым веяниям и упорно придерживаются воинствующего антикоммунизма и антисоветизма. Либералы склонны к более гибкому курсу, учитывающему дух времени, и не чуждаются контактов с инакомыслящими. Выразителем либеральных настроений в католичестве был папа Иоанн XXIII, сам выходец из народных низов, которого публицисты называли «красным папой». В какой-то мере с новыми тенденциями считался и его преемник, ныне покойный Павел VI.

К сожалению, среди католического духовенства Индонезии, представленного в основном голландцами, немало самых оголтелых консерваторов. На Индонезию они еще смотрят глазами миссионеров колониальной эпохи. Банджармасинский настоятель отнюдь не принадлежал к той части духовенства, что пытается идти в ногу со временем. И это я сразу почувствовал, посетив его в небольшом домике рядом с собором.

Нельзя сказать, чтобы падре принимал меня нелюбезно. Были и елейная улыбка, и чашечка кофе на столе, и вежливые расспросы о том, как я переношу индонезийский климат. Но хозяин готовился дать гостю серьезный идеологический бой. И бой этот предназначался не для того, чтобы падре мог удовлетворить свое самолюбие, положив на обе лопатки безбожного противника, а имел, так сказать, назидательные и воспитательные цели. Настоятель продемонстрировал свой полемический пыл другим гостям, приглашенным по такому случаю. В гостиной, украшенной лишь несколькими репродукциями с картин религиозного содержания, собрались те монахини, которые летели со мной на самолете, а также несколько пожилых индонезийцев, видных деятелей банджармасинского отделения Католической партии.

Сначала разговор был довольно мирный. Я узнал несколько интересных деталей, касающихся организационной структуры католической церкви в Индонезии. В стране существует ряд епархий, управляемых епископами и архиепископами. Все они, за единичными исключениями, голландцы и другие европейцы. Не так давно папа возвел в ранг кардинала архиепископа Семаранга, индонезийца. Это был политический акт Ватикана.

решившего таким путем укрепить свои связи с индонезийскими католиками, подчеркнуть равенство перед богом и его земным наместником людей всех цветов кожи. Однако кардинал-индонезиец, носитель самого высокого после папы ранга в католической иерархии, не стал примасом всех индонезийских католиков. Он остался одним из многих иерархов, возглавляющих епархии, поскольку в Индонезии вообще нет единого главы католической церкви. Епископы и архиепископы подчиняются непосредственно Ватикану. Такая система децентрализации больше устраивает папский престол, так как позволяет контролировать епископат непосредственно и препятствовать объединению местных католиков на националистической основе.

Но падре не был расположен тратить время на отвлеченные темы и поспешил, что называется, взять быка за рога. Он-то знает слабые места гостя — гонения на церковь в СССР. Как вообще можно объяснить эти явления с точки зрения элементарной гуманности?

Индонезийцы сдержанно усмехнулись, переглядываясь. Даже на постных лицах монахинь можно прочитывать живое любопытство. Уж сейчас-то падре покажет. Что ж, бой так бой! Только не горячиться, сдерживать эмоции. Помнить, что падре великий мастак в схоластической казуистике. Стараюсь отвечать спокойно.

— Итак, разберем поставленный вами вопрос, касающийся гонения на церковь в СССР. Самый простой ответ — вы, очевидно, плохо знакомы с истинной картиной жизни в Советском Союзе и верите публикациям наших недоброжелателей — вас не убедит. Объясните конкретно, что вы имеете в виду под гонениями?

Священник задумывается. Конкретные вопросы опровергнуть легче. Ему приходят на помощь индонезийцы, вернее, оказывают медвежью услугу. Они наперебой спрашивают:

— Почему у вас запрещено религиозное образование?

— Почему запрещены религиозные издания?

— Почему священнослужители не могут заниматься общественной и государственной деятельностью?

— Почему вы не пускаете религиозных деятелей за границу?

И еще много разных почему задают мне они.

Теперь-то я могу бить оппонентов фактами. Еще работая в агентстве печати «Новости», я готовил по заявкам из зарубежных стран серию статей о положении религии в СССР, о деятельности различных церковных организаций. Для этой цели приходилось брать интервью у тогдашнего муфтия европейской части СССР и Сибири Хиялетдинова, ленинградского викарного епископа Филарета, инспектора православной духовной академии Парийского, имам-хатыбов московской и ленинградской мечетей, ксендза костела девы Марии в Ленинграде. Кажется, были еще беседы, уже изгладившиеся из памяти, с каким-то баптистом и старообрядцем, косматым, похожим на лешего. Ссылки на слова этих церковников лучшее оружие в таком споре. Отбиваюсь и, кажется, успешно.

— Вы считаете, что у нас запрещено религиозное образование? В Загорске, под Москвой, и в Ленинграде находятся православные духовные академии и семинарии. Имеются семинарии и в других городах. В Ленинградской академии я встречал студентов из арабских стран, Уганды. У мусульман, католиков, других церковных организаций имеются свои учебные центры. В Советском Союзе церковь издает для верующих журналы, календари, молитвенники и другую религиозную литературу.

О многочисленных международных контактах наших религиозных деятелей вы можете прочитать в прессе многих стран. Мусульмане могут совершать паломничество в Мекку. В числе студентов Каирского мусульманского университета есть и советские граждане. Православная церковь имеет свои постоянные миссии в некоторых зарубежных странах. Видные религиозные деятели Советского Союза принимают приглашения зарубежных церковных организаций и участвуют в различных международных форумах. Разве вам не известно, что в числе гостей вселенского собора, приглашенных покойным папой Иоанном XXIII, были и наши представители?

— Вы ничего не сказали об общественной и государственной деятельности представителей церкви,— говорит один из индонезийцев, перебивая меня. Падре поощрительно кивает ему.

— Скажу и об этом. Прежде всего давайте отделим эти два понятия — общественная и государственная дея-

тельность. У нас церковь отделена от государства. Это значит, что государство не вмешивается в религиозные дела верующих, а церковь не присваивает несвойственных ей функций. Священнослужители молятся и отправляют религиозные требы, а избранные народом государственные руководители управляют государством. Разумное разделение труда, не правда ли? Что касается общественной деятельности, то здесь церковники проявляют самую широкую активность. Они участвуют в борьбе в защиту мира, выступают в печати с заявлениями, осуждающими бесчеловечные акции, подобные израильской агрессии против арабов. В годы войны церковь проводила большую патриотическую работу, организовывала сбор пожертвований в фонд победы над врагом. Кстати, в это же самое время некоторые западные церковные организации активно сотрудничали с Гитлером и Муссолини, благословляли массовые убийства. Разве не так?

— Многие католические священники в оккупированных странах Европы участвовали в движении Сопротивления и даже заплатились жизнью,— возразил падре.

— Мы это знаем. Среди представителей церкви были разные люди, честные патриоты и те, кто был связан с фашизмом узами духовного родства. Ведь и у нас, кроме священников, помогавших партизанам и собиравших средства для Советской Армии, были такие прислужники Гитлера, как Шептицкий и Слипый.

Я, кажется, ударил оппонента в самое больное место. По-видимому, эти имена ревностных служителей Ватикана, руководителей несуществующей ныне на территории СССР униатской церкви, были известны ему. Западные защитники вымолили у Советского правительства разрешение Слипому покинуть пределы СССР. Наше правительство, учитывая преклонный возраст и полное политическое банкротство этого разбойника с большой дороги в рясе, вдохновителя бендеровщины, отпустило его из мест не столь отдаленных на все четыре стороны. Доживая свой век в Риме, он продолжал вести себя как оголтелый и убежденный антисоветчик.

— Возможно, Шептицкий и Слипый в чем-то заблуждались, оказались недостаточно принципиальными. Но...— начал падре и сделал паузу,— вы воспользовались ошибками отдельных религиозных деятелей, чтобы

свести счеты с греко-римской церковью и разгромить ее. Разве этот прискорбный факт нельзя расценивать как гонение на церковь?

— И здесь вы не правы. Церковь в Западной Украине продолжает существовать, она лишь перестала быть униатской. Порвав с Ватиканом, она признала своим главой московского патриарха. Уния, навязанная в свое время иностранными поработителями и не имеющая среди украинского народа исторических корней, оказалась нежизнеспособной и умерла естественной смертью. Этот процесс был ускорен предательством униатской верхушки, ставшей прислужником Гитлера.

Падре бросил на стол последнюю козырную карту. Он через силу улыбнулся и спросил не то серьезно, не то в шутку:

— Может ли в вашей стране верующий стать высокопоставленным человеком, например министром? Скажите мне да, и я поверю, что у вас нет никакого гонения на церковь, на верующих.

Постановка вопроса, скажем прямо, казуистическая, рассчитанная на эффект. Отвечаю вопросом на вопрос, таким же казуистическим.

— А может ли в вашей Голландии коммунист стать министром? Скажите мне да, и я поверю, что у вас существует самая широкая демократия.

Индонезийцы смеются и иронически смотрят на священника. Они вовсе не такие уж твердолобые фанатики, эти деятели Католической партии. Назидательного избияния идеологического противника, на которое рассчитывал падре, что-то не получается.

— Теоретически это, конечно, возможно,— не очень уверенно говорит священник.— Но те люди, которые стоят во главе нашего общества, не разделяют коммунистической идеологии. У нас свои традиции. Коммунист-министр... это выглядело бы несколько нетрадиционно.

— Вот видите! У вас свои традиции — капиталистические, у нас свои — социалистические. Наш народ предпочитает выдвигать на высокие государственные посты испытанных коммунистов. Справедливость и действенность политики нашей правящей коммунистической партии проверена более чем полувековой практикой. А коммунист, как правило, убежденный атеист. Я же говорил

вам, у нас существует разумное разделение труда. Одни молятся, другие управляют, и никто друг другу не мешает.

Индонезийцы дружно смеются. Монахини бесстрастно молчат. Их лица становятся совсем постными и скучными. Они вообще молчат, эти вымуштрованные, усвоившие правила субординации монахини. Им отведена роль статистов в массовой сцене, сопровождавшей диалог двух главных действующих лиц. Падре поднимает обе руки и делает вид, что сдается. Конечно, только делает вид.

— Мы придерживаемся разных взглядов, но наша дискуссия была интересной,— подводит он итог.— Лучше спорить за столом, чем на поле боя.

— Вот с этим я вполне согласен.

— Видите, по некоторым пунктам даже католик и безбожный коммунист могут найти общий язык.

О заговоре Хага настоятель ничего не мог мне сказать, сославшись на то, что он приехал на Калимантан лишь в начале 50-х годов. Вероятно, он действительно ничего не знал об этом заговоре. Расстались мы мирно.

В один из вечеров в консульство заглянул с семейством месье Фуше, тот самый французский инженер, которого пригласили в Банджармасин прокладывать водопровод.

— Фуше. Однофамилец, но, заметьте, не потомок знаменитого наполеоновского министра полиции,— представляется он.

Француз нередкий гость в нашем консульстве. Каким-то образом он узнал о моем приезде и обрадовался возможности потолковать со свежим человеком. Уже далеко не молодой, приветливый и добродушный, как видно работага, инженер произвел приятное впечатление. Он пожаловался на вынужденное безделье, тяжелый климат, отсутствие общества соотечественников. На нефтяных промыслах Танджунга работают французские инженеры. Но это далеко отсюда. В Банджармасине они почти не бывают. У Фуше молодая жена и двое мальчуганов, один лет шести, другой немного старше. Мадам Фуше отличается броской экзотической красотой и античной стройностью. Она таитянка, вернее, метиска, дочь не то таитянки и китайца, не то таитянца и китаянки. Прежде инженер работал на островах Таити, француз-

ских колониальных владениях в Тихом океане, там и женился.

Вечер в обществе Фуше закончился демонстрацией фильмов о наших космонавтах и о советском искусстве. Фильмы оставили моряки с теплохода, заходившего в порт.

Неожиданно позвонили из канцелярии губернатора, который все же согласился принять меня в один из дней, предшествующих приезду президента. Губернатор провинции Южный Калимантан Аберани Сулайман имеет чин полковника. Командует военным округом бригадный генерал. Глава межрайонного командования всего Калимантана, ставка которого находится также в Банджармасине, генерал-майор. Местные командующие военно-морскими и военно-воздушными силами в свою очередь имеют более высокие чины, чем у губернатора, который нередко как младший по званию оказывается в затруднительном положении.

Помощник губернатора предупредил меня, что его хозяин — бапак очень занят в связи с ожидаемым приездом президента и поэтому не сможет уделить мне много времени. Памятуя об этом, задаю губернатору только один вопрос — какую главную задачу решают провинциальные власти в развитии края.

Аберани Сулайман подчеркнул, что эта задача определена пятилетним планом экономического развития страны. Предусматривается развитие на Южном Калимантане, как и по всей Индонезии, в первую очередь сельского хозяйства. Пока провинция не обеспечивает себя продовольствием, и снабжение ее населения зависит от привоза. Провинциальные власти ставят перед собой задачу постепенно добиться полного самообеспечения продовольствием за счет своих внутренних ресурсов. Для этого, подчеркнул губернатор, имеются широкие и далеко не использованные возможности. Могут быть дополнительно освоены под сельскохозяйственные угодья обширные земли. Крестьяне теперь получают низкие урожаи риса, овощей, клубнеплодов. Урожаи можно значительно повысить, улучшая культуру земледелия, развивая ирригацию, применяя удобрения и ядохимикаты.

По мнению губернатора, главным препятствием в решении этой задачи является недостаток рабочих рук

в сельском хозяйстве. Хотя Южный Калимантан и более обжит, чем другие районы острова, плотность населения и здесь низка. Поэтому край нуждается в притоке крестьян-переселенцев. Один из парадоксов современной жизни — в деревне не хватает рабочих рук, а в Банджармасине и других городах остро стоит проблема занятости населения. Здесь много безработных и полубезработных. Казалось бы, чего проще — собрать этих голодных людей, не имеющих постоянного заработка, предоставить им землю, возможность заниматься крестьянским трудом, оказав некоторую помощь на первоначальное обустройство. Но практически это сделать не так просто. Освоение новых земель в джунглях требует огромной отдачи сил, неустанного труда и крестьянского трудолюбия. Городские бродяги, давно утратившие навыки общественно-полезного труда, привыкшие к случайным нетрудовым заработкам, праздности, уже не способны к той интенсивной отдаче сил, какая требуется в джунглях. Хроническая безработица развращает людей. Наиболее полезными переселенцами оказываются крестьяне. Далее губернатор говорил о проекте Барито, с которым связывается будущее края, выразил надежду на возобновление советско-индонезийского экономического сотрудничества.

ПОЕЗДКИ ПО ЮЖНОМУ КАЛИМАНТАНУ

Первая цель моих поездок по краю — металлургический завод. Должен сразу же оговориться. Никакого реального металлургического завода на Калимантане нет, не ведется и его строительство. Существует он лишь на бумаге, в проектах, а если говорить точнее, — в бывших проектах.

История этого злополучного объекта такова. Еще правительство Сукарно задумало построить в районе Банджармасина металлургический завод. Советские специалисты в рамках советско-индонезийского экономического сотрудничества осуществили предварительное проектирование и выбрали место для будущей строительной площадки. Предусматривалась первоначальная проектная мощность завода в 250 тыс. т металла в год. Площадка была расчищена, на ней возведены легкое ад-

министративное здание и навес для автотранспорта. Одновременно советские геологи занимались поисками железной руды. Руду нашли, хотя и не в очень большом количестве и невысокого качества. Но при организации обогатительного процесса руду вполне можно было использовать для выплавки металла.

Однако правительство Сукарно приостановило осуществление проекта, прекратив и дальнейшее использование помощи советских специалистов. Главная причина этого состояла в глубоком экономическом и политическом кризисе режима «направляемой демократии», остром дефиците бюджета, несостоятельности в выполнении своих обязательств по заключенным с советской стороной соглашениям. Отказ от выполнения ряда проектов, свертывание экономического и научно-технического сотрудничества с СССР вызвали глубокое разочарование индонезийской общественности, особенно тех индонезийцев, которые трудились бок о бок с советскими специалистами.

Во время моей поездки на Калимантан территория, выбранная для строительства завода, выглядела удручающе уныло. На заросшей кустарником и сорняком площадке свалка автомашин и рядом два ржавеющих вертолета. Проект фактически заброшен, но я еще застал небольшой административный аппарат, получающий зарплату. В здании конторы занимались какой-то канцелярской работой. Сулейман, молодой приветливый индонезец, не то управляющий, не то главный инженер бывшего проекта, давал мне пояснения.

— Я неисправимый оптимист, туан. Верю, что когда-нибудь на Калимантане будет свой металлургический завод,— убежденно сказал он.— Ведь для этого здесь есть все необходимые условия. И в этом нас убедили ваши соотечественники, оставившие по себе самую добрую память.

Он с теплотой вспоминал о совместной работе с советскими специалистами. Некоторые работники проекта проходили производственную практику на предприятиях Советского Союза. Это было время великих надежд.

Сулейман показал мне образцы железной руды, найденной на Южном Калимантане советскими геологами. Я выслушал целую лекцию, прочитанную на хорошем профессиональном уровне. Вот два образца руды. Одна

из них — низкокачественная латеритовая руда, содержащая 45% железа и небольшой процент никеля и хрома. Общее ее количество, разведанное и предполагаемое, достигает 150 млн. т. Высококачественной руды, содержащей больший процент чистого железа, обнаружено немного, до 9 млн. т. Но руды обоих сортов могут быть смешаны. При наличии обогатительной фабрики такая смесь может дать металл необходимого качества. Это подтверждается лабораторными исследованиями. Процесс обогащения руды приведет к дополнительным издержкам. Но импорт металла обойдется несоизмеримо дороже. Одна тонна импортируемой стали стоит 120 американских долларов, а чугуна — 80 долларов. Эти цифры говорят о целесообразности строительства завода.

Как и губернатор, и другие официальные лица, с которыми мне довелось беседовать, Сулейман выражал надежду, что советско-индонезийские экономические связи вновь станут оживленными.

Следующая поездка — на строительство электростанции на реке Риам Канан, в то время еще не завершенное. Опять заезжаем в информационное управление в Банджарбару, где нас ожидает представитель администрации строительства Суарман.

Едем довольно долго. Риам Канан — один из притоков большой реки Мартапура. Джунгли здесь расступаются, и мы едем открытой долиной, слабо заселенной и лишь частично возделанной. Поля чередуются с пустошами и зарослями кустарника. Поля в основном суходольные, без искусственной оросительной системы. Поэтому и урожайность здесь, как можно судить по чахлым колосьям, низкая. Заросли высокой сорной травы подступают к самой обочине дороги. Кое-где ее выкашивают или выжигают. Течение извилистой реки, вдоль которой мы едем, быстрое. Вода здесь прозрачная и чистая, как в роднике. Товарищи из консульства иногда ездят сюда купаться.

Мы направляемся к подножию холмов. Здесь в ущелье, где река стиснута крутыми склонами, и строится электростанция. Возводится земляная насыпь, которая в недалеком будущем перегородит реку и создаст продолговатое водохранилище. Его общая площадь составляет до 90 кв. км. На дне его окажется несколько населенных пунктов, жители которых будут переселены в

другие места. Об этом рассказывает наш сопровождающий Суарман. Он возглавляет протоколно-информационную службу стройки и обычно принимает гостей.

На строительстве оживленно. Бульдозеры срезают склоны холмов, чтобы получить грунт для насыпи. Дорога петляет по взрытому оголенному склону. Сразу же вся наша одежда покрывается налетом красной пыли. Суарман знакомит нас с главным инженером проекта Мухиддином, который и дает нам дальнейшие пояснения. Электростанция строится уже не первый год. Строительство началось давно, но потом законсервировалось из-за недостатка средств и лишь недавно возобновилось. Оно финансируется за счет японского кредита. Строительством заняты три японские фирмы: одна ведет земляные работы, другая — все остальные работы, а третья осуществляет инженерное консультирование. На стройке занято несколько десятков специалистов-японцев и несколько сот индонезийских рабочих. Наше появление привлекло внимание японцев, поглядывавших на нас с нескрываемым любопытством. Зачем это пожаловали сюда русские?

Как я понял из объяснений главного инженера, строительство этой сравнительно небольшой электростанции ведется крайне медленно. Осуществление проекта должно помочь в решении целого ряда экономических задач края, таких, как борьба с наводнениями, развитие ирригационной сети, рыболовства, обеспечение Банджармасина питьевой водой и всего края электроэнергией, улучшение режима водного транспорта. Первая очередь электростанции должна дать 20 тысяч киловатт электроэнергии, а окончательная ее мощность составит 30 тысяч. Это единственный проект за пределами Явы, хотя это и далеко не гигантская стройка.

Японский капитал проявляет большую активность в Индонезии, успешно конкурируя с американским, английским, голландским. Японские инвесторы по сумме своих капиталовложений занимают одно из первых мест среди иностранных инвесторов в Индонезии. Они участвуют в строительстве нескольких экономических объектов на Яве. Фирмы Японии получили концессии на лесоразработки, нефтедобычу и эксплуатацию других природных богатств. Все это свидетельствует об активном наступлении японских монополий на эту страну.

Самой интересной из всех поездок по Южному Калимантану оказалась поездка на алмазные копи в районе деревни Чемпака в кабупатене Мартапура. В самом городе Мартапуре находится гранильная фабрика по обработке драгоценных камней. Большинство старателей с алмазных копей — местные жители-банджары, обитающие в деревне Чемпака. Однако есть среди них и выходцы с Явы, направляющиеся сюда в поисках счастья. Эти люди покинули перенаселенную Яву в надежде получить собственную землю, отвоеванную у джунглей, и выращивать рис по примеру отцов и дедов. Но земля обетованная обернулась горькой землей. Наводнения, неурожай, изнурительная борьба с наступающей сорной травой, истощающей почву, полчища прожорливых крыс и злокачественная лихорадка заставили многих покинуть кампунг переселенцев.

Более или менее сносный заработок, зависящий, правда, от изменчивой и капризной фортуны, люди нашли на алмазных коях. Они не стали бездомными нищими на улицах Банджармасина, они превратились в старателей.

Старатель! Наш молодой читатель смутно представляет себе эту фигуру прошлого. Разве только в романах о старых таежных сибиряках встретит он колоритный образ предприимчивого бродяги — то разгульного и щедрого удачника, то нищего несчастливца. Или, перечитывая Джека Лондона и мысленно перенесясь в Клондайк или Калифорнию прошлого века, увидит он пеструю толпу алчных, одержимых азартом наживы авантюристов.

Местный полицейский офицер и чиновник информационного управления берутся доставить нас на алмазные копи. Мы — это консул Федор Ильич, молодой секретарь консульства и я. Нас предупреждают, что дорога нелегкая. Возможно, придется шагать метров пятьсот по пояс в воде. Заранее соглашаюсь на все. Уж очень заманчиво увидеть алмазные копи. Едем на консульском газике. Полицейский для пущей важности вооружается винтовкой. «Для безопасности», — поясняет он. Что ж, предусмотрительный гоголевский Иван Никифорович держал в чулане старое ружье на тот случай, если на дом нападут турки.

Шоссе переходит в разбитую грунтовую дорогу. Га-

зик подпрыгивает на выбоинах и ухабах. Мы покрываемся желтой дорожной пылью. Природа здешнего края по своему богатству, по буйной яркости красок не идет ни в какое сравнение с природой Явы, густозаселенной и обезлесенной. В сравнительно обжитой юго-восточной части Калимантана, населенной народностью банджаров, поселки и деревушки встречаются все же нечасто, поля чередуются с джунглями. На горизонте синее горная цепь. Немало здесь всякой лесной живности. Вот шмыгнула с обочины в чащу обезьяна. Валяется раздавленная автомашиной крупная змея.

В городе Мартапуре наши сопровождающие показывают нам гранильную фабрику. Фабрика — слишком громкое название, скорее это фабричка кустарного типа. В крохотной камерке с металлическим сейфом в углу нас встречает группа индонезийцев. Это компаньоны, совладельцы предприятия. Отопкнув сейф в углу, они демонстрируют на столе перед гостями граненые камни всех цветов радуги и самой разнообразной формы: круглые, овальные, продолговатые, призматические, остроконечные. Камни тщательно отшлифованы. Вот самые дорогие из них — бриллианты, сверкающие словно капли росы. Есть и довольно крупные — в несколько десятков каратов. Самый крупный алмаз был найден в 1965 г. Он получил название «Трисакти» (буквально — «обладающий тройной магической силой»). Вес неотшлифованного камня, еще не ставшего бриллиантом, составлял 166,72 карата (более 33 г). Остальные найденные здесь крупные алмазы по весу уступали Трисакти по крайней мере в несколько раз. Хозяева показывают прейскурант цен в индонезийских рупиях — астрономические цифры с длинными рядами нулей. Компаньоны начинают уверять меня, что это совсем не дорого.

— Нашу продукцию скупают ювелиры Джакарты и экспортные фирмы, — говорит один из них. — Вот те действительно наживаются. У них такой камешек будет стоить в полтора-два раза дороже.

Любуюсь хризолитами, лазуритами, агатами. Больше всего здесь александритов. Этот камень считается полудрагоценным и сравнительно недорог. Александриты бывают всех цветов: салатные, лазоревые, нежно-розовые, кроваво-красные, сиреневые. Подбираются целые гарнитуры: большой камень для броши, поменьше для

перстня, парные — для серег. Покупаю на память небольшой александрит и прошу показать фабрику.

В полутемном сарае за длинными столами трудится несколько десятков гранильщиков. Рабочие ловко орудуют крохотными инструментами. Наверное, такими вот молоточками и долотами лесковский Левша подковал блоху. Хозяева знакомят меня с жилистым пожилым мастером.

— Самый опытный у нас. Он шлифует только алмазы.

Мастер сдержанно отвечает на наше приветствие и продолжает работать, не пускаясь в разговоры. Он дорожит каждой минутой. Работает четко, ритмично, как часовой механизм. Перед ним еще не отшлифованный алмаз величиной с крупную горошину. Он должен превратиться в симметрично граненый бриллиант, который, быть может, украсит кольцо либо диадеме супруги миллионера или избалованной голливудской звезды.

Задаю компаньонам вопрос: каков средний заработок квалифицированного гранильщика? Компаньоны как-то смущенно переглядываются. После заминки самый солидный из них отвечает уклончиво:

— Видите ли... Трудно ответить на ваш вопрос коротко. Наши рабочие — люди разного возраста, разного опыта. Они выполняют далеко не одинаковую работу. Но можно определенно сказать, что мы ценим хороших мастеров и платим им неплохо.

— А конкретно? — не унимался я.

— Нельзя сказать, чтобы эти люди были богачами. Ведь и мы несем расходы, приобретая камни у мелких скупщиков. И мы, хозяева, должны иметь прибыль, иначе не было бы смысла держать фабрику. В целом нашим рабочим хватает заработка, чтобы содержать семью, одеться. Вы видите, у некоторых есть даже велосипеды.

— Сколько времени уходит на обработку одного камня?

— Иногда несколько недель. Некоторые камни, тот же алмаз, отличаются исключительной твердостью. Обычный инструмент не возьмет его. Только немногие из наших мастеров, самые опытные, знают все секреты ремесла гранильщика.

Едем дальше. Дорога становится все более разбитой.

Джунгли вплотную подступают к ней, и мы едем как бы по узкому коридору, прорезанному в плотной зеленой массе. Въезжаем в какую-то деревню.

— Деревня Чемпака. Здесь живут старатели,— объясняет нам один из наших спутников, полицейский.

Странная это деревня. Дома тянутся двумя несчетаемыми шеренгами. Едем несколько километров, и нет конца деревне. Почему-то много мечетей, слишком много для одного поселения. Насчитал уже пять луковичных куполов, увенчанных полумесяцем. Еще одна и еще... Мечети скромные, иногда просто дощатый навес, но обязательно с куполом. По местному обычаю перед каждой мечетью лежит или подвешен сигнальный барабан — большой полый чурбан с прорезью. Дома не то чтобы слишком бедные, но какие-то не крестьянские. Они очень тесно жмутся друг к другу. Не видно ни рисовых полей, ни насаждений папайи или других плодовых деревьев. К задворкам домов подступают джунгли. Здесь живут не земледельцы, а старатели, добытчики драгоценных камней. Земледелие не их удел. Бросается в глаза полное отсутствие взрослых и даже подростков. Все взрослое население Чемпаки — несколько тысяч человек — ушло на копи. Дома остались лишь старики да малые ребяташки.

Сворачиваем с главной улицы и, наконец, выходим к широкому бескрайнему озеру или болоту. Нагоняем вереницу людей. Пестрая процессия мужчин, женщин, подростков шагает прямо по воде. Сперва вода доходит до щиколоток, потом до колен, до пояса. Женщины с тяжелой ношей на голове смело задирают саронги и шагают вперед. Здесь свои правила, и о природной стыдливости мусульманкам приходится забыть.

— Перед нами два пути, туан,— говорит чиновник.— Либо мы разоблачимся и в одних трусиках преодолеем водную преграду, как эти люди. Не бойтесь, крокодилов здесь давно распугали. Либо найдем арбу.

Представителю полицейской власти явно не улыбается первая перспектива, и он настаивает на арбе. Оба сопровождающих отыскивают здешнего лавочника, и все трое куда-то отправляются. Ждем, наверное, целый час. Нас обступает орда ребяташек. Все-таки любопытно взглянуть на европейцев, которых увидишь здесь нечасто. Найти свободного возчика оказалось не так-то

Старатели на алмазных копах

просто. Наконец, появляется белый горбатый зебу, впряженный в неуклюжую повозку с огромнейшими деревянными колесами. На таких впору перевозить средневековые осадные орудия.

Не без труда взбираемся на повозку и трогаемся. Более ужасного путешествия я, кажется, никогда в жизни не совершал. Зебу шагал буквально черепашьям шагом, а иногда и вовсе останавливался. Возчик и не пытался подстегивать животное, зная невозмутимость его нрава. Повозка скрипела и раскачивалась во все стороны, подскакивая на скрытых под водой кочках. Кажется, еще один толчок — и мы очутимся в этой грязной луже.

Но вот и твердая суша. Еще немного — и перед нами открывается нечто невообразимо пестрое, бурлящее, клокочущее. Табор, бивуак, орда — не подберу точного определения. Огромная поляна, изрытая, вспаханная, изъязвленная ямами, рвами, траншеями, колодцами. И всюду снуют, копошатся, роются, подобно усердным кротам, люди. И какие люди! Какие яркие, неповтори-

мые и сочные типажи в этом тропическом Клондайке! Вот черные от загара и грязи парни, почти совершенно голые. Вот старый индонец с лохматой гривой до плеч и даякским парангом за поясом, с лицом древнего пророка. Другой в узких полосатых тиковых брюках и широкополой шляпе — персонаж ковбойского или пиратского фильма. Каждый словно стремится перещеголять другого пестротой и экзотичностью наряда. Колышется мозаика из красных, оранжевых, узорчатых курток и рубах, женских саронгов. Лица людей разгорячены азартом, глаза дерзки, задорны.

Вижу людей и иного склада. Степенные и дородные китайцы и арабы восседают перед походными палатками. Это — божки бизнеса местного масштаба. Они как будто безучастны, но на самом деле притаились, высматривая добычу, чтобы схватить ее мертвой хваткой. У них можно купить всякую снедь, арендовать помпу, сыграть в азартную игру, заложить последнюю рубаху или взять под залог будущей добычи деньги в кредит.

Ручная помпа нужна для откачки воды из штольни. Старатель, как правило, не настолько богат, чтобы иметь собственную помпу, и вынужден идти на поклон к местному дельцу. За аренду помпы нужно платить ее хозяину процент с выручки, и немалый. Как прожорливая саранча, облепили подобные дельцы копи. И здесь к ним пристало меткое индонезийское прозвище «лин-тах» — пиявка.

Появляются здесь пиявки и более крупного масштаба — районного. Это скупщики камней. Они перепродают камни на гранильную фабрику в Мартапуре или же оптовым торговцам-ювелирам в Банджармасине. Это уже дельцы провинциального масштаба. Последние в свою очередь перепродают камни столичным ювелирам или экспортерам. Надо ли говорить, что каждый делец в этой многоступенчатой пирамиде стремится побольше нажиться за счет старателя, которому достается лишь самая малая доля.

Присматриваюсь к толпе и начинаю улавливать некую систему. Люди копаются в земле группами по шесть-восемь человек. Это артели — обычно семьи или группы из родственников и соседей. Они сообща арендуют помпу и приступают к промыслу. Сначала ро-

ется не слишком глубокая вертикальная штольня, которая кое-как укрепляется грубым деревянным срубом. Землекопы извлекают породу со дна штольни, углубляя и расширяя ее. Штольня быстро начинает наполняться подпочвенными водами, которые находятся здесь неглубоко. Поэтому все время приходится откачивать грязную жижу с помощью ручной помпы. Эту тяжелую физическую работу выполняют мужчины. Но и женщинам достается не менее тяжелый труд носильщиков. Они заняты переноской породы в плетеных совках к месту промывки, где она тщательно промывается в долбленных деревянных корытах. Этим самым ответственным делом заняты опытные пожилые мужчины и старики.

Бывает, что к старателю не приходит успех неделями и даже месяцами. Извлекаются на поверхность тонны пустой породы, и не попадает в ней ни одного драгоценного камня. Вот такой неудачник, костлявый беззубый старик, в конусообразной соломенной шляпе, похожий на тех классических стариков, каких вырезают из дерева балийские скульпторы. Он сидел на корточках перед корытом. Старик машинально перебирал руками породу, отбрасывая в сторону пригоршни песка и гальки. Лицо его выражало безнадежность и равнодушие ко всему на свете.

— Как дела, бапак?— спросил я.

Старик пожаловался, что дела его артели совсем плохи. Вырыли уже третью штольню, и хоть бы один дешевый александрит попался. Семья давно сидит без единой рупии. Еще хорошо, что китаец дал в долг риса и других припасов. За это придется делиться с ним будущей добычей. А когда Аллах пошлет эту будущую добычу?

А вот и удачник. Где-то раздается победный клич. На пригорке в диком восторге пляшет человек, полуголый, немолодой. Он вытянул вперед правую руку, зажав что-то в кулаке. К нему уже бегут со всех сторон любопытные. Поддавшись общему порыву, бегу и я. Старателю повезло. Его жена принесла совок с породой и высыпала в корыто. Он стал перебирать пальцами мелкую гальку, и вдруг... ослепительно блеснул алмаз. Небольшой, меньше рисового зернышка, но все-таки алмаз, чистый, искрящийся. И, кроме того, еще три зеленоватых александрита. Счастливца поздравляют, ему завидуют.

Камешки бережно передают из рук в руки, оценивают, бьются об заклад, сколько рупий даст за них перекупщик.

Мой полицейский опытным глазом заметил еще одну любопытную сценку и спросил меня:

— Не хочет ли туан посмотреть настоящие камни, не то что эти, и познакомиться с человеком, которому крупно повезло?

За грубым столом из жердей сидит человек и с достоинством пьет пиво. Он сегодня даже позволил себе отдых и облачился в новые саронг и пиджак. Против него сидит перекупщик. Идет торг, неторопливый, ритуальный. Обе стороны явно набивают цену и не раскрывают своих карт. Старатель расхваливает товар. Вокруг толпятся зеваки. Все знают, что после этого привычного ритуала перекупщик все равно купит за бесценок всю добычу. По просьбе моих сопровождающих старатель извлекает из внутреннего кармана смятую тряпицу, бережно разворачивает ее. В тряпице комок газетной бумаги. Развернув и его, он высыпает на ладонь несколько сверкающих чистых росинок-алмазов — четыре или пять. Один довольно крупный, неправильной формы, напоминающий острый обломок карандашного грифеля, другие совсем мелкие, как пшеничные зерна.

— Пусть русский туан подержит в руках эти камешки и пусть туану сопутствует в жизни большое счастье, как мне, — сказал старатель и высыпал алмазы на мою ладонь. Первый раз в жизни я держал в руках такое сокровище и, как мне показалось, ощутил какой-то электризирующий холодок. Скорее всего испугался, как бы не выронить драгоценные камни в грязь. Налюбовавшись алмазами, возвращаю их хозяину и пытаюсь выяснить, сколько же рупий получит он за всю свою добычу.

— Много, туан. Очень много, — загалдели обступившие нас зеваки.

Старатель вмиг утратил самодовольную уверенность и злобно хлестнул глазами скупщика.

— Пусть лучше этот человек скажет, много ли он заработает на перепродаже моих камешков. И сколько заработает китаец из Банджармасина, который перепродает камешки в Джакарту.

Из штольни вылезает наверх парень, липкий и гряз-

ный. Может быть, он и не настолько молод, чтобы называть его парнем. Просто он тщедушен и малоросл. Он устало потягивается и ложится ничком на землю. К нему подходит женщина, скорее всего жена, смотрит на него с заботливым сожалением и протягивает надрезанный кокосовый орех. Парень приподнимается и жадно пьет. Вдруг он замечает нас и с любопытством спрашивает меня:

— Откуда, туан?

Я объясняю. Парень не пускается в дальнейшие расспросы и рассказывает о себе.

— А я с Явы. Здесь недавно, всего лишь второй год. Не хочет ли туан кокосового сока? Он хорошо утоляет жажду.

Женщина протягивает мне другой кокосовый орех.

— Жена моя, Зайрина,— представляет ее яванец.— Ее первый муж тоже добывал камни. Он умер — придало в штольне.

Вот так я познакомился с Тахиром, поведавшим мне свою историю. У его отца под Семарангом был участок земли, но такой крохотный, что не мог прокормить большую семью. В конце концов Тахир решил поехать с женой и маленькой дочкой на Калимантан в поисках счастья. Власти обещали предоставить хороший участок земли, семенной рис. В джунглях, куда он приехал, уже вырос небольшой поселок. Тахир был работающим парнем и сразу же принялся за дело. Он поставил небольшую бамбуковую хижину, занялся рыбной ловлей, собирал дикорастущие плоды. Семенной рис старался не трогать, чтобы было чем засеять поле. С земельным участком пришлось повозиться. Рис принялся плохо. Земля была слишком истощена сорной травой и кустарником. С помощью удобрений можно было бы сделать землю плодородной. Но об удобрениях не приходилось и думать. А потом ливни размывли защитную дамбу — ведь один Тахир не мог соорудить достаточно прочную преграду. Вода ушла с участка. Был продолжительный сухой сезон, и урожай погиб. Жена опасно заболела болотной лихорадкой. Врач мог бы спасти ее, но врача не было и за сотни километров. Правда, соседние даяки-охотники, с которыми он сдружился, предлагали привести своего дукуна. Дукун говорил, что это злые духи насылают на людей порчу, но против них есть надежные

магические заклинания. Но Тахир не очень-то верил в заклинания даякского дукуна и вежливо отказался от его услуг. После смерти жены Тахира постигло и второе горе — дочка погибла от укуса змеи. Соседи говорили, что это еще не самая ядовитая змея и врачи будто бы знают противоядие. Но где найдешь в джунглях врача?

Одинокый Тахир бросил хижину и землю и после скитаний по Калимантану пришел сюда, в Чемпаку. Здесь, в пестрой толпе, можно было встретить не только местных банджаров, но и яванцев, которые, так же как и он, Тахир, не нашли своего счастья на земле обетованной. Один старый банджар-старатель сказал ему:

— Будешь работать с нами. Мне нужны мужские руки. Полезешь в штольную. Прежде работал в штольне мой зять, но он был недостаточно осторожным, и его придавило обвалившейся породой. Если не сбежишь отсюда, сыт будешь, хотя богачом и не станешь.

Тахир не сбежал и даже женился на овдовевшей дочке старого банджара. Это она приносила ему кокосовые орехи. Доволен ли он своей судьбой? Все дело в случайной удаче, как в азартной карточной игре. Бывает и так, что перекопаешь большой участок, вгрызаешься в сырую землю, а удачи нет. Старик-тесть спорит с ним. Он считает, что дело не только в счастливом случае, но и в опыте, который приходит с годами. Опытный старатель чувствует породу, постигает ее скрытые тайны. Возможно, старик и прав. Теперь Тахир прочно осел в Чемпаке и стал заправским старателем. Может быть, и его семье посчастливится найти большой алмаз, как тому старателю, который сейчас пьет пиво и ведет торг со скупщиком.

Таков услышанный мною рассказ о нелегкой судьбе одного из жителей Чемпаки. А сколько здесь таких судеб?

ДОРОГОЙ ДРУЖБЫ

Направляясь на Южный Калимантан, я намеревался побывать в глубинных районах острова, добраться до первобытных нетронутых джунглей и даякских поселений. Самый верный путь — проплыть две-три сотни километров на катере вверх по Барито. Местное морское

командование обещало предоставить катер, но этого оказалось недостаточно. Внутренние районы острова не находились в его ведении. Нужно было получить специальное разрешение полицейского командования. Как нам объяснили, это нужно для того, чтобы «обеспечить безопасность гостей». Но полицейского начальника не было на месте, его помощники заняты подготовкой к встрече президента. Поэтому добиться необходимого разрешения на путешествие вверх по реке Барито так и не удалось.

Мы ограничились сухопутным маршрутом — поездкой в Танджунг. Город находится к северо-востоку от Банджармасина. Это важный центр нефтепромыслов, принадлежавших ранее англо-голландской компании «Шелл», а теперь ставших собственностью государственной компании «Пертамина».

Еще правительство Сукарно планировало проложить первоклассное шоссе от Банджармасина на северо-восток к Баликпапану и Самаринде, главным центрам провинции Восточный Калимантан, а также на север, в глубь острова. Предполагалось частично использовать существующие отрезки старых дорог, проложенных еще голландцами, которые надлежало расширить, выпрямить и снабдить улучшенным покрытием. Новые участки дороги предстояло прокладывать через болота и джунгли. Но этот план был осуществлен лишь частично, с советской помощью. На строительство была брошена наша дорожная техника. Советские специалисты проделали большие изыскательские и строительные работы. Был выполнен огромный объем земляных работ, возведены насыпи, отрыты выемки. Сами индонезийцы, работавшие на трассе бок о бок с советскими изыскателями и строителями, назвали ее дорогой дружбы.

От Банджармасина до Танджунга около трехсот километров. Весь путь вместе с остановками для отдыха занимает не менее шести часов. Часть пути приходится преодолевать по старой, скверной дороге. Консул, страдавший гипертонией, не рискнул отправиться в трудную поездку. Моиими спутниками были секретарь консульства и шофер-индонезиец.

Выезжаем ранним утром в воскресный день. Сначала едем знакомой дорогой до Мартапуры.

Резиденция последних банджармасинских султанов

находилась в этом городе. Там же сохранились надгробные памятники на могилах султанов, которые еще и сейчас служат местом паломничества. Голландские колонизаторы уничтожили власть султана в конце 1859 г. и включили султанат в состав территорий, непосредственно управляемых колониальными властями. Голландцы утвердили свое господство на Юго-Восточном Калимантане, преодолев упорное сопротивление местного населения, известное в истории как Банджарская война, которая продолжалась четыре года. О ее героях напоминают названия некоторых улиц в Банджармасине. Банджарскую войну можно поставить в один ряд с такими крупными событиями в истории антиколониальной борьбы народов Индонезии, как яванская народная война 1825—1830 гг. под руководством Дипонегоро, Ачехская война на Суматре конца XIX в. Вооруженные преимущественно холодным оружием — копьями, мечами, кинжалами и в редких случаях старинными кремневыми ружьями или трофейными голландскими винтовками — повстанцы сражались с колонизаторами. Плохо вооруженным жителям банджармасинского султаната противостояла голландская колониальная армия, оснащенная самым совершенным по тому времени огнестрельным оружием. Но полного умиротворения края не произошло. Антиголландские волнения вспыхивали время от времени на Юго-Восточном Калимантане с новой силой и фактически не прекращались до начала XX в.

Миновав Мартапуру, сворачиваем на северо-восток. Переезжаем по мосту, построенному еще задолго до второй мировой войны голландцами, через широкую, мутную от ила реку, которая, как и город, носит название Мартапура. Мост ветхий и узкий, двум машинам не разъехаться. Приходится пережидать встречный поток машин. Едем по высокому размытому берегу реки. Местность здесь еще сравнительно населенная. Банджарские деревни, тянущиеся вдоль дороги, мало отличаются от яванских. Простые, скромные хижины ставятся прямо на земле или на невысоких сваях. В низменных районах побережья и низовьев больших рек хижины возводятся на высоких сваях, подобно жилищам малайцев Восточной Суматры. Свайный тип жилищ распространен и севернее, в глухих лесных районах. Орнаменты и резные изображения на хижинах встречаются здесь

редко. Чувствуется сильное влияние ислама. Мечеть — самое значительное сооружение среди деревенских построек. Если деревня совсем невелика и в ней нет своего имама, строится небольшой молитвенный дом. Здешние мусульманские ритуальные сооружения носят черты индонезийской традиционной архитектуры и мало напоминают храмы мусульман ближневосточных стран. Банджарская мечеть — это легкая, квадратная в плане постройка, окруженная со всех сторон открытой верандой, с четырехскатной кровлей, увенчанной куполом. Иногда кровля делается многоступенчатой, как у буддийской пагоды (обычно в два-три яруса). Все убранство мечети состоит из циновки, покрывающих пол, и кафедры-мимбара для священнослужителя.

Дорога совсем узкая и разбитая. Она вьется среди рисовых полей, сменяющихся кокосовыми пальмами и насаждениями папайи. Рис — главная сельскохозяйственная культура у банджаров. Искусственные оросительные сооружения встречаются сравнительно редко. Широко используется естественное обводнение рисовых полей. В устьях и низовьях рек под рисопосадки выбираются участки, заливаемые водой во время приливов. Вода приносит на поля плодородный ил. В болотах и мелководных озерах выращивают «плавающий» рис. На более возвышенных местах используется суходольный метод выращивания риса, кукурузы и других культур. Кое-где банджары культивируют каучуконосы и другие экспортные культуры. Часть продуктов поступает на рынок Банджармасина.

Чем дальше движемся на северо-восток, тем реже попадаются небольшие деревни, становящиеся все более убогими и бедными. Здесь крытые камышом хижины возводятся на высоких сваях. Сваи не только заимствованная у даяков местная традиция, но и практическая необходимость. Они спасают от сырости, наводнений и пресмыкающихся. Уровень земледелия здесь более примитивный. Ирригационных сооружений уже не видно. Под рис используются естественные низины, затопляемые во время ливней. Рис какой-то чахлый. По-видимому, и урожайность его низкая из-за недостатка влаги, отсутствия удобрений.

На полях можно увидеть чучела из соломы и тряпья на длинных шестах. Иногда они увешаны трещотками,

разными побрякушками, жестянками. Посреди поля стоит шалаш или полевая хижина-временка, от которой тянутся ко всем этим чучелам нити. Время от времени крестьянин, сидящий в шалаше, дергает за концы нитей, заставляя чучела размахивать руками, а трещотки и погремушки — издавать шум и трезвон. Это единственно доступный способ борьбы с полевыми вредителями. Главный враг здешнего крестьянина — прожорливые крысы — тикусы. Крысиные полчища нередко поедают весь урожай, и земледелец почти бессилён бороться с этим злом, так как не располагает действенными химическими средствами. Здесь водятся крысы различных видов и размеров, вплоть до огромных, величиной с кошку. В свое время индонезийское правительство, как мне рассказывали, приглашало на Калимантан крупного советского специалиста по борьбе с вредителями полей. Он успешно испытал на практике эффективный химический метод борьбы. Крысы гибли после обработки поля с помощью химикатов, абсолютно безвредных для саженцев риса и других культур. Но правительство пока не в состоянии широко внедрить этот метод, а для крестьянина-бедняка он слишком дорог.

Основной пейзаж здесь составляют еще не джунгли, остающиеся где-то севернее и западнее, а поросшие сорной травой пустыри и топкие болота с клочками чахлой растительности. Пустыри, возможно, были когда-то полями, заброшенными в результате истощения почвы. Трава здесь вырастает в человеческий рост и выше. Она наступает на крестьянские поля, покрывает обочины дороги. Сорняки — страшный враг земледельца. Они истощают почву, отнимают жизненные соки у полезных сельскохозяйственных культур. Сорняки выкашивают, выжигают, но цепкая трава, пускающая глубокие корни, быстро вырастает вновь. Несколько раз на нашем пути попадались небольшие каучуковые плантации.

Лишь в середине нашего пути мы выехали на хорошую, широкую дорогу. Это участок, построенный с помощью советских дорожников. Я воочию убедился, какой огромный объем земляных работ был здесь выполнен. Срыты целые холмы, выровнены склоны, обнажившие сейчас свежий краснозем. Дорога пока в сравнительно хорошем состоянии. Однако обочины быстро размываются ливнями или зарастают стелющейся по земле цеп-

кой зелению. Поэтому время от времени на трассе ведутся ремонтные работы с помощью нашей техники.

Правительство Сукарно рассчитывало, что дорожное строительство оживит край, внесет свежую струю в его экономическое развитие, будет способствовать более быстрому его заселению, притоку новой массы транмигрантов с Явы. Но эти грандиозные планы остались в числе многих других несбывшихся сукарновских проектов, не всегда учитывавших реальные возможности.

Движение по дороге пока небольшое. А поскольку день воскресный, на этом отдаленном участке мы почти не видим встречного транспорта. В населенных пунктах у дороги люди сидят в томительном ожидании, пытаются поймать попутную машину. От Банджармасина до Танджунга и до других крупных населенных пунктов ходят маршрутные автобусы. Но они ходят редко, и, по-видимому, не обеспечивают всех потребностей. В одном поселке наш газик остановил немолодой солидный индонец, похожий на представителя власти, который при нашем приближении стал яростно размахивать руками. Он попросил довезти до ближайшего городка, расположенного километрах в сорока отсюда, двух женщин. Они спешили туда по каким-то неотложным семейным делам.

Берем пассажиров. Они чем-то удручены, обмениваются друг с другом отрывистыми фразами на банджарском наречии, для нас непонятном. Постепенно завязывается общий разговор, и женщины без затруднений переходят на индонезийский. Они сестры. Младшая красива и изящна. Старшая уже располнела. Она мать пятерых детей. Едут к брату, у которого живет их престарелая мать, совсем больная. Сестры опасаются, что не застанут старуху в живых. Рассказывают о своем брате, в недавнем прошлом служившем в управлении строительства дороги. Он работал вместе с советскими инженерами и с многими из них подружился, особенно с одним. Имя его они не помнят — очень трудное, как у всех русских. Такой красивый молодой человек, свободно говорил по-индонезийски и нравился местным девушкам. Родом он, как сам рассказывал, из большого южного города, где много цветов и песен. Когда русские уезжали домой, то обменивались с индонезийскими друзьями подарками. Молодой инженер подарил брату резную ку-

рительную трубку, которую сам вырезал из куска дерева. Брат не остался в долгу и подарил русскому другу пестрого попугая.

В городке пассажирки выходят. наших дорожников поминают здесь добрым словом. И в этом мы убедились, когда останавливались в городках или поселениях, перед харчевнями, чтобы немного подкрепиться и дать шоферу передохнуть. И везде хозяин харчевни или посетители заводили разговор о советских людях, которые были здесь в пору строительства завсегдатаями. Вспоминали даже имена отдельных строителей. Кто-то сохранил советский значок, другой — самописку, подаренные советскими товарищами. В одном из таких скромных заведений мы увидели на стене, на видном месте открытки с портретами космонавтов Валентины Терешковой и Валерия Быковского, посетивших Индонезию. Хозяин, пожилой китаец, не без гордости сказал, что он дорожит этими подарками русских, которые приходили к нему обедать. Нам встретился даже один индонезиец, похваставшийся тем, что у него есть фотоаппарат «Зоркий». Он тоже работал на строительстве, и один из его советских друзей, уезжая на родину, сделал ему этот подарок. Все эти люди стремились поговорить с нами, расспрашивали о Советском Союзе, о том, не знаем ли мы что-нибудь о дальнейшей судьбе их советских друзей.

В глухих районах с редкими деревушками появление нашего гаизика было событием для деревенских ребятшек. Они гурьбой выбегали на дорогу и махали нам руками. Раза два кричали что-то, слегка напоминающее русские приветствия, слышанные, вероятно, от старших, которые работали вместе с советскими дорожниками.

Многие банджары занимаются лесным промыслом: сбором дикорастущих плодов, заготовкой древесной смолы, ротанга, иногда охотой. Лесной промысел служит существенным подспорьем малопродуктивному крестьянскому хозяйству. Меня удивило, что в банджарских деревнях мы встречали совсем мало домашних животных, если не считать кур и уток. Лишь изредка попадались буйволы, используемые в качестве тягловой силы. Животноводство у банджаров развито слабо. Одна из причин этого — недостаток пастбищ. Каждый отвоеванный с огромным трудом у джунглей или болот участок земли

Женщины-даячки

используется под посеvy. Пустоши, заросшие грубыми сорняками, малопригодны для пастбищ.

Ближе к Танджунгу пошли настоящие джунгли, через которые дорожки прорезали широкую просеку. Огромные деревья опутаны лианами. Внизу густые заросли кустарника, папоротников. Пахнет лесной прелью, гниющим деревом. Иногда из чащи доносятся загадочные крики — не то саркастический смех, не то жалобные причитания, а иногда крики птиц и обезьян сливаются в общий многоголосый хор. Не мудрено, что даяки-анимисты населили джунгли великим множеством всяких духов, добрых и злых, воплотившихся в деревьях и животных.

Зарядил мелкий, нудный дождик. Все небо заволочло серой пеленой. Постепенно дождь усиливался, превращаясь в тропический ливень, от которого брезентовый кузов старого газика спасал плохо. Косые брызги проникали в щели между дверцами и кузовом. Откуда-то прямо на нас стекали теплые струйки воды. Скоро мы совсем промокли. На поворотах машину резко заносило в сторону, и несколько раз мы едва не опрокинулись.

На значительном протяжении дорога не имела твердого покрытия, кое-где она была засыпана мелкой щебенкой и лишь ближе к Танджунгу залита чем-то скользким и черным вроде асфальта.

Подъезжаем к развилке дорог. Где-то вдали угадываются сквозь завесу дождя сооружения нефтепромыслов. В другой стороне город Танджунг. У развилки стоит кантинг, иначе говоря ларек-закусочная. Останавливаемся, чтобы переждать под навесом дождь. Там уже укрылись от ливня и заигрывают с хозяйкой двое полицейских. Шофер отправляется тем временем в город на розыски харчевни почище и поуютнее.

Танджунг — центр кабупатена, самого северного в южнокалимантанской провинции. Город стоит далеко от моря, в нем несколько десятков тысяч жителей. Здесь находится управление нефтяных промыслов и, если верить картам, небольшой аэропорт. Все лавчонки, харчевни, местные учреждения сосредоточены на главной улице. Здесь мы и обнаруживаем сносное заведение, где нашлось для нас блюдо из риса с курятиной. Наше появление привлекает массу любопытных, которых не испугал и дождь. Сначала на пороге появляются ребята, а потом взрослые. Повторяются те же беседы, какие были в пути. Индонезийцы вспоминают советских строителей дороги. Некоторые из моих собеседников работали на строительстве, а теперь трудятся на нефтяных промыслах. Кроме нескольких французских инженеров-нефтяников других иностранцев в городе нет.

Шоссе обрывается в районе Танджунга. Столкнувшись с тяжелым экономическим кризисом, правительство Сукарно не смогло выполнить своих обязательств по соглашениям, касающимся советско-индонезийского экономического сотрудничества. Индонезийская сторона отказалась от дальнейшего использования советских специалистов и заявила, что будет продолжать строительство дороги своими силами. Фактически же дальнейшая стройка была прекращена из-за недостатка средств.

На индонезийских картах можно увидеть продолжение этой дороги до Баликпапана и Самаринды. Самаринда — центр провинции Восточный Калимантан, расположенный в дельте многоводной реки Махакам. Баликпапан, крупный портовый город и центр нефтепере-

рабатывающей промышленности, находится несколько южнее, на берегу Макассарского пролива. Вблизи этого города расположен крупный завод по переработке нефти, принадлежащий государственной компании «Пертамина».

За Танджунгом идет старая полуразрушенная дорога, почти не пригодная для автотранспорта. Лишь в сухое время года удастся не без труда проехать на джипе. Все перевозки между Баликпапаном и городами Восточного Калимантана в основном осуществляются морем.

Время уже позднее. Дождь почти прекратился, но все небо в тучах. Шофер настаивает на том, чтобы обратно ехать другой, старой дорогой. По его словам, эта дорога хуже той, по которой мы ехали, но она не такая скользкая и немного короче. Шофер предсказывает новый ливень.

Едем по старой дороге. Она идет вдоль широкой полноводной реки, параллельно новому шоссе и где-то посередине пути сходится с ним. Хозяин харчевни упросил нас, чтобы мы взяли с собой его родственника, которому надо попасть в Банджармасин. Он оказался школьным учителем, преподающим основы ислама, и мусульманским общественным деятелем районного масштаба. Это дает нам возможность вести в дороге обоюдно полезную беседу. Мусульманского деятеля интересует положение ислама в СССР. Я же расспрашиваю его о влиянии мусульманства на Южном Калимантане. По словам нашего попутчика, здешний край по влиянию мусульманской религии и по степени ее ортодоксальности уступает, быть может, только области Аче на Северной Суматре. Ислам здесь оказывает огромное влияние на всю повседневную жизнь населения. Но даже и в банджарском обществе мусульманская религия не смогла полностью вытеснить древние доисламские обычаи и обряды. Так, у прибрежных жителей, занимающихся рыболовством, сохранился старинный обычай приносить жертвы морю, не имеющий никакого отношения к исламу. Некоторые черты древних домусульманских обрядов можно уловить и в свадебных церемониях.

С большим неодобрением наш попутчик стал рассказывать об активности христианских церковников, проникших на Калимантан еще в колониальные времена. В его словах угадывалось нескрываемое раздражение —

в христианах он видел своих соперников по борьбе за людские души. В каждом более или менее крупном городе провинции есть католическая и протестантская церкви. Миссионеры сумели проникнуть в самые глухие уголки джунглей Центрального Калимантана и обратить в лоно католичества или протестантства немало даяков. Попытки распространения ислама среди даякских племен оказались не столь успешными. Пока что исламизирована сравнительно малая часть даяков. Даяков-христиан значительно больше.

— Чем вы объясните малый успех распространителей ислама? — спросил я.

— Часто это объясняют просто — даяки, дескать, не могут примириться с мусульманским запретом на употребление свинины, — ответил наш попутчик. — Ведь дикий кабан — основная пища лесных даяков. Но я полагаю, что это верно лишь отчасти. Причины более глубоки и многообразны. Христианские миссионеры начали свою деятельность на Калимантане еще в прошлом веке, пользуясь полной поддержкой колониальных властей, располагая средствами и опытом. За многие десятилетия они пустили здесь глубокие корни, изучили психологию, обычаи даяков. У нас нет такого опыта, порой не хватает гибкости. Иногда мы встречаем настороженное, недоброжелательное отношение со стороны даяков. Голландские колонизаторы всячески старались настроить их против других народов Индонезии, чтобы вызвать национальную и религиозную рознь. Нельзя сказать, чтобы эти усилия не принесли никаких плодов.

Дорога, которой мы ехали, была исключительно скверной. Газик подпрыгивал на выбоинах. Мы уже жалели, что не поехали прежним путем. Надвинулись сумерки, а потом и кромешная тьма. Мелкий дождик вновь перешел в ливень. Свет автомобильных фар не мог прорезать толщу тьмы и водяной завесы, и лишь на несколько метров вперед можно было различить узкую полосу раскисшей дороги. Приходилось вести машину медленно и осторожно. Консульский секретарь время от времени подменял уставшего шофера и садился за руль газика. И все же на каком-то крутом повороте машину резко занесло. Шоферу не удалось вовремя затормозить. Мы сделали стремительный разворот почти на триста шестьдесят градусов и полетели с обочины доро-

ги куда-то вниз, под откос. К счастью, машина не перевернулась. Куда нас забросило — на поле или в болото — сразу не разберешь. Кругом густая чернота. Я расшиб локоть до крови, мои спутники не пострадали.

Вылезаем, невзирая на дождь, из кабины и исследуем наше положение. Под нами мягкий сырой грунт, а не топкое болото. Хорошо, что не сели в трясину, не врезались в пальму, не свалились в речку на радость крокодилам. Шофер, лучше нас ориентирующийся в темноте, уверяет, что до речного обрыва оставалось метров двадцать. На наше счастье нас сбросило с невысокой дорожной насыпи через неглубокий кювет на ровную площадку. Мы сумели без посторонней помощи развернуться и вползти обратно на дорогу.

Ливень прекратился, когда мы выехали на довольно сносную дорогу. Деревни стали попадаться чаще. Хижины освещались керосиновыми лампами и масляными светильниками — электричества здесь нет. Жители толпами шли в мечеть на богослужение. В одной из деревень навстречу нам двигались странные бесформенные фигуры. Когда мы приблизились к ним, я понял, что это женщины в парандже. Их лица прикрывали плотные волосяные сетки. До сих пор я считал, что индонезийские мусульманки никогда не знали паранджи. Очевидно, здесь перед нами было какое-то исключение из общих правил. Я попросил на этот счет разъяснения у нашего спутника-мусульманина. Он ответил, что это действительно исключение из правил, которое он сам не может объяснить. Можно лишь предположить, что эти две женщины особо ревностные мусульманки или они арабки. Кстати, среди мусульманских священнослужителей немало лиц арабского происхождения. Возможно, мы видели женщин из семьи местного имама. Подавляющее большинство индонезийских мусульманок не знают, что такое паранджа. Ислам на индонезийской почве не стал точной копией того ислама, какой господствует на Ближнем Востоке. Многие мусульманские обычаи, противоречащие местным традициям, не прижились. Представьте себе индонезийку в парандже, работающую в поле в условиях жаркого тропического климата. Возможно ли придумать что-нибудь более нелепое?

Минуем еще одну деревню. В мечети идет богослужение. Через открытые окна видно, что помещение, слабо

освещенное керосиновой лампой, разделено белой полотняной занавеской на две половины, мужскую и женскую. Таким образом, молящиеся мужчины и женщины во время богослужения не могут видеть друг друга.

Вернулись мы в Банджармасин около полуночи, промокшие и разбитые. В консульстве уже не на шутку беспокоились за нас.

ЦЕНТР БАНДЖАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В один из последних дней моего пребывания на Калимантане я встретился с господином Маликом, ректором банджармасинского государственного университета, носящего имя Ламбунга Мангкурата, известного мусульманского деятеля, распространителя ислама на острове. Ректор пригласил меня вечером в гости. У него я застал также декана экономического факультета Басри и преподавателя факультета права Читродикусумо, занимающегося адатом местных племен.

Ректор и его коллеги рассказали, что в университете занимается около трех тысяч студентов. Всех факультетов семь: правовой, экономический, социально-политический, сельскохозяйственный, лесоводства, рыболовства и технологический (со строительным уклоном). Такая структура учитывает особенности экономического развития края.

Университет переживает сложный, если не сказать мучительный, период становления. «Рассказ о нашем учебном заведении будет прежде всего рассказом о наших трудностях, нерешенных проблемах», — говорит господин Малик. Не хватает квалифицированных преподавательских кадров, в университете нет ни одного профессора. Отсутствует своя издательская база: ректор не смог назвать ни одного издания научных трудов преподавателей. Нет и регулярных научных контактов с зарубежными университетами и научными учреждениями. Мало учебного оборудования, приборов, крайне бедна университетская библиотека. Далее я узнал, что некоторое время тому назад послы США и ФРГ подарили университету комплекты книг научного, популярного и, разумеется, пропагандистского характера. Рассылка целых библиотек по учебным заведениям, культурным и об

Военный танец даяков

щественным организациям, государственным учреждениям — одна из форм активной пропаганды.

Не будем подходить к университету, возглавляемому Маликом, с нашими привычными мерками. При всех трудностях становления высшее образование в Индонезии за годы независимости достигло довольно значительного развития. Ведь в колониальные времена за пределами Явы не было ни одного высшего учебного заведения. Общее число студентов в стране накануне второй мировой войны не превышало и полутора тысяч. А в настоящее время в университетах и институтах Республики Индонезии обучаются многие десятки тысяч студентов. В колониальный период на всей огромной территории голландской части Калимантана имелось лишь несколько средних школ в крупных городах. А сейчас в одном только Банджармасине находится ряд высших учебных заведений.

Кроме университета имени Ламбунга Мангкурата здесь есть педагогический институт с четырьмя факультетами, институт ислама и высшая спортивная школа. Все они считаются государственными высшими учебными заведениями. Кроме того, в Банджармасине расположе-

ны небольшие местные отделения двух частных мусульманских университетов. Наконец, в 1968 г. командование южнокалимантанского военного округа открыло здесь армейский университет имени генерала Ахмада Яни, также имеющий статус частного. Речь идет не об учебном заведении типа военной академии или училища, готовящего офицерские кадры. Армейский университет выпускает обычных гражданских специалистов разных профилей: врачей, юристов, экономистов и т. п., как и любой другой государственный или частный университет. Но специфика состоит в том, что его хозяева — военные. Это одна из характерных черт «нового порядка», при котором армейская верхушка играет роль руководящей политической силы. К перечисленным университетам и институтам следует еще добавить академию административных кадров и еще какие-то небольшие частные учебные заведения, претендующие на роль высших. Мои собеседники даже не могли точно вспомнить их названия. Общее число студентов в городе, по утверждению ректора Малика, достигает восьми тысяч.

Одной из главных целей моей поездки на Калимантан было ознакомление с особенностями местной культуры. Банджары подверглись сильному культурному влиянию как малайцев, так и народов Явы. Это влияние проявляется в одежде, типах жилища, обычаях. У банджаров высокого развития достигли некоторые виды ремесел: ювелирное, чеканка по металлу, художественное плетение из тростника и ротанга, резьба по дереву, которая украшает архитектурные детали наиболее зажиточных домов. Очень популярны театрализованные представления, которые проникли сюда с Явы. Здесь распространен как ваянг-кулит, театр плоскостных тростевых кукол, который неточно называют театром теней, так и ваянг-оранг, театр живого актера, черпающий свои сюжеты из древних легенд и эпосов. Один из гостей ректора, Читродикусумо, большой знаток местной культуры, пояснил, что ваянг-оранг у банджаров имеет свои отличительные особенности. Если у яванцев все представления идут на малопонятном зрителю древнеяванском языке (лишь в последнее время некоторые труппы постепенно переходят на современный), то у банджаров актеры говорят современным банджарским языком со значительной примесью древнеяванских слов

и выражений. В основе сюжетов здесь лежат свои варианты распространенных в Индонезии древнеиндийских и древнеяванских эпических произведений (например, «Рамаяны»).

В Банджармасине я познакомился с художником Аджимом Арияди, руководителем местной культурной ассоциации. Художник объяснил мне, что его организация не связана ни с какой политической партией или группировкой, а строится по чисто региональному признаку. Она ставит перед собой задачу развивать культурные традиции банджаров и других народов, населяющих провинцию. Среди ее членов не только банджары, но и малайцы, яванцы, даяки. В Банджармасине работает группа художников, в подавляющем большинстве самоучек. Их профессиональная подготовка обычно ограничивается уроками рисования в школе и знакомством с работами общепризнанных мастеров по репродукциям. Иногда местные художники устраивают свои выставки-распродажи. К сожалению, пока еще никому из них не удалось принять участие в общеиндонезийских выставках за пределами Калимантана или организовать в Джакарте персональную выставку. Это связано с огромными, непосильными расходами.

Аджим Арияди, желая познакомить меня с местным искусством, предложил отправиться на радиостудию Банджармасина. В зале студии полным ходом шла репетиция программы, которую собирались показать президенту. И хотя репетиция не предназначалась для публики, сюда каким-то образом проникла масса любопытных, взрослых и ребяташек, заполнивших почти весь зал. Детвора даже забралась на сцену, потеснив оркестр. Руководил оркестром темпераментный толстяк Амбраншах. Мой сопровождающий рекомендовал мне его как известного здесь музыканта и композитора, занимающегося также сбором и обработкой народных песен и мелодий Калимантана, банджарских и даякских.

— Я собираю фольклор народов Калимантана и обрабатываю его в современной эстрадной манере, — сказал Амбраншах. — Некоторые из моих обработок, исполняемые ансамблем, есть в грамзаписи.

И в подтверждение своих слов руководитель ансамбля подарил мне пластинку с записью нескольких музыкальных и вокальных номеров.

Ансамбль, руководимый Амбраншахом, невелик. Главные инструменты в нем — электрогитары и барабаны. Под их аккомпанемент исполняются песни и танцы даяков и банджаров. Мне запомнился выразительный банджарский танец с шарфами. Потом четыре девушки-даячки, крепкие и коренастые, с монголоидными чертами, исполнили свой танец, состоявший из повторяющихся медленных, плавных движений. Затем был показан массовый танец деревенской молодежи. Вышло сорок пар девушек и парней. Их ритмичные движения имитировали обмолот риса и сопровождались дружными возгласами «ауй!», «ауй!». Это традиционный возглас крестьян во время сельскохозяйственных работ, нечто вроде нашего «Эй, ухнем!» или «Раз, два взяли!».

У даяков наиболее популярен военный мужской танец, изображающий поединок врагов. Его исполняют пара или несколько пар танцовщиков, вооруженных щитами и парангами. Этот яркий экспрессивный танец обычно включают во все программы, знакомящие с искусством народов Индонезии.

Традиционное музыкальное искусство развито как у банджаров, так и у даяков. Банджары знают гамелан яванского типа, т. е. оркестр национальных инструментов, преимущественно ударных, напоминающих ксилофоны и металлофоны. Под аккомпанемент гамелана исполняются танцы, идут традиционные представления ваянг-кулит и ваянг-оранг. Если в селении нет своего оркестра, танцуют под звуки барабана и ангклунга. Ангклунг, распространенный и на Яве,— простейший музыкальный инструмент, состоящий из двух-трех полых бамбуковых трубок разной длины, прикрепленных на раме. Музыкант, потряхивая им, заставляет бамбуковые трубки ударяться о перекладины рамы и издавать звуки, напоминающие перезвон колокольчиков. Ансамбль, располагающий ангклунгами разной величины и разного сочетания трубок, может исполнять сложные мелодии. У даяков распространены флейты, барабаны и различные струнные инструменты. Особенной популярностью пользуются струнные инструменты с продолговатым овальным корпусом, который обычно делается из монолитного куска дерева и расписывается, подобно поверхности боевого щита, красивым орнаментом. С ними выступают целые ансамбли. Я видел трехструнные образ-

цы, но маэстро Амбраншах говорил мне, что у даяков бывает и иное количество струн.

Вечером Аджим Арияди повел меня на последнюю генеральную репетицию концерта, предназначавшегося для высоких гостей. В городском конференц-зале собрался весь цвет общества. Преобладали мундиры офицеров и гражданских чиновников. Повторялись те же номера, которые я видел днем на радиостудии, были и другие. Одна певица сменяла другую, выходили все новые и новые танцевальные группы. Пела в микрофон девочка лет восьми, очень одаренная.

Я был свидетелем встречи президента. Индонезийцы любят и умеют устраивать грандиозные массовые зрелища, а также встречи высоких гостей. С раннего утра по шоссе двигались из города к аэропорту вереницы автомашин. Дорога была украшена красно-белыми флагами Республики Индонезии и приветственными транспарантами. На обочине собирались толпы любопытных, стояли колонны школьников с маленькими флажками, прохаживались военные патрули. Весь аэропорт заполнили военные: генералы, полковники, чины полиции при всех своих регалиях. Никогда не думал, что в Банджармасине так много военных высоких рангов. Встречающие выстроились на асфальте взлетной дорожки в строгом соответствии со служебной иерархией. Какой-то протоколист со списком в руках дотошно проверял, не нарушил ли кто эту иерархию. Я присоединился к группе журналистов, стоявших в стороне от основной шеренги. Ждать пришлось долго. Или самолет запаздывал, или время для сбора назначили с гарантией, задолго до прибытия. Мы стояли под палящим тропическим солнцем на раскаленном асфальте, жар которого ощущался даже через подошвы ботинок.

Наконец, показался самолет. Президент Сухарто прибыл лишь с небольшой группой сопровождающих лиц, в числе которых я увидел министра информации. Другие министры прибыли раньше. Высокий гость обошел строй встречающих и почетный караул из представителей родов войск, а затем в окружении свиты направился к автомашине.

Днем на центральной площади города, где расположены основные городские и провинциальные учреждения, состоялся митинг. Несколько десятков тысяч людей

с транспарантами и лозунгами заполнили площадь. На транспарантах были названия и эмблемы различных общественных организаций. Преобладали зеленые эмблемы мусульман с полумесяцем. Цепь солдат с автоматами сдерживала толпу, вооруженная охрана окружала и трибуну для гостей. Начал накрапывать дождик, и толпа зашевелилась, заколыхалась. Задние ряды стали растворяться и исчезать с площади. Передние прорвали цепочку солдат и устремились к крытой трибуне, тесня друг друга.

Президент ограничился краткой речью, которую посвятил преимущественно задачам экономического развития страны. Говорил он спокойно, сдержанно, не прибегая к эмоциональным ораторским приемам. Вообще генерал Сухарто произвел впечатление человека уравновешенного, даже суховатого, не похожего на своего предшественника Сукарно, оратора необузданного темперамента и пылкого красноречия. Потом на площадке между трибуной и цепью солдат выступили исполнители массовых банджарских танцев. Показан был и виденный мною танец, имитирующий обмолот риса. Из-за усилившегося дождя программу пришлось сократить.

Информационная служба провинции отпечатала и распространила по случаю приезда президента листовку с его портретом и основными биографическими сведениями. Сухарто родился в крестьянской семье на Яве, в районе Джокьякарты. Кадровый военный, он принимал активное участие в вооруженной борьбе с английскими и голландскими интервентами в 1946—1949 гг., последовательно командуя ротой, батальоном, бригадой, а в 1950 г. участвовал в подавлении сепаратистского мятежа Анди Азиса на юге Сулавеси. Впоследствии Сухарто занимал высокие командные и штабные должности. В начале 1960 г. он получил первый генеральский чин (бригадного генерала), будучи в то время заместителем начальника штаба сухопутных сил. Через некоторое время Сухарто был назначен командиром корпуса стратегических сил, сыгравшего решающую роль в разгроме так называемого Движения 30 сентября 1965 г. Последующие события выдвинули Сухарто на ведущее место среди индонезийского генералитета. Еще до того как он официально сменил Сукарно на посту президента, Сухар-

то, опираясь на армию, фактически сосредоточил в своих руках исполнительную власть.

На следующий день я покидал Банджармасин, увозя с собой массу интересных впечатлений и очередные трофеи — два даякских сumpита и паранг.

СВИДЕТЕЛЬ «АКТА СВОБОДНОГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ»

Давно я стремился попасть на Западный Ириан. Можно по пальцам перечесть советских журналистов и дипломатов, кому довелось посетить этот остров, своеобразный этнографический заповедник, где еще можно наблюдать примитивные общественные отношения и цивилизацию каменного века.

Интерес к Западному Ириану, или Ириан Джая, возрос в связи с проведением в июле — августе 1969 г. правительством Республики Индонезии, под наблюдением специальных представителей ООН, опроса населения. Это важное политическое мероприятие получило официальное название «акта свободного волеизъявления». В связи с этим власти пригласили на Ириан большую группу иностранных и индонезийских журналистов. Членом группы оказался и автор этой книги. Оговорюсь сразу, посетить глубинные районы острова и встретиться там с людьми каменного века мне не пришлось, так как это не было предусмотрено нашей программой.

Первые контакты между населением прибрежных районов Западного Ириана и феодальными государствами Индонезии восходят еще к раннему средневековью. Характерные изображения папуасов, основного населения Ириана (Новой Гвинеи), можно встретить на каменных рельефах Боробудура, замечательного яванского храма-памятника, возведенного в конце VIII в. Жители прибрежной полосы полуострова Кепала Бурунг, островов Биак, Япен и некоторых других местностей испытывали значительное влияние индонезийцев и восприняли у них элементы более высокой культуры, в частности металлические орудия. С конца XVI в. ряд прибрежных районов Ириана входил в состав султаната Тидоре. Политический центр этого государственного образования находился на небольшом островке вблизи более крупно-

то острова Хальмахеры в группе Молуккских островов.

Европейские мореплаватели, португальцы, а потом и испанцы, впервые посетили Западный Ириан в начале XVI в. Нидерландская Ост-Индская компания, осуществляя политику колониальных захватов на индонезийском архипелаге, стала уделять внимание удаленному Ириану лишь с конца XVIII — начала XIX в. К 1824 г. голландские колонизаторы односторонним актом установили границу своих владений на Ириане, которая была проведена в меридиональном направлении примерно по 141° восточной долготы. Вся обширная территория к западу от пограничной линии рассматривалась голландцами как часть территории Нидерландской Индии. Формально же голландцы признали Западный Ириан частью владений своего вассала — султана Тидоре. Позднее произошел окончательный раздел острова. Англия прибрала к рукам юго-восточную его часть, а Германия — северо-восточную.

В последние годы XIX в. голландцы направили на Западный Ириан подразделения колониальной армии и создали здесь свои военные посты: Факфак, Маноквари, Мерауке. Активизировалась деятельность христианских миссионеров, помогавших колониальным властям закрепить свое господство над папуасскими племенами. В 1909 г. голландцы включили Западный Ириан под непосредственное управление колониальной администрации, заставив султана Тидоре подписать договор, лишавший его власти над этой территорией.

Экономическое освоение обширного края шло очень медленно, и о его природных богатствах голландцы имели самые приблизительные представления. В середине 30-х годов в районе полуострова Кепала Бурунг началась в небольших размерах промышленная добыча нефти — лишь через 14 лет после открытия нефтяного месторождения. Добычу вела смешанная англо-голландско-американская компания. В 20-е годы на Западном Ириане начали добывать также драгоценные металлы.

В годы второй мировой войны японские оккупационные власти формально установили свой контроль над значительной частью Западного Ириана. Фактически же их власть не распространялась дальше нескольких прибрежных пунктов. Национально-освободительная борьба ирианцев против японских оккупантов стала ча-

стью борьбы всего индонезийского народа за независимость. Августовская национально-освободительная революция 1945 г., положившая начало независимой буржуазной республике, нашла отклик среди населения Западного Ириана. Ирианцы включились в общеиндонезийскую борьбу теперь уже против голландских интервентов, стремившихся восстановить прежние колониальные порядки.

Когда в конце 1949 г. в Гааге состоялись голландско-индонезийские переговоры, завершившиеся подписанием так называемых соглашений Конференции круглого стола, и голландцы с определенными оговорками признали индонезийское государство, которое они сразу же опутали кабальными условиями экономического и военного характера, проблема Западного Ириана не была решена. Нидерланды намеревались сохранить эту территорию за собой в качестве колонии. Не решило западно-ирианскую проблему и объединение Индонезии в единую унитарную республику с последующим отказом от неравноправных соглашений Конференции круглого стола. Свою позицию правящие круги Нидерландов мотивировали тем, что исторически и этнически район Ириана никак не связан с индонезийскими островами, индонезийцы не имеют этнического родства с папуасами, и поэтому сами голландцы возьмут на себя миссию подготовки ирианцев к будущей независимости. В свою очередь индонезийские государственные деятели, включая президента Сукарно, ученые, публицисты всячески доказывали, что существовали многовековые исторические, экономические, культурно-этнические связи между Западным Ирианом и Явой и другими островами архипелага, дающие основание рассматривать все эти территории как единое целое.

Так начался многолетний спор о Западном Ириане между Республикой Индонезией и Нидерландами, пользовавшимися поддержкой других империалистических держав, в первую очередь США, Англии и Австралии. Настойчивые требования индонезийской стороны признать ее права на спорную территорию наталкивались на упорное сопротивление голландцев. Нидерланды получали от своих союзников не только дипломатическую поддержку, но и военную помощь для укрепления Западного Ириана как военного плацдарма.

Что же заставляло Нидерланды так упорно стремиться удержать в своих руках малонаселенную и слабо-развитую колонию в то время, когда шел стремительный и необратимый процесс распада мировой системы колониализма? Что заставляло другие державы поддерживать голландцев в споре из-за западноиринской территории?

Ответ на эти вопросы не может быть односложным. Прежде всего голландцев и их партнеров привлекали огромные богатства края, сулившие большие доходы. В послевоенные годы правительство Нидерландов приступило к более широкому изучению и использованию месторождений полезных ископаемых на Ириане. Был организован ряд геологических экспедиций, обнаруживших новые залежи нефти, медной руды, никеля, кобальта, хрома, радиоактивных металлов. Возобновилась прерванная в годы войны добыча нефти на крайнем западе острова. Были созданы две американо-голландские компании. Одна из них намеревалась приступить к добыче медной руды, другая — кобальта. Эксплуатация природных богатств края носила хищнический, бессистемный характер.

Западный Ириан привлекал Нидерланды и другие империалистические державы и как важный стратегический плацдарм, расположенный между Индонезией, Австралией и Филиппинами, на стыке двух океанов — Тихого и Индийского. Тесное сотрудничество голландских властей с Соединенными Штатами в укреплении ирианского военного плацдарма особенно активизировалось после создания военного блока СЕАТО («Организация догсвора Юго-Восточной Азии») в 1954 г. Хотя Нидерланды и не являлись членом этой организации, возглавляемой США, ее цели были близки голландским правящим и монополистическим кругам. Блок СЕАТО был призван играть роль орудия политики империалистов в Юго-Восточной Азии в целях сдерживания дальнейшего развития демократического и национально-освободительного движения в этом регионе. Западный Ириан неоднократно использовался как плацдарм для развертывания подрывных действий против Индонезийской республики. Это давало основание индонезийской печати того времени сравнивать Ириан с «пистолетом, направленным в грудь республики».

Советский Союз оказывал дружескую поддержку индонезийскому народу в его борьбе против происков империалистов, покушавшихся на целостность и суверенитет Республики Индонезии, за воссоединение с Западным Ирианом. Поддержка эта носила разносторонний характер, вплоть до серьезной экономической помощи, способствовавшей укреплению национальных вооруженных сил республики. Это дало возможность правительству Индонезии занять твердую и бескомпромиссную позицию в ирианском вопросе. В конце 50-х годов произошло резкое ухудшение индонезийско-голландских отношений на почве неоднократного провала переговоров по вопросу о Западном Ириане и решительного наступления правительства Республики Индонезии на позиции голландского монополистического капитала. Правящие круги Нидерландов ответили на это наступление поддержкой мятежников-сепаратистов, выступивших против центрального правительства республики. Дело дошло до разрыва дипломатических отношений между обеими странами в августе 1960 г.

Однако правящие круги и монополисты Нидерландов были вынуждены считаться с тем, что борьба Индонезии за Западный Ириан встречает широкую международную поддержку, а голландская колониальная политика оказывается крайне непопулярной даже в собственной стране. Голландские монополии стремились к нормализации отношений с Индонезией, чтобы найти новые пути и методы проникновения на архипелаг и участвовать в эксплуатации его природных богатств. Другие империалистические державы не хотели в данной обстановке обострения отношений с Индонезией из-за своего голландского партнера. Это заставило Нидерланды занять более уступчивую позицию и принять посредничество тогдашнего генерального секретаря Организации Объединенных Наций У Тана, призывавшего к мирному урегулированию конфликта. 15 августа 1962 г. в Нью-Йорке было подписано соглашение между Республикой Индонезией и Нидерландами, положившее конец голландскому колониальному господству в Западном Ириане. Его территория передавалась во временное управление Индонезии, принимавшей на себя обязательство до конца 1969 г. предоставить ирианцам возможность решить, останется ли Западный Ириан в составе респуб-

лики или изберет какой-либо другой статус. При этом не конкретизировалось, каким образом ирианцы смогут выразить свою волю — путем ли всеобщего референдума, охватывающего все население, или же путем опроса его представителей каким-либо иным способом.

После официальной церемонии передачи власти, проведенной в присутствии специальной комиссии ООН, на Западном Ириане было установлено индонезийское правление. Голландские колонизаторы оставили после себя безотрадную картину. На всю западноирианскую территорию приходилось всего пять средних школ второй ступени. Мог учиться лишь каждый пятнадцатый житель. Значительная часть школ принадлежала миссионерам, и их программа обычно сводилась к обучению элементарной грамоте, арифметике и начаткам христианской религии. Немногочисленный медицинский персонал был сосредоточен преимущественно в нескольких поселениях городского типа. Насчитывалось всего шесть кинотеатров, обслуживавших в основном белую часть населения. Выходила одна-единственная ежедневная газета тиражом полторы тысячи экземпляров: это означало, что на каждую тысячу жителей приходилось только два газетных номера. Оценивая общие итоги хозяйничанья голландцев на Западном Ириане, есть все основания отметить, что это была одна из самых отсталых колоний на земном шаре.

Индонезийское правительство неоднократно заявляло о своем намерении выполнить взятые на себя международные обязательства по Ириану, однако делало оговорки, что изберет такую форму опроса населения, которая отвечала бы местным условиям и практическим возможностям. Государственные деятели Индонезии отмечали, что всеобщий референдум в условиях полного бездорожья, массовой неграмотности, недостаточной налаженности административного аппарата во внутренних районах невозможен. Поэтому и была избрана форма опроса представителей населения, названного официально «актом свободного волеизъявления». От каждых 750 жителей выделялся один представитель. Все население Западного Ириана достигало к лету 1968 г. по весьма неточным оценочным данным 814 тысяч. Таким образом, общее число представителей, принимавших участие в опросе, не намного превышало тысячу. Вся западно-

ирианская территория была разделена на восемь округов, в которых последовательно и должен был проводиться «акт свободного волеизъявления». Такова предыстория события, свидетелем которого мне довелось быть.

Правительство Республики Индонезии к намеченному сроку проведения акта осуществило серьезную организационную и пропагандистскую подготовку, обеспечившую успех. В каждом округе создавался консультативный совет, который и должен был высказать свое мнение относительно статуса Западного Ириана. В состав этих органов включались вожди племен, старосты поселений, служащие административного аппарата, священнослужители, деятели политических партий и другие лица, на которых власти рассчитывали опереться.

Вместе с группой журналистов я побывал в трех пунктах Западного Ириана — в Биаке, Набири и Джаяпуре, административном центре края. О моих ирианских впечатлениях и пойдет речь ниже.

НА ОСТРОВЕ БИАК

Остров Биак, расположенный у северного берега Ириана, называют воротами западноирианской провинции. Большие самолеты могут приземляться лишь в аэропорту Биака. Аэродромы на территории собственно Западного Ириана невелики и могут принимать лишь небольшие самолеты. Чтобы попасть в другие районы этой огромной провинции, нужно делать в Биаке пересадку на самолет индонезийской авиакомпании «Мерпати», обслуживающей преимущественно местные линии. Всего на Западном Ириане в конце 60-х годов имелось 52 аэродрома. В основном это небольшие взлетные полосы без твердого покрытия. Примечательно, что из общего числа этих аэродромов только двадцать государственных. Остальные в подавляющем большинстве принадлежат христианским миссионерским организациям, развивающим на Ириане широкую деятельность.

Среди пассажиров нашего самолета много военных и полицейских. Вижу и ирианцев. Они, в отличие от других народов Индонезии, более рослые, темнокожие и курчавые, с крупными чертами лица. Все коренные жители провинции, с которыми мне приходилось сталкива-

ться, обычно называли себя папуасами. Несведущий в этнографии индонезиец скажет — на Ириане живут папуасы. Между тем отождествление ирианца с папуасом по меньшей мере неточно. Этнографическая и лингвистическая карта западноирианской провинции, особенно ее внутренних районов, изучена весьма слабо. Здесь можно выделить несколько антропологических и языковых групп, не схожих друг с другом. Племена, говорящие на папуасских языках, населяют преимущественно южные и внутренние районы Западного Ириана. Общее число этих языков, по весьма приблизительному подсчету, достигает пятидесяти. В восточной части северного побережья от устья реки Мамберамо до центра провинции, города Джаяпура, жители говорят на нескольких меланезийских языках. На побережье залива Гелвинк, в некоторых районах полуострова Кепала Бурунг, на восточном берегу залива Мак-Клур, а также на островах у северного и западного побережья Ириана обитают народы индонезийской языковой ветви. Их языки родственны языкам южнохальмахерской группы народов. В городах провинции в последние годы растет прослойка выходцев с Явы, Суматры и других островов Индонезии. Этих выходцев много среди местного чиновничества, военных, интеллигенции. Есть в городах и небольшое число китайцев, занимающихся торговлей и ремеслами. Таким образом, этнический состав населения Западного Ириана достаточно пестр. Представители местных племен и народов, относящихся к индонезийской языковой группе, по своим антропологическим признакам сильно отличаются от основной массы индонезийцев и больше напоминают папуасов. Многие из них представляют отчетливо выраженный негроидный тип.

Летим из Джакарты до Биака без пересадки. К концу полета попадаем в дождевое облако. Самолет вздрагивает, проваливается куда-то вниз, трясется, словно грузовик на ухабистой дороге. Пилоту удается пробиться сквозь толщу облаков вверх. Теперь становится трудно дышать, явно не хватает кислорода. Такое впечатление, что старый, изношенный самолет плохо герметизирован, и поэтому воздух в салоне становится разреженным — летим на большой высоте. Кажется, отказала вентиляция. В самолете нестерпимо душно. Состояние у пассажиров полуобморочное. Наконец, самолет призем-

Самолет внутренних линий провинции Ириан Джая

ляется в аэропорту Биака, и мы выходим из этой душегубки. Ощущается приятная прохлада. На улице хлещет дождь. У трапа нас встречают темнокожие ирианцы с зонтиками и провожают до автомашины.

В аэропорту приходится пройти некоторые формальности, чтобы получить пропуск на территорию провинции. Западный Ириан формально еще не считался в то время частью Индонезии. Юридически это была территория, переданная во временное управление, пока сами ирианцы не выскажут свою волю относительно ее дальнейшего статуса. Здесь еще ходила своя валюта — западноирианская рупия. Местные денежные знаки отличались от индонезийских с портретом бывшего президента Сукарно лишь красной надпечаткой. Находились в обращении и свои ирианские почтовые марки, довольно красочные, вскоре ставшие предметом вожделения филателистов.

Через дорогу, напротив аэровокзала, находился отель «Ириан», где мы и разместились. Одну из комнат отеля занимал пресс-центр, обслуживающий приезжих журналистов. Здесь я увидел небольшую выставку об-

разцов традиционного искусства ирианцев, в том числе деревянной скульптуры. Среди этих предметов особенное впечатление производила композиция из трех человеческих фигурок. Человечки стояли на четвереньках на спине друг у друга, образуя пирамиду. Примитивизм скульптуры воспринимался как лаконичное обобщение, не перегруженное деталями. Подобный мотив, распространенный у различных народов Индонезии, символизирует идею преемственности поколений. Увидел я и орудия труда, и весло, украшенные незатейливым, но выразительным орнаментом.

Окна нашего отеля выходили на море, точнее на пролив, отделяющий Биак от соседнего продолговатого и гористого острова Япен. Последний вместе с ближайшим районом северного побережья Ириана составляет отдельную административную область-кабупатен. Биак с небольшими соседними островками также составляет отдельную область. Этот островной район, а также западную оконечность Ириана, полуостров Кепала Бурунг, можно отнести к наиболее освоенным в провинции. Местное население более или менее восприняло быт и обычаи индонезийцев, мало отличается от них по типу жилища, одежды. Здесь значительнее прослойка выходцев из других районов Индонезии, принесших с собой более высокую культуру земледелия. В прибрежных районах жители занимаются рыболовством, выращивают кокосовую пальму. На острове Япен культивируется шоколадное дерево. На полуострове Кепала Бурунг еще с 30-х годов ведется в небольших количествах добыча нефти.

Наиболее отсталые и малоосвоенные районы Западного Ириана — это горные местности центральной части острова и болотистые джунгли юга. Здесь полностью сохранились первобытные социальные отношения в виде общинно-родовой организации, анимистические верования. Еще сравнительно недавно кое-где нередким явлением был каннибализм. И сейчас некоторых племен почти не коснулась цивилизация, они живут в условиях каменного века, не зная металла. Основу хозяйства у папуасов составляет подсечное земледелие. Выращивают клубнеплоды (таро, ямс, батат) и бананы. В болотистых местностях культивируют саговую пальму, а также используют для заготовки саговой массы дикорастущие

деревья. Для этой цели пальму валят, вырубаят съедобную сердцевину ствола и промывают в корытцах. Из домашних животных папуасы разводят преимущественно свиней и собак.

Основным орудием труда у некоторых племен здесь служит каменный топорик из так называемого вулканического стекла, соединенный с деревянной рукояткой. По мере надобности он становится колотушкой для добыwania саго, мотыгой для вспашки земли или инструментом для обработки древесины. Вся одежда папуаса глухих горных и лесных районов ограничивается набедренной повязкой либо передником или юбкой, сплетенными из растительных волокон. У мужчин некоторых племен набедренную повязку заменяет футляр — полая трубка из дерева или тыквы.

Мне посчастливилось приобрести каменный топорик в качестве памятного сувенира, напоминающего о поездке на Западный Ириан. Подарила мне его хозяйка-амбонезка, в гостинице которой я останавливался в Джаяпуре. Она уверяла, что топорик привезен из района Вамена и пользовались им папуасы, не знающие железа.

Тропические ливни не бывают продолжительными. Дождь прекратился, тучи рассеялись, и я вышел на веранду. Море здесь красиво — лазоревое с белыми прожилками. Это просвечивают коралловые отмели. У берега, на обнажившихся во время отлива коралловых рифах, черные ребятишки ловят рачков и моллюсков. На горизонте темнеют лесистые холмы острова Япен. За ним уже собственно Ириан, огромный и малонаселенный остров. В то время средняя плотность его населения составляла лишь около двух человек на 1 кв. км.

После обеда мы с индийским корреспондентом Бхаттом идем на прогулку. Здешний город носит то же название, что и остров. Его центр находится примерно километрах в двух от аэропорта. Дома здесь возводятся из крупных светлых камней, напоминающих шлакоблоки или ракушечник, какой употребляется в строительстве в наших южных районах. Потом мне объяснили, что это старая, окаменевшая коралловая масса. Остров Биак, во всяком случае его прибрежные районы, кораллового происхождения. Почвенный слой здесь неглубок. Дороги производят хорошее впечатление благодаря их твердому покрытию, которое я сначала принял за утрамбованный

гравий. Но это лишь естественные коралловые отложения.

На окраине городка десятка два строительных рабочих возводили из кораллового камня жилой дом. Они поздоровались с нами. За время своей поездки я убедился, что ирианцы очень вежливы, приветливы. Встречные прохожие непременно раскланивались и говорили мне несколько приветственных слов.

Рабочие охотно вступили с нами в беседу. Далеко не все они понимали индонезийскую речь. Между собой они говорили на биакском наречии. Пришлось разговаривать через бригадира, рослого парня в красной рубашке. Если вопросы задавал Бхатт, я переводил его английскую речь на индонезийский. Бригадир переводил мои слова на местный язык, чтобы нас поняли остальные. Прежде всего мы попытались выяснить, как эти рабочие относятся к «акту свободного волеизъявления». Парень в красной рубашке ответил за всех. Жители Ириана уже привыкли считать себя частью индонезийского народа с тех пор, как ушли голландцы и была установлена индонезийская администрация. Нынешний опрос вряд ли что-нибудь изменит. Это простая формальность. Когда же я спросил, к какой народности принадлежат наши собеседники, этот простой, казалось бы, вопрос озадачил их больше, чем предыдущий.

— Мы папуа,— не очень уверенно ответил бригадир.

— Папуа, папуа,— подтвердили другие.

По укоренившейся еще в голландские времена традиции папуасами называли всех ирианцев, хотя жители Биака принадлежат совсем к другой этнической и языковой группе. Да и сами биакцы по привычке продолжали называть себя папуасами.

— В Западном Ириане живут папуа,— продолжал бригадир.— Разные папуа. Все они говорят на своих языках. Мы не поймем тех, кто живет на большом острове. Они не поймут нас. А теперь мы еще и индонезийцы.

Продолжаем прогулку. Наше внимание привлекает чистенький домик с небольшим шпилем, увенчанным крестом. В раскрытом окне показывается фигура монахини в белой сутане и чепце. Здесь находится католическая миссия Биака — обитель сестер с домашней капеллой, приходская церковь, построенная в духе модернистских архитектурных веяний, особняк священника, мис-

сионерская школа. Подобные миссии, католические и протестантские, разбросаны по всему Западному Ириану. Католики успешнее действовали на юге острова, протестанты — на севере. Биак — один из немногих оплотов католичества в северной части провинции. Кроме католической в Биаке еще находится и протестантская миссия.

Мы с моим индийским коллегой решили посетить обитель католиков, где и познакомились с молодым настоятелем и четырьмя монашками, какими-то безликими, бесплотными существами. От них мы узнали, что обычная католическая миссия состоит из главы-священника и нескольких монахов или монахинь, занимающихся врачеванием и учительствующим в миссионерской школе. Миссия в Биаке располагает не только начальной школой, какие обычно имеются и при других миссиях, но еще и небольшой учительской школой. Последняя готовит учителей и для других миссионерских школ провинции. Поскольку подобные школы призваны помогать распространению католицизма, большое место в их программе отводится изучению Библии. Монахини преподают домоводство, основы кройки и шитья.

Священник, молодой стройный голландец, принимает нас не в монашеской сутане, а в шортах. На вид ему лет двадцать восемь, не больше. Выглядит он скорее как строительный техник или спортивный тренер, но не монах. В холле-гостиной, куда нас приглашают, мебель модерна, холодильник, сервант с хрустальными рюмками, радиопередатчик, предназначенный, вероятно, для связи с епархией. К дому примыкает просторный гараж. На полках книжного шкафа стоят шеренгой комиксы и бестселлеры, которые хозяин держал явно не для душевного чтения.

Перед лицом представителей прессы священник почувствовал себя явно неуютно. Когда мы задали ему вопрос об обстановке на Западном Ириане, он дал уклончивый ответ, медленно подбирая слова, может быть умышленно преувеличивая свое плохое знание английского языка. Все же основную мысль ему удалось выразить. Он всего лишь священнослужитель, слуга церкви. Не его дело заниматься политикой и давать политические оценки. Пусть уважаемые господа журналисты поймут его правильно. Он не хотел бы в этой беседе выхо-

дить за рамки чисто церковной деятельности. В противном случае местные власти могут неверно истолковать его поведение. Что же касается его миссионерских обязанностей, он готов ответить на любые вопросы гостей.

И он начал увлеченно рассказывать на своем несовершенном английском языке. В его словах звучали откровенные нотки самодовольства. Разве самоотверженные служители святого престола не несут темным, невежественным дикарям свет знаний и исцеление от болезней? Разве не проявляют они мужество, проникая в самые глухие уголки болотистых джунглей, рискуя заболеть злокачественной лихорадкой, погибнуть от укуса змеи или быть растерзанными крокодилом? Разве миссионеры не совершили подвиг, изучив многие из языков Ириана и издав на некоторых из них Библию?

Что можно было возразить на эти слова? Да, святой престол требует ревностной службы, личного усердия и мужества. Во имя бога и церкви, если это нужно, миссионер пойдет в джунгли и малярийные болота. Ради успеха своего дела можно и даже нужно изучать папуасские языки, восполнять белые пятна в пестрой, неизведанной мозаике лингвистической карты Ириана и даже заниматься переводами Библии. Но все же священник сгустил краски. Миссионеры имеют теперь на своем вооружении не утлые пироги, а современную авиацию, не только молитвы, но и мощные радиопередатчики. Католическим и протестантским миссиям Западного Ириана принадлежат авиалинии, посадочные площадки и целые аэродромы.

И все-таки как ни уклонялся монах от политических оценок, в его словах звучало плохо скрытое сожаление о добрых старых временах, когда здесь хозяйничали голландцы. Ведь проходивший опрос представителей населения Западного Ириана окончательно лишал бывших колонизаторов всяких оснований для каких-либо формальных притязаний на эту территорию.

На следующий день пресс-центр организовал для собравшихся в Биаке журналистов экскурсию по острову. Наш отель и другие здания городка были украшены национальными красно-белыми флагами по случаю проведения «акта свободного волеизъявления». На площадке перед конторой кабупатена проходила торжественная церемония поднятия флага. Такие церемонии про-

ходят по всей Индонезии ежемесячно 17-го числа, в память провозглашения независимости страны 17 августа 1945 г. Перед флагштоком выстроился весь персонал конторы — человек полтора в униформе цвета хаки, напоминающей военную. Такую форму носят служащие министерства внутренних дел, ведающего деятельностью местных органов власти. Ирианцы составляли примерно третью часть всех чиновников, выстроившихся по случаю церемонии поднятия флага. Мне говорили, что в более глухих районах провинции процент ирианцев в административном аппарате выше. Бупати, глава здешней области, — не ирианец, а выходец с Северной Суматры. Как и везде в Индонезии, административный аппарат здесь весьма раздут. Кажется, что половину всех зданий небольшого городка занимают различные учреждения и конторы.

Наш выезд на экскурсию задерживается из-за того, что у моих коллег, западных журналистов, возникает необходимость обменять фунты и доллары на местные рупии. Лавочники, заинтересованные в приобретении устойчивой валюты и сбыте ирианских рупий, которые после завершения опроса должны выйти из обращения, производят обмен не по официальному банковскому курсу, а по более высокому рыночному. Поэтому мои коллеги, движимые свойственной людям Запада корыстью, устремляются не в банк, а в лавку к китайцу. На Западе эта операция называется «игрой на курсовой разнице», т. е. попросту спекуляцией валютой.

В окрестностях Биака сохранились следы минувшей мировой войны. На холмах, господствующих над аэродромом, был когда-то укрепленный военный лагерь японцев, стояла береговая дальнобойная артиллерия. Овладев в начале 1942 г. индонезийским архипелагом, японские вооруженные силы высадились и на Биаке. Учитывая стратегически важное расположение острова, японское военное командование превратило его в свой опорный пункт, базу для дальнейшего наступления против союзных сил на Новой Гвинее. Когда в конце 1944 — начале 1945 г. западные союзники начали контрнаступление, одной из первых отвоеванных ими индонезийских территорий стал Биак. Здесь голландцы начали воссоздавать свою колониальную администрацию. Японские вооруженные силы ожесточенно сопротивлялись, но бы-

ли в конце концов разбиты. Следы этих событий сохранились до сих пор.

Едем по хорошей дороге. Это полоса естественного кораллового грунта, с которого снят тонкий почвенный слой. Почва здесь малоплодородна, что не способствует развитию земледелия. Основное занятие жителей Биак — рыболовство, разведение мелкого скота и птицы, а также выращивание овощей и плодовых культур. Рис здесь, как правило, не культивируется. В холмистой части почвенный слой толще.

Наш путь превращается в разбитую и извилистую грунтовую дорогу. Начинаются джунгли. Щебечут на разные голоса птицы. Вот пролетел ярко-красный попугайчик, потом еще какая-то птица с длинным клювом. Животный мир Ириана и прилегающих к нему островов не очень разнообразен, если не считать пернатых. Здесь множество видов птиц, в том числе и уникальные виды, которые больше нигде на земле не встречаются. Такова, например, знаменитая райская птица — чендравасих, обитающая лишь в лесах и болотах Центрального Ириана.

В одном месте джунгли вырублены. На расчищенной площадке растут кокосовая пальма и папайя. А вот и следы минувшей войны: у дороги стоит серый каменный обелиск с иероглифической надписью. Здесь погребены японские солдаты. Сопровождающий нас полицейский-ирианец поясняет, что в джунглях есть еще такие камни. В боях за Биак погибло немало японцев. Вот свалка ржавых консервных банок и битых бутылок; развалины какого-то бетонного сооружения, не то дота, не то блиндажа; остатки барака из проржавевшего гофрированного железа.

Выходим из машины. Наш сопровождающий ведет нас по тропе куда-то в глубь джунглей. Здесь на гребне холма, с которого открывается вид на аэродром и море, стояла японская батарея. От нее сохранилась одна пушка, видимо, снятая с боевого корабля. Она стоит на вращающейся площадке, прикрытая стальным полукапониrom. Бруствер глубокого оружейного окопа укреплен железными бочками с балластом.

Там, где тропа поднимается на небольшой пригорок, полицейский-ирианец приглашает нас спуститься вниз в глубокий овраг, упирающийся в гребень холма. Овраг

переходит в зияющую дыру, которая пронзает весь холм, словно кто-то проткнул его гигантским острием. Ирианец пояснил, что это искусственная пещера, вырытая японцами с помощью динамита и служившая им в качестве убежища, когда западные союзники интенсивно бомбили Биак с моря и с воздуха перед высадкой. Здесь был и склад боеприпасов. Карабкаемся вниз по крутому склону. На каждом шагу попадают следы войны: осколки бутылок с японским клеймом, ржавые жестянки, человеческие кости. Полицейский пояснил, что после одного из обстрелов японцы наспех захоронили своих убитых здесь, на склоне холма. Постепенно тропические ливни размыли солдатские могилы. Вижу далее сплюсненную артиллерийскую гильзу, покрытую густым зеленым налетом медной окиси. Пахнет землей, сыростью и затхлостью склепа. Пролетела летучая мышь, одна, другая. Сверху с неровных земляных сводов сочится вода. Зловещее впечатление оставляет пещера. Стараемся поскорее выбраться наверх, выпачканные грязью.

Экскурсия напомнила мне о событии уже послевоенного времени — восстании против голландских колонизаторов 14 марта 1948 г. Высадившиеся на Западном Ириане союзные (австралийские) войска должны были разоружить японские оккупационные силы и временно занять их место, до прихода голландцев. Западные державы не хотели считаться со стремлением индонезийского народа к независимости и не собирались признавать независимую Республику Индонезию. Австралийцы и высадившиеся вслед за ними прежние хозяева страны — голландцы поспешили приступить к восстановлению колониальной администрации. Биак стал одной из первых индонезийских территорий, где вновь был поднят трехцветный флаг Королевства Нидерландов и появились чиновники-голландцы.

Однако индонезийский народ не хотел мириться с реставрацией прежнего колониального режима. Силы сопротивления Биака создали местную Партию независимой Индонезии, которая пыталась возглавить борьбу населения острова против колонизаторов. Вскоре голландские власти запретили эту партию, опасаясь ее влияния. Некоторые из ее лидеров были заключены в тюрьму, другие помещены в концлагерь Бовен Дигул на юге Западного Ириана. Несмотря на репрессии, Партия

независимой Индонезии продолжала свою деятельность. В 1946 г. на Ириане появилась новая организация национально-освободительных сил — Индонезийская партия независимости Западного Ириана.

На Биакке местные патриоты вели скрытую подготовку к восстанию против колонизаторов, рассчитывая тем самым сказать поддержку вооруженным силам Республики Индонезии, боровшимся против голландских интервентов. Выступление было намечено на полночь 14 марта 1948 г. Однако голландские власти через свою агентуру узнали об этих планах и приняли предупредительные меры. Руководители готовящегося восстания были вынуждены выступить значительно раньше намеченного срока, допустив при этом существенные просчеты. Голландцы встретили восстание во всеоружии и к ночи подавили его. Руководители были арестованы. Угрожая массовыми расстрелами, голландское командование вынудило остатки повстанцев сложить оружие. Однако борьба биакцев, как и жителей других районов страны, продолжалась до тех пор, пока последний голландский солдат не покинул пределы Индонезии.

После экскурсии отправляюсь в аэропорт, где встречают правительственную делегацию во главе с министром внутренних дел, генерал-лейтенантом Амиром Махмудом, в прошлом командующим столичным военным округом. Вместе с ним прибывают министр информации Будиарджо, многие видные государственные и военные деятели. Амир Махмуд — главный правительственный уполномоченный по проведению опроса представителей населения Западного Ириана. Прибыли и новые журналисты, индонезийские и иностранные, особенно много австралийцев.

Ожидаем отъезда в Набири, на побережье залива Сарера, где в ближайшие дни должна проходить очередная церемония «акта свободного волеизъявления». Но на следующий день с утра пошел проливной дождь, и наш вылет откладывается. Когда же, наконец, дождь прекратился и вся наша группа собралась в аэропорту, произошла новая заминка. Оказалось, что в Набири местные власти не могут обеспечить для всех ночлег. Набири, центр кабупатена, — даже не городишко, а всего лишь небольшое поселение. В нем вообще нет гостиницы или какого-либо сносного помещения, пригодного

го для ночлега такой массы гостей. Поэтому в качестве временной гостиницы приспособили корабль, бросивший якорь на рейде. Никакого порта или причала в Набири нет. Но тут перед местными властями встала новая проблема. В их распоряжении не оказалось достаточных транспортных средств, катеров или моторных лодок, которые могли бы обеспечить бесперебойную доставку всей массы гостей с корабля на берег и обратно. Поэтому отъезд журналистов отложили еще на день. Заранее вылетают лишь министры и некоторые из сопровождающих их лиц.

Тем временем прибывает группа министра иностранных дел Адама Малика, ставшего впоследствии вице-президентом Республики Индонезии. Его сопровождают послы Таиланда, Нидерландов и Австралии. Посол Таиланда приглашен в Западный Ириан как дуайен дипломатического корпуса. Посол Нидерландов присутствует здесь как представитель страны, подписавшей двустороннее соглашение по Западному Ириану 15 августа 1962 г. Австралийский посол представляет страну, проявляющую особый интерес к соседней с ней территории. Этих гостей встречали представители местной общности и среди них девушки из биакского учительского колледжа. Эти же девушки обслуживали всех нас за столом. Почти все они были ярко выраженного негроидного типа, темнокожие, курчавые.

Разговорившись с ученицами колледжа, я узнал, что на Западном Ириане есть несколько таких специальных средних учебных заведений. В биакском учительском колледже число учащихся достигает 150. Это будущие учителя начальных и неполных средних школ. Подавляющее их большинство — коренные ирианцы, представители различных племен и районов провинции. Обучение в колледже ведется на едином для всех индонезийском языке. Некоторые из девушек мечтают продолжить учебу в университете, другие — возвратиться в свой родной район и работать там деревенскими учительницами. Как правило, малыши приходят в школу, совсем не зная индонезийского языка. Поэтому учитель начальной школы должен непременно владеть местным языком, чтобы с первых же шагов установить контакт с детьми.

Адам Малик мой давнишний знакомый. Мы позна-

комились еще во второй половине 50-х годов, в пору его работы в качестве директора телеграфного агентства «Антара». Впоследствии он был назначен послом Республики Индонезии в Москву, где нам также доводилось не раз встречаться. Активный участник августовской революции 1945 г., Адам Малик написал интересную книгу «История провозглашения 17 августа», рассказывающую о событиях тех дней, когда рождалась независимая Республика Индонезия. Эта книга с дарственной надписью автора имеется в моей библиотеке.

Министр заметил меня в толпе журналистов в холле отеля «Ириан» и пригласил присесть к нему за столик. Его общество разделяли австралийский и голландский послы. После того как все встали из-за стола, Адам Малик сам подошел ко мне и уделил мне несколько минут. Вероятно, со стороны такого опытного политика это был демонстративный жест, имеющий свой смысл. На Ириане в дни проведения «акта свободного волеизъявления» я, корреспондент газеты «Правда», был единственным советским представителем. И Адам Малик счел нужным подчеркнуть, что придает значение присутствию представителя СССР наряду с присутствием вышеупомянутых послов. Ведь Советский Союз оказывал Республике Индонезии действенную поддержку, моральную и материальную, в борьбе за воссоединение Западного Ириана, тогда как западные державы всячески препятствовали этому воссоединению.

Во время нашей краткой беседы министр заговорил о происходивших на Западном Ириане событиях. Он расценивал их как поражение империалистов и колонизаторов, окончательный крах их притязаний на западноирианскую территорию. Адам Малик отметил, что представителей некоторых западных держав раздражает успешный ход опроса. Индонезии еще придется столкнуться здесь с некоторыми трудностями. Колонизаторы оставили на Западном Ириане свою опору, в частности в лице христианских миссий. Церковникам принадлежат здесь школы, аэродромы, органы печати. Западная пропаганда будет представлять дело таким образом, что Индонезия якобы не смогла обеспечить подлинно демократического волеизъявления ирианцев. Мы готовы дать отпор подобным недоброжелательным выпадам, сказал министр.

Знакомлюсь в пресс-центре с местной печатью. В провинциальном центре Джаяпура выходят две небольшие газеты — ежедневная «Чендравасих», орган гражданских властей, и еженедельная «Теропонг» («Телескоп»), выпускаемая командованием военного округа. Тираж каждой из них не превышает двух тысяч экземпляров. Обе печатаются на четырех полосах уменьшенного размера и поэтому могут давать лишь краткие выдержки из центральных газет и кое-какую местную информацию. Кроме этих двух газет выходят небольшие печатные издания католиков и протестантов. В некоторых кабудатенах церковники издают ротاپринтным способом информационные листки и бюллетени. Столь малые тиражи местных газет объясняются как отсутствием в провинции достаточной типографской базы, так и неграмотностью населения. Практически пресса распространяется здесь лишь в немногих крупных населенных пунктах, связанных с провинциальным центром авиалиниями. Центральные газеты приходят на Ириан нерегулярно, так как самолеты из Джакарты в Биак прибывают лишь два раза в неделю.

В НАБИРИ

Ранним утром вылетаем на транспортном самолете военно-воздушных сил в Набири. Под нами море. Оно постепенно меняет оттенки: у берега оно белое из-за просвечивающих коралловых отмелей, потом становится зеленовато-белым, голубым, синим, темно-синим и, наконец, черным. Это глубоководная океанская пучина. Сверху видно, как перекатываются белые гребни волн.

Держим курс на юг. Пересекаем гористый продолговатый остров Япен, минуем мелкие островки и коралловые рифы. Кое-где по берегам островков вытянулись цепочкой свайные хижины рыбаков. Коралловые отмели образуют большое полукольцо, которое со временем станет атоллom с внутренней лагуной. Как только часть рифа выступит из воды и превратится в крохотный островок, покрывшись тонким слоем грунта, появится зелень — травяной покров, кустарники, пальмы. Песчинка за песчинкой, приносимые ветром и волнами, осядут на голых кораллах. А там, где есть хоть немного земли и

дождевой влаги, появится растительность. Море выбро-сит на гслый берег кокосовый орех, который даст побе-ги, и другие лесные плоды, и обломок дерева, на кото-ром еще сохранилась живая цветочная пыльца.

Летим уже над Ирианом на юго-запад вдоль без-людного, поросшего лесом берега. Не видно ни одной рыбацкой деревушки, ни одной хижины. Густые мангров-ые заросли подступают к самому морю. Нет и привыч-ной песчаной кромки пляжа.

Набири, куда мы летим, находится на берегу зали-ва Сарера. Этот широкий залив вдается в глубь север-ного побережья Ириана. Огромный остров напоминает своими очертаниями неуклюжую птицу, вытянувшую длинную кривую шею с тупоносой головкой. Головка — это западная оконечность Ириана, полуостров Чендра-васих, или Кепала Бурунг. Последнее название — бук-вальный индонезийский перевод прежнего голландского названия Фогелькоп, что означает «птичья голова». Бере-говая линия залива Сарера придает кривизну тонкой шее. Там, где шея соединяется с туловищем воображае-мой птицы, и находится Набири, центр одного из кабу-патенов Западного Ириана. Это обширный лесистый край, в его южной и юго-восточной части лежат горные массивы.

Аэродром в Набири — лишь стиснутая джунглями просека, поросшая травой и упирающаяся в море. На рейде стоит одинокий корабль-гостиница. Аэровокзал украшен флагами и лозунгами. Впрочем, аэровокзал — слишком громкое название для легкой служебной по-стройки с навесом для пассажиров. Нас встречает толпа людей, преимущественно ирианцев, колонна под-ростков-скаутов в красно-белых галстуках с такими же красно-белыми флажками в руках. Впереди местные должностные лица в униформе министерства внутренних дел, а в стороне два солидных пожилых европейца в хороших костюмах. Они оказались христианскими мис-сионерами. Один из представителей местных властей приветствует нас и говорит, что мы можем пройти к ре-зиденции бупати, где будет проходить официальная це-ремония.

Набири состоит из нескольких маленьких поселков, разделенных джунглями. Один в районе аэропорта, дру-гой на берегу моря, третий, где находится контора бу-

пати, где-то в глубине джунглей. В каждом несколько десятков домиков, разбросанных без всякой системы.

Нас сопровождают две девушки-ирианки в скаутских галстуках. За нами устремляется часть толпы, другая остается ждать самолет Малика. Возле аэропорта маленький базарчик. Несколько пожилых ирианок продают бананы и початки кукурузы. Вижу хижину-церковь, кажется протестантскую. Вместо колокола на суку дерева подвешена половина газового баллона. Земля здесь плодородная благодаря обилию влаги, поэтому и условия для земледелия благоприятные. Встречаем возделанные участки кукурузы, каких-то бобовых с огромными продолговатыми стручками, папайи, маниока. Кукурузные стебли с длинными сочными початками здесь выше человеческого роста.

Сворачиваем на лесную дорогу-просеку и идем джунглями километра два. Густые заросли, перепутанные лианами, подступают к самой просеке. Через такую чащу можно пробираться, лишь прорубая себе путь топором. Жарко и душно, как будто ты попал в парную.

Минуем маленькое кладбище. Рядом с простыми вертикальными дощечками, какие обычно ставятся на могилах мусульман, кресты. Как видно, местные жители далеки от ревностного фанатизма как христианского, так и мусульманского. Христиане соседствуют здесь с мусульманами даже мертвые. Над некоторыми свежими погребениями поставлены небольшие навесы из камыша, а под ними чашечки с чем-то съестным. По-видимому, это пережиток местного анимистического погребального обряда, связанного с жертвоприношениями предкам и заботой о пропитании умерших родичей в загробном мире. Это свидетельство того, что христианизация или исламизация носит здесь поверхностный характер и уживается со многими анимистическими суевериями.

Проходим в контору кабупатена совершенно взмокшие. Даже привычные к тропической жаре индонезийцы совсем заморились. Возле хижин, украшенных красно-белыми национальными флагами и лозунгами, нас встречает новая толпа. Мы проходим между двумя колоннами школьников, приветливо машущих флажками. Учитель поднимает руку, и нестройный детский хор запекает популярную индонезийскую песню.

Контора кабупатена — легкий барак с земляным полом, крытый гофрированной жстью. Теперь он превращен в зал заседания. Сделано небольшое возвышение наподобие сцены для президиума. Сбоку места для группы Малика, для прессы. Стены помещения украшены государственным гербом Индонезии, портретами президента Сухарто и губернатора провинции Франса Каи-сиэпо, уроженца Биака.

Зал уже заполнен членами совета кабупатена, которые и должны сказать свое слово от имени населения. Всех их одели по этому торжественному случаю в форму правительственных чиновников. Вижу среди ирианцев нескольких женщин. Местных жителей никак не назовешь крупными и рослыми. Но почти все они отлично сложены и физически развиты. Однако подавляющее большинство выглядит как-то старообразно из-за резких и глубоких морщин на лице. Это не признак старости. В списке членов совета кабупатена, где указывался и возраст каждого, лишь четверо были шестидесяти лет и старше. Основной возраст — 30—40 лет. Средняя продолжительность жизни коренных жителей Ириана, по определенным социальным причинам, ниже, чем в других районах Индонезии. Хотя после передачи Западного Ириана под управление Индонезии правительство республики значительно расширило здесь число медицинских учреждений, обширные внутренние районы по-прежнему не охвачены системой здравоохранения. Часто врача заменяет знахарь-колдун или шаман. Среди ирианцев все еще широко распространены такие болезни, как малярия, туберкулез, желудочно-кишечные и кожные.

Еще бросается в глаза, что ирианцы чем-то удивительно похожи друг на друга. И это объясняется не только общим антропологическим типом, курчавой пышной шевелюрой, продолговатым изрезанным морщинами лицом и темным, почти как у африканцев, цветом кожи. Присмотревшись, я понял, чем еще определялось это сходство. У большинства ирианцев нос несколько оттянут вниз и крючкообразен. Это оттого, что мужчины продевают сквозь носовую перегородку тяжелое кольцо или другое украшение, которое со временем несколько оттягивает нос вниз. На церемонию ирианцы прибыли без своих традиционных украшений, хотя отверстия в

носовой перегородке были видны. Впрочем, у молодых, а также у представителей местной интеллигенции такого отверстия уже нет. Как я заметил, у жителей кабупатена негроидный тип выражен более отчетливо, чем у жителей Биака.

Прибывает группа министра внутренних дел Амира Махмуда, потом Адам Малик с тремя послами. В бараке становится тесно. За стол президиума садятся бупати Сароджо (он председательствует), Амир Махмуд, Франс Каисиено, другой ирианец — председатель провинциального парламента, а также командующий западноирианским военным округом и видный представитель министерства иностранных дел, выступающий здесь в роли официального представителя Индонезии при комиссии ООН по наблюдению за ходом опроса.

Справа от президиума за отдельным столом размещаются представители ООН во главе с боливийцем Ортисом Санцем. Это седоватый розовый старичок с бородкой-эспаньолкой и круглой, словно искусно выбритая тонзура, лысиной. Он напоминает старого испанского гранда из пьесы Лопе де Вега. Другие высокие гости рассаживаются позади президиума. Мне посчастливилось занять место рядом с некоторыми представителями прессы слева от президиума. Но для всех журналистов здесь места не хватило, и они разместились кто где: позади членов совета кабупатена, в проходах.

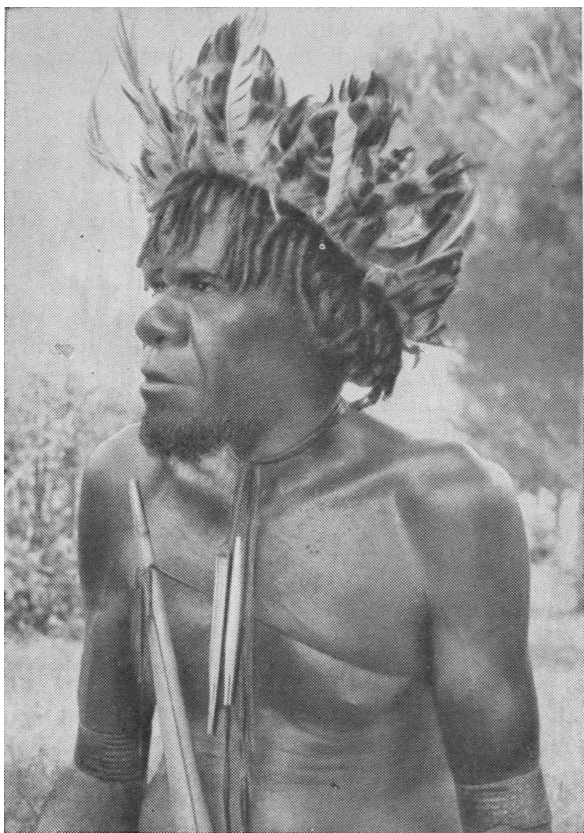
Пока все занимали свои места, я ознакомился со списком участников опроса. Всего в совете кабупатена 175 человек, из них 14 женщин. По вероисповеданию они распределяются следующим образом: протестантов — 134, католиков — 35, представителей мелких христианских сект — 3 и мусульман — 3. Эти цифры свидетельствуют о значительной, хотя и поверхностной, христианизации области. Ислам здесь мало распространен. К мусульманам принадлежит преимущественно прослойка чиновников, выходцев с Явы и других островов Индонезии, прибывших сюда после установления индонезийского правления. По своему общественному положению основную массу участников опроса составляют вожди племен, старосты поселений. Представлены также священнослужители, должностные лица административного аппарата, учителя и другие лица, находящиеся на государственной службе. Все они рассматриваются ин-

донезийским правительством как его основная опора. Женщины выступают в качестве представительниц от женских общественных организаций, среди них две-три учительницы. Лишь несколько человек названы в списке крестьянами.

Перед началом торжественного заседания вперед вышли представители трех основных религий, распространенных в кабупатене — протестант, католик и мусульманин, — для принесения торжественной присяги и чтения молитвы. Первые двое — типичные ирианцы, а мусульманин — индонезиец с Явы или Суматры. Не знаю, были ли они священнослужителями или просто церковными служками. Одежда на них была светская, не выдававшая духовного сана. Присяга и молитва произносились на индонезийском языке. Лишь мусульманин пересыпал свою речь арабскими изречениями из Корана.

Началась деловая часть церемонии. Председательствующий бупати Сароджо произнес вступительное слово о важности предстоящей акции. Затем высказался губернатор провинции Франс Каисиено. Он говорил о единстве Индонезии, подчеркивал, что Западный Ириан является ее неотъемлемой частью, упомянул, что правительство республики провело здесь конструктивную работу, открыло новые школы, больницы, основало университет «Чендравасих». Выступил и Ортис Санц, говоривший по-английски. Его короткую речь переводил на индонезийский язык молодой переводчик-американец. Представитель ООН приветствовал собрание и подчеркнул, что участники опроса должны говорить не только от себя лично, но и от имени населения кабупатена, которое они представляют.

Подавляющее большинство членов совета кабупатена не понимало индонезийского языка и говорило преимущественно на одном из двух наиболее распространенных здесь языков — титари или дхани. Языки эти значительно отличаются один от другого, и их носители не понимают друг друга. Поэтому для проведения церемонии опроса были привлечены два молодых ирианца, состоявшие при конторе кабупатена в роли переводчиков. Вооруженные мегафонами, они весьма бойко осуществляли синхронный перевод. Не берусь судить о качестве этого перевода, но эмоций и пыла переводчики вкладывали куда больше, чем сами ораторы. Они дополняли

Папуасский вождь

свой перевод яростной жестикуляцией, выкрикивали каждую фразу словно лозунг. Кажется, их выкрики особенно воздействовали на толпу, окружавшую здание. Публика отвечала аплодисментами и восторженными возгласами.

После приветственных слов официальных лиц начались выступления членов совета. Всего выступило 28 человек, в том числе пять женщин. Бросались в глаза их характерные христианские имена: Питер, Пауль, Жозеф, Элеонора и т. п. Выступления были короткими и весьма экспансивными. Выступавшие выкрикивали несколько

фраз-лозунгов: «Мердека!»¹, «Индонезия от Сабанга до Мерауке»², «Вместе со всем индонезийским народом под красно-белым знаменем» и пр. Почти все выступали на местных языках. Лишь двое-трое произносили свои речи по-индонезийски. Это были должностные лица кабупатена или учителя.

Вот одно из типичных выступлений: «Мы не хотим отделения от Индонезии, так как мы с 17 августа 1945 г. уже независимы и покончили с властью колонизаторов. Да здравствует красно-белое знамя! Да здравствует свобода!»

Подобные выступления вызывали бурную реакцию толпы, которая подхватывала и скандировала лозунги. Фердинанд Чичере, интеллигентного вида ирианец, вероятно учитель, осуждающе говорил о сепаратистах, поддерживаемых определенными кругами Запада, о «движении свободного Папуа», о тех, кто хочет отделения Западного Ириана от Республики Индонезии. В таком же духе выступил и ирианец — католический священник. Молодая красивая женщина Нона Мардена, вероятно папуаска с примесью какой-то другой крови, говорила о необходимости уделить серьезное внимание экономическому развитию края. Она подчеркивала, что народу нужны современные орудия труда, электричество. Эти мотивы звучали и в других выступлениях. Один из ораторов отметил, что правительство Индонезии должно приложить все усилия, чтобы поднять уровень экономического развития Западного Ириана хотя бы до уровня других провинций страны.

Одно из заключительных выступлений звучало примерно так. Проведение плебисцита в какой бы то ни было форме не было необходимостью, поскольку народ Западного Ириана вместе со всем индонезийским народом сказал свое веское слово еще 17 августа 1945 г. Опрос представителей населения — это лишь напрасная трата средств, бесполезное бремя для страны. И без этого ясно, что Западный Ириан — неотъемлемая часть Индонезии. Но уж коль скоро проводится опрос, то не может

¹ По-индонезийски «свобода», «независимость».

² Сабанг — островок у северной оконечности Суматры. Мерауке — река на юго-востоке Западного Ириана в районе государственной границы. Лозунг «Индонезия от Сабанга до Мерауке» был лозунгом борьбы за воссоединение с Западным Ирианом.

быть иного ответа, кроме единодушного призыва к единению с Индонезией.

Выступления закончились пением индонезийского гимна и ликующими криками толпы на улице. Во время исполнения гимна все присутствующие, кроме послов и представителей ООН, встали. Некоторые индонезийцы восприняли это как проявление недружелюбия.

Председательствующий подытожил выступления участников заседания. Он подчеркнул, что народ Западного Ириана считает эту территорию составной частью Индонезии от Сабанга до Мерауке, не желает ее отделения от республики и одобряет пятилетний план экономического развития страны. Вслед за выступлением бупати началось голосование. На вопрос председательствующего, кто согласен с его выводами, следовало встать и поднять руку. Встали все члены совета, некоторые подняли обе руки. В заключительном слове министр внутренних дел поздравил присутствующих с результатами опроса и подчеркнул, что победа в Набири, третья по счету, по существу означает победу на всем Западном Ириане, так как поданное число голосов уже превысило 50% общего числа членов советов кабупатенов.

Вся церемония в Набири заняла около пяти часов. Выйдя из помещения, я зашел в соседний барак, чтобы познакомиться с небольшой выставкой. Здесь были представлены образцы сельскохозяйственных культур, выращиваемых на территории кабупатена — различные сорта риса, плоды, овощи, — показаны разнообразные образцы древесины, древесные смолы. Уже эта маленькая выставка давала представление об огромных природных богатствах края, благоприятных возможностях для развития его хозяйства. Интересна была и выставка рисунков местных школьников, которые пытались отобразить все, что видели вокруг себя: деревенские пейзажи, работающих в поле крестьян, детские игры. Рисунки отличались бесхитростной выразительностью.

В тот же день мы возвратились обратно в Биак, надеясь вылететь на следующий день утром в Джаяпуру. Но вылететь туда не пришлось — не было рейсового самолета. Чтобы не терять времени, я договорился с местными военными властями о небольшом путешествии на самолете военно-воздушных сил в Соронг, на крайнюю западную оконечность Ириана. Сначала моему примеру

**Любопытные жители одного из селений Западного Ириана
встречают самолет**

собиралась последовать целая компания журналистов, но в последний момент почему-то я остался один.

Самолет оказался совсем маленьким, шестиместным. Кроме меня летели бригадный генерал Рустамаджи Сутопо, который должен был заниматься пропагандистской подготовкой опроса в западных кабудатенах, и с ним два работника провинциальной информационной службы. Они везли тюки с листовками. Генерал был недавно назначен главой директората международных связей министерства информации. Мы разговорились. Как я понял, мой собеседник относился к той части националистически настроенных военных, которые видят необходимость развития контактов с Советским государством. Без этого, по их мнению, невозможна подлинно независимая внешняя политика страны. Генерал Сутопо высказался за возобновление широкого экономического сотрудничества между Индонезией и Советским Союзом.

Из окна самолета я мог вдоволь любоваться морем, испещренным островками и отмелями. Путь от Биака до Соронга занимает свыше двух часов. Часть пути летим

над морем, часть — над джунглями. Остается в стороне город Маноквари, расположенный на северо-восточном выступе полуострова Кепала Бурунг. В этом районе обитает группа небольших племен арафак, насчитывающих до 10 тысяч человек. Еще недавно здесь было неспокойно. «Движение свободного Папуа», имеющее свои эмигрантские центры в Нидерландах и в австралийской части Ириана и пользующееся поддержкой некоторых международных сил, приложило немало усилий, чтобы осложнить обстановку в провинции накануне опроса представителей населения. Очаги напряженности возникли в районе Маноквари, а также к юго-востоку от Набири.

Антиправительственное выступление племен арафак возглавил вождь этого племенного объединения Людвиг Мандачан. Однако, как отмечала индонезийская печать, главным зачинщиком волнений в районе Маноквари был не он, а некий Авом, бывший сержант созданного голландскими колониальными властями «корпуса папуасских добровольцев», личность без определенных занятий. Большую роль в этих событиях сыграла ссора Мандачана с представителями местных властей. Рядовые члены племен безоговорочно последовали за своим вождем. Как писал видный индонезийский журналист Нахар, племена «подчиняются племенным вождям и следуют традиционным обычаям. Все, что им приказывает вождь племени Людвиг Мандачан, они делают не раздумывая».

Здесь трудно говорить о каком-либо сознательном проявлении массовой борьбы на социально-экономической почве. Весь традиционный уклад жизни племен арафак, как и у большинства других племен острова, остался прежним. Изменения могли почувствовать лишь люди типа Авомы или те племенные вожди, которые прежде были тесно связаны с голландцами и пользовались их покровительством. Они лишились некоторых привычных благ и прониклись недовольством к новым правителям, у которых не всегда хватало гибкости, такта и опыта в обращении с местными вождями. Однако как индонезийская печать, так и официальные лица, с которыми доводилось беседовать, признавали, что определенные причины для недовольства у ирианцев могли быть. К ним относятся экономические трудности, наплыв индонезий-

ских чиновников, не знакомых с местными обычаями и традициями, неудовлетворенные притязания некоторых ирианцев, рассчитывавших занять после ухода голландцев более высокие посты, и т. п. Этим старались воспользоваться в своих целях сепаратисты. В бюллетене телеграфного агентства «Антара» я встретил любопытное объяснение причин ухода некоторых ирианцев в джунгли. Как подчеркивало агентство, нельзя считать этих людей сознательными сепаратистами. Они поддались влиянию участников «Движения свободного Папуа», настраивавших ирианцев против индонезийцев.

Правительство Индонезии в борьбе с мятежниками сочетало военные операции с политическими маневрами, с попытками вести переговоры с их вождями, привлекать на свою сторону с помощью подарков и даже производства в офицеры индонезийской армии. Применялась и такая форма воздействия на сепаратистов, как обращение к ним их влиятельных родственников, находящихся на индонезийской службе. Все эти меры дали свои результаты. Число повстанцев, оказывавших сопротивление войскам, таяло. В конце 1968 г. сдался с большой группой сторонников Баренц Мандачан, родственник вождя племен арафак. А вскоре сложил оружие и сам Людвиг Мандачан с остатками своей группы в районе Маноквари. Власти постарались обойтись со строптивыми вождями достаточно мягко, чтобы не отпугнуть других. Обоих Мандачанов доставили в столицу, где они были приняты президентом республики. Людвиг дал слово президенту, что постарается оказать влияние на тех своих сторонников, которые еще находятся в джунглях, чтобы они последовали его примеру.

После ликвидации очага сопротивления в районе Маноквари напряженность некоторое время сохранялась в центральной части провинции. К моменту проведения опроса обстановка на Западном Ириане была более или менее спокойной.

Летим вдоль северного побережья полуострова Кепала Бурунг. Берег, покрытый мангровыми зарослями, совсем безлюден. Не видно ни распаханых полей, ни строений. Зеленый ковер джунглей простирается до самого горизонта. Речки скрываются от нашего взора плотным сводом деревьев.

Аэродром Соронга находится на небольшом остров-

ке, напоминающем своими очертаниями остроносую морскую рыбину. Вдоль ее тела протянулась короткая взлетная полоса. Маленький домик аэровокзала, несколько служебных построек да груда бочек с горючим — вот и все, что есть примечательного на острове. Сам город Соронг находится на гористом берегу Ириана, отделенном от аэропорта широким проливом. На паромной дороге путь до города занимает минут сорок.

К сожалению, был воскресный день, и никаких средств морского транспорта на месте не оказалось. Не работала и связь между аэропортом и городом. Поэтому пилоты решили сразу же лететь обратно, а генерал и его два спутника с листовками остались ждать какой-нибудь случайной лодки или катера. Опасаясь надолго застрять в Соронге и отстать от группы журналистов, я был вынужден вернуться тем же самолетом в Биак. Хотя я и не увидел Соронг, я не жалел, что предпринял это небольшое воздушное путешествие, за время которого вдоволь налюбовался видами моря и побережья.

Вечером в том же отеле в Биаке я разговорился с голландцами, сотрудником посольства и корреспондентом газеты из Амстердама. Дипломат неохотно и односложно отвечал на мои вопросы и больше удрученно помалкивал. Корреспондент же с горькой откровенностью говорил о распаде голландской колониальной империи.

— Западный Ириан — наша очередная потеря, — сказал он. — Результаты этого опроса можно было предугадать. На очереди потеря latinoамериканских колоний. И с этим фактом нам придется примириться. Вы читали о недавних волнениях на острове Кюрасао в Карибском море? И суринамцы давно требуют независимости.

Голландец на минуту умолк, потом заговорил самоуверенно:

— Не нам одним приходится мириться с потерей колоний. Но мы с нашими капиталами еще будем нужны этим индонезийцам.

И голландский корреспондент высказал не новую для меня мысль. Да, с духом времени приходится считаться, хочешь того или не хочешь. Старый колониализм уходит в безвозвратное прошлое. Но потерю колоний можно и нужно компенсировать за счет мирной экономической экспансии в развивающиеся страны, инвести-

рования капитала голландских монополий. Индонезия — одна из стран, в которых голландский капитал кровно заинтересован. Потом я узнал, что незадолго до моей поездки на Ириан министр горнорудной промышленности Индонезии подписал от имени правительства контракт с международной корпорацией монополистов «Пасифик Никель Индонезия», открывающий иностранному капиталу дорогу в добычу никелевой и кобальтовой руд в западноирианской провинции. В числе ее акционеров две голландские фирмы. Голландский капитал привлекается также в разработку месторождений медной руды на Западном Ириане.

В ДЖАЯПУРЕ

Наконец-то вылетаю в центр западноирианской провинции Джаяпуру на каком-то расхлябанном допотопном самолете. Говорят, что это американская «Дакота» старого образца. Самолет принадлежит не государственной авиакомпании «Гаруда», а частно-государственной компании «Мерпати», обслуживающей местные линии.

Вскоре после вылета самолет попал в полосу дождевых туч. Дождь лихо барабанил по металлической обшивке фюзеляжа. Временами казалось, что наша старенькая «Дакота» разваливается на куски. Такого тяжелого перелета я не испытывал еще ни разу в жизни. Но вот тучи несколько рассеялись, и я смог различить землю. Мы летели на небольшой высоте, над средней частью северного побережья Западного Ириана. Пересекли обширную дельту одной из самых значительных рек провинции, Мамберамо. При впадении в Тихий океан река растекалась на множество рукавов и протоков, составлявших причудливый лабиринт. Река протекала по болотистой долине, поросшей джунглями. К востоку от дельты потянулись холмы и горы. Здесь местность была более обжитой. На морском побережье иногда попадались деревушки рыбаков, в долинах виднелись обработанные поля.

Над одной из таких обжитых и возделанных долин самолет круто пошел на посадку. Мы сели на аэродроме, километрах в пятидесяти от Джаяпуры. В помеще-

нии небольшого аэровокзала было оживленно. Толпились военные, какие-то европейцы. Вся эта публика кого-то встречала, кого-то провожала.

Попасть в Джаяпуру целая проблема, так как такси здесь нет, а встречать меня и моих коллег-журналистов никто не собирался. Пришлось прибегнуть к помощи всеведущих и всемогущих военных. Я подошел к старшему по чину офицеру, кажется майору, и попросил его помочь мне. Какой может быть разговор, конечно он готов помочь гостю. Меня втиснули в маленький автобусик западногерманской марки «Фольксваген», набитый сверх всякой меры офицерами, их женами, детьми и денщиками.

Асфальтированное шоссе от аэродрома до Джаяпуры в сравнительно хорошем состоянии. Оно вьется по живописным лесистым холмам. Попадаются деревушки ирианцев, уже приобщенных к цивилизации и потерявших самобытные черты, характерные для папуасских селений в центральных и южных районах провинции. Здесь и вид жилищ и тип одежды жителей близки к индонезийскому. Отличительной чертой здешних деревень являются черные остропылые свиньи, такие же, каких я встречал у батаков-христиан, да скромные протестантские церквушки.

Типы жилищ у жителей Ириана разнообразны. В одних райснах хижины ставят прямо на земле, в других — на высоких сваях, достигающих иногда восьмиметровой высоты. Свайный тип особенно распространен в низменных, болотистых районах. Нередко жилища на сваях ставят на речном или морском мелководье. Стены делаются из бамбука и древесной коры, крыша — из пальмовых листьев или камыша. Забираются в такую хижину по легкой лестнице из бамбуковых жердей или по стволу с зарубками. В некоторых центральных районах папуасы строят небольшие круглые хижины диаметром до четырех метров с травяной крышей. Бродячие и полuosедлые папуасы довольствуются в качестве временного жилья шалашом или простым навесом, защищающим от дождя. Некоторые племена живут в лодках. Очаг, циновки да нехитрая утварь для хранения и приготовления пищи — вот и все скудное убранство хижины папуаса. Предметы современного быта — мебель, посуду, радиоприемники — можно встретить лишь там, где ирианцы в

Деревня в центральной части Западного Ириана

большей степени подверглись воздействию быта и культуры индонезийцев и европейцев. К таким районам можно отнести, например, Биак и северное побережье Ириана в окрестностях Джаяпуры.

По правую руку открывается вид на большое озеро. На берегу свайные хижины рыбаков. Мои спутники рассказывают, что в озере водятся крокодилы, попадаются иногда огромные белые экземпляры. Они отличаются весьма агрессивным нравом, нередко нападают на людей и даже, бывает, переворачивают лодки с рыбаками. Было уже немало жертв, поэтому местные жители их очень боятся. Майор, как видно, был заядлым любителем всяких баек, в которых народные легенды и фантазия самого рассказчика явно преобладали над фактической стороной. Крокодил, как известно, один из любимых персонажей таких рассказов. Обычно это злое и алчное существо. Недаром же слово «буая», т. е. крокодил,—самое бранное в лексиконе индонезийских ругательств.

— Здешние жители считают, что белые крокодилы — это оборотни,— сказал майор.— В них вселяются души

злых людей. Время от времени эти существа могут превращаться в людей и приносить всякие несчастья. Лучше не встречаться с ними. Али, расскажи, что с тобой однажды случилось.

Сидевший за рулем шофер-солдат Али рассказал:

— Ехал я однажды в аэропорт встречать моего туана. Выезжаю из города, вижу — стоит у дороги пожилой человек в белой рубашке, здешний. Курчавый и черный. Поднимает руку, просит, значит, чтобы прихватил его. Остановил я машину. Садись, говорю. Пассажир молчит, как я ни стараюсь разговориться с ним. Молчит, да и все тут. Дурной человек оказался.

— Почему ты решил, что дурной? — спросил кто-то.

— Хороший человек поддержал бы беседу, рассказал что-нибудь занятное. А этот молчит. Видать, дурные свои замыслы обдумывает. Подъехали к озеру, просит остановиться. Мне, говорит, сюда. Вышел из машины и словно провалился куда-то. Вдруг слышу всплеск... Бултых! Понял я, что пассажир тот оборотнем был.

— Откуда ты знаешь, что оборотнем был? Может быть, рыбак это из прибрежной деревни, — возразила одна из моих попутчиц.

— Говорю, оборотень. Молчал же всю дорогу. И потом всплеск... Что-то тяжелое бултыхнулось.

— А если точно оборотень, мог бы обратиться в кродила и в машине.

— А вот этого никак не могло случиться, — убежденно сказал шофер. — Говорят, что оборотень снова превращается в белого кродила только в воде.

— Слышите, туан? — обратился ко мне майор. — Мой Али никогда не врет.

Я так и не понял, разыгрывала ли меня эта честная компания, видя во мне простачка-иностранца, или же верила во все эти сказки про белых крокодилов и оборотней. Индонезийцы обладают поразительным умением говорить шутя о самых серьезных вещах и шутить с самым серьезным видом. И не всегда разберешь, где кончается шутка и начинается разговор всерьез. Далее майор стал уверять меня, что опытные охотники не боятся самого свирепого кродила и знают способы, как справиться с ним. Можно, например, нырнуть под него и пощекотать животному брюхо. Тогда крокодил растеряется, и его легко убить или поймать. А еще старые охот-

ники знают заговоры и заклинания, которые парализуют волю крокодила. Прочитай такое заклинание проникновенно и выразительно, и он, даже если это оборотень, пойдет за тобой, как ласковая собачонка. Бери его тогда голыми руками. Когда же я спросил майора, верит ли он сам в свои рассказы, он ответил неопределенно — люди, мол, говорят, а я за что купил, за то и продаю.

Ближе к городу селения попадают чаще. Встречаются на нашем пути воинские казармы, здание местного университета «Чендравасих», миссионерская техническая школа. Вот, наконец, открывается вид на бухту. Мы в Джаяпуре. Мои попутчики высаживают меня в центре города.

При голландцах административный центр Западного Ириана назывался Холландия. Это был маленький городок с населением не более десяти тысяч. Еще до воссоединения западноирианской провинции с территорией республики правительство Индонезии переименовало его в Котабару (Новый город), а затем назвало его Сукарнапура в честь президента страны. После удаления Сукарно с политической арены центр провинции получил новое название — Джаяпура. Город быстро растет за счет значительного притока индонезийских чиновников и всенных и отчасти учащихся. Сейчас в нем около сорока тысяч жителей.

Джаяпура разбросан по побережью небольшой бухты, недалеко от государственной границы. В бухте два маленьких островка. Между ними и восточным берегом, в мелководном проливе, вытянулась длинной полосой свайная деревушка рыбаков. Между островками и западным берегом — глубокий фарватер, по которому в бухту могут заходить океанские корабли.

Город делится на две удаленные друг от друга части — старую и новую. Впрочем, термин «старый» в данном случае очень относителен. Город еще сравнительно молод. «Старая» деловая часть находится в прибрежной долине при впадении в бухту небольшой речки, в районе наибольшего удаления от выхода в океан. Здесь находятся административные учреждения, фирмы, провинциальный парламент, лавки, в основном китайские, протестантская и католическая церкви, построенные в стиле «модерн». Церкви не были единственными следами активной деятельности миссионеров. Я увидел здание какой-то

христианской миссии, выделяющееся среди окружающих строений, заходил в миссионерский книжный магазин, где наряду с Библией и популярным изложением священного писания продавались издания местных организаций миссионеров, популяризирующие их деятельность. К деловой части города примыкает порт с причалом и портовыми складами, рынок. У причала стояли пришвартовавшиеся два грузовых судна, голландское и индонезийское. Последнее называлось «Нани Вартабоне» в честь известного деятеля национально-освободительного движения против колонизаторов на Северном Сулавеси.

«Новая» часть города расположена на возвышенном западном берегу бухты. Здесь находятся резиденция губернатора, особняки местной знати, единственная приличная в городе гостиница, превращенная в общежитие постоянно проживающих там чиновников и офицеров. Между старой и новой частью города, на берегу бухты, раскинулись постройки штаба военного округа.

Свое пребывание в Джаяпуре я начал с визита в пресс-отдел провинциального управления. Вслед за мной сюда прибыло еще около десятка индонезийских журналистов, добравшихся с аэродрома в город разными okazиями. Пресс-отдел снабдил нас местными информационными изданиями, но до прихода представителя военных властей не смог решить никаких вопросов, связанных с нашим размещением на ночлег, регистрацией документов в иммиграционном контроле и приобретением обратного билета на самолет. Через некоторое время появился армейский офицер, подполковник Адап Аурдам, который мог все решить. Он занимал должность начальника информационного отдела штаба военного округа.

Я попросил подполковника организовать для меня ряд встреч с представителями гражданских и военных властей провинции, но получил ответ, что сейчас вряд ли это возможно. Все более или менее высокопоставленные лица из провинциального аппарата разъехались по провинции в связи с проведением «акта свободного волеизъявления». Однако подполковник сам вызвался удовлетворить мое любопытство и ответить на мои вопросы. Я попросил его рассказать о том, какие основные задачи ставят перед собой правительство Индонезии и про-

винциальные власти в экономическом развитии Западного Ириана, и услышал следующий ответ.

Голландские колонизаторы уделяли мало внимания экономическому развитию Западного Ириана, ограничиваясь незначительной нефтедобычей в западной части этой территории, столь же незначительными лесозаготовками и отдельными малоуспешными попытками наладить плантационное хозяйство. Голландцы оставили на Ириане тяжелое наследие — полное отсутствие промышленности, бездорожье, первобытный уровень земледелия, почти поголовную неграмотность. Перед правительством республики встало множество сложных проблем. Некоторые успехи в решении этих проблем в последние годы достигнуты. Это касается просвещения и здравоохранения. Труднее решать экономические задачи, требующие огромных материальных затрат. Правительство придерживается той точки зрения, что без значительного притока иностранного капитала невозможно серьезное развитие Западного Ириана. Поэтому одна из главных задач — всемерное привлечение иностранных инвестиций и кредитов. В настоящее время японские компании вкладывают свой капитал в лесоразработки на западе провинции. Ряд иностранных компаний будет участвовать в добыче полезных ископаемых на юге. В Джаяпуре в руках голландских предпринимателей сохранились два небольших ремонтных предприятия. Принадлежавшие ранее англо-голландской нефтяной компании «Шелл» промыслы на западе провинции были в свое время национализированы и переданы государственной компании «Пертамина». Однако за последние годы добыча нефти здесь резко упала. Ряд нефтяных скважин заброшен. Можно надеяться, что приток иностранного капитала оживит и эту отрасль хозяйства. В провинции обнаружены огромные запасы разнообразных полезных ископаемых, в том числе урановой руды.

Наблюдая за подготовкой к «акту свободного волеизъявления» на Западном Ириане, а затем будучи свидетелем его проведения, я убедился, что западные империалистические державы, пытавшиеся сначала всеми мерами сохранить голландское колониальное господство на этой территории, в конце концов заняли терпимую позицию в отношении закрепления западной части острова за Республикой Индонезией. Немаловажную роль

в подобном изменении позиции сыграли открывающиеся для империалистических монополий возможности участвовать в эксплуатации природных богатств Индонезии. Американские, японские, западноевропейские монополии не замедлили ринуться на Западный Ириан. Вопрос, кто в настоящее время является юридическим хозяином ирианской территории, теперь уже не имел для представителей иностранного монополистического капитала первостепенного значения.

Разместить небольшую группу журналистов на ночлег оказалось целой проблемой. Моих индонезийских коллег устроили в каком-то подсобном помещении полицейской казармы. Спать им пришлось на голом полу, подвергаясь свирепым атакам прожорливых москитов. Со мной поступили более гуманно, направив на ночлег в маленький гест-хауз — сочетание харчевни и ночлежки. Легкое деревянное строение гест-хауза стояло на берегу бухты, невдалеке от пресс-отдела. В нем были закусочная, жилище хозяйки и три-четыре комнаты для постояльцев. Меня поместили в комнату вместе с пожилым корреспондентом голландского радио, и бизнесменом-индонезийцем, торговцем батиком. Голландец находился на Ириане уже давно. Он наговорил на магнитофонную пленку репортажи об обстановке в провинции. Насколько я мог понять из бесед с ним, обстановку эту он оценивал крайне негативно, о мероприятиях индонезийского правительства отзывался желчно и недоброжелательно и утверждал, что на Западном Ириане существует широкая антииндонезийская оппозиция. Бизнесмен недавно основал в Джаяпуре небольшую батиковую фабрику и проводил все свое время там. В зале закусочной были выставлены образцы его продукции.

Хозяйку заведения можно было принять за папуаску. В действительности же она происходила с острова Амбон. Она переселилась с семьей на Западный Ириан вскоре после передачи этой территории под индонезийское управление в надежде сделать здесь удачный бизнес. Ее планы сводились к тому, чтобы со временем построить маленькую гостиницу с рестораном. Население города стремительно растет, жилья и гостиничных номеров не хватает, поэтому она надеется, что комнаты в ее заведении не будут пустовать. Мой сосед-постоялец тоже рассчитывал расширить свою фабрику и успешно

сбывать батики местным жителям. Передо мной были два типичных дельца, представители мелкого национального капитала с их скромными масштабами и устремлениями, несоизмеримыми с масштабами и устремлениями иностранных монополистических фирм.

Никакой официальной программы для нас, журналистов, не было предусмотрено. Мы могли распоряжаться временем по своему усмотрению, знакомиться с городом и делать все, что нам заблагорассудится. Поскольку мы были предоставлены самим себе, то пошли побродить по городу и познакомиться с его достопримечательностями. В деловой части города было десятка два лавочек, разумеется китайских. Вездесущие китайцы проникли и сюда. На базаре, находящемся вблизи порта, продавали фрукты, овощи, домашнюю птицу, рыбу, креветки, пряности. Мы с моим коллегой, корреспондентом газеты «Мердека» из Джакарты, поинтересовались местными ценами и убедились, что основные продукты питания здесь значительно дороже, чем на Яве. Это можно объяснить тем, что многие из продуктов привозные (с других островов), а сельское население провинции живет преимущественно в условиях натурального хозяйства и слабо связано с рынком. И все же у определенной категории городского населения жизненный уровень здесь выше. Мы были свидетелями, как хозяйки покупали разную снедь и отсчитывали за нее крупные суммы. Дело в том, что правительство, чтобы создать для работающих здесь правительственных чиновников материальный стимул, платит им надбавку к зарплате за удаленность. Поэтому их зарплата значительно выше, чем у чиновников той же категории в других провинциях. Подобными льготами пользуются только индонезийцы, командированные сюда из других районов страны, но не местные жители. И это создает почву для недовольства, в чем я вскоре убедился.

Вечером после ужина я решил навестить ректора университета «Чендравасих», жившего в гостинице «Негара». Ректор, армейский полковник Марпаунг, юрист по профессии, назначен на этот пост недавно. Оказалось, что он жил по меньшей мере километрах в трех от моего гест-хауза. Дорога шла в гору. Даже с наступлением сумерек жара не спала, и шагать было трудно. На мое счастье, меня окликнул какой-то мотоциклист, оп-

рядно одетый ирианец, и вызвался подвезти. Я взобрался на заднее сиденье мотоцикла. Мотоциклист поинтересовался не голландец ли я, и был удивлен и как будто даже разочарован, узнав, что я советский корреспондент.

— А я папуа,— сказал он.— Понимаете, папуа, а не индонезиец. Это разные народы. Я сторонник «Движения свободного Папуа». Наша цель — отделение от Индонезии и создание самостоятельного папуасского государства. Проводимый опрос не отражает наших настроений.

— Но позвольте... Ирианцы единодушно высказываются за единение с Индонезией.

— Темные невежественные люди... Они сами не знают, что делают. Судьбу Ириана должны решать мы, интеллигенты.

— Простите за любопытство, каков ваш род занятий?

— Служащий,— неопределенно ответил ирианец.

— И при голландцах были служащим?

— С голландцами можно было ладить. Они нуждались в образованных папуасах. Ведь таких, как я, были считанные единицы. Разве не мог бы я теперь быть владельцем не этого старого мотоцикла, а по меньшей мере «мерседеса»?

Далее ирианец рассказал, что отец его протестантский пастор, а его родственники живут в Голландии и совсем не жалуются на свое житье. По-видимому, этот парень принадлежал к той немногочисленной прослойке населения провинции, которая прежде была связана с голландским колониальным аппаратом и пользовалась некоторыми благами.

За всю свою поездку на Ириан я встретил только двух ирианцев, высказывавших оппозиционные настроения и называвших себя сторонниками «Движения свободного Папуа». Одним из них был этот молодой мотоциклист, другим — шофер, доставивший меня из города обратно на аэродром. Насколько мне известно, были случаи, когда моих коллег, европейцев-журналистов, останавливали на улицах Джаяпуры и других городов какие-то люди, жаловались на порядки, просили «оказать содействие в освобождении от власти индонезийцев» и пытались вручить петиции и письма с просьбой передать их своему правительству и даже в ООН.

Факт остается фактом — на Ириане имеется антииндо-

незийская оппозиция сепаратистского толка, но она слаба и малочисленна. К ней примыкает лишь узкая прослойка грамотного городского населения: служащих, интеллигентов, священнослужителей и т. п., связанных в прошлом с голландской колониальной администрацией. При всех основаниях для недовольства из-за трудностей периода становления, оппозиция носит прозападный, точнее, проголландский характер, не пользуется поддержкой основной массы населения и пытается найти опору на капиталистическом Западе. Поэтому подобная оппозиция лишена будущего.

Ректор полковник Марпаунг занимал тесный однокомнатный номер гостиницы. Семью пришлось оставить в Джакарте в ожидании лучших времен. Электрическая лампочка тускло мерцала в номере — не хватало электроэнергии. Марпаунг производил впечатление умного, инициативного человека, сознающего трудности и важность обязанностей ректора. По его глубокому убеждению, правительство Индонезии не сможет заручиться прочной поддержкой местного населения без глубоких социально-экономических преобразований, а также целого комплекса просветительских мероприятий, расширения сети школ. Необходимо серьезное, вдумчивое изучение культуры, языков народов Западного Ириана. Ректор мечтает о создании хорошего музея, исследовательского института антропологии и этнографии, о развитии университета до уровня нормального высшего учебного заведения, дающего полноценный диплом. Но все эти планы упираются в проблему финансов.

Пока западноирианский университет «Чендравасих» представляет, по сути дела, лишь первую ступень нормального индонезийского университета — обучение здесь ограничено тремя годами. После окончания этого срока учебы студенты получают диплом младшего специалиста. Чтобы получить законченное высшее образование, нужно продолжить учебу на старших курсах одного из индонезийских университетов за пределами Западного Ириана. В настоящее время в университете «Чендравасих» три факультета: правовой, педагогический и ветеринарно-сельскохозяйственный. Последний находится не в Джаяпуре, а в Соронге. Кроме того, в Соронге же и в Биаке располагаются небольшие отделения правового факультета, готовящие специалистов административно-

го профиля. Педагогический факультет имеет отделения: историческое, индонезийской филологии, английской филологии, естественное и географическое. В университете и его отделениях обучается до тысячи студентов — не так уж много по масштабам индонезийских университетов. Преподавателей не хватает, поэтому приходится привлекать к чтению лекций и проведению практических занятий более или менее образованных чиновников провинциального аппарата. Примерно половина студентов — ирианцы, остальные индонезийцы. Подавляющее большинство студентов-ирианцев принадлежит к четырем наиболее развитым и охваченным школьным обучением племенам: биак, соронг, кай и муку.

При университете создан небольшой научный центр, делающий первые попытки по изучению этнографии, религиозных верований, адата папуасских племен. Ведется подготовительная работа по созданию музея народов Западного Ириана. Уже собрано несколько коллекций для будущей экспозиции.

В разговоре с ректором возник вопрос об изучении папуасских племен в Советском Союзе. Я рассказал о трудах ленинградского ученого Николая Бутинова, крупнейшего в нашей стране папуасоведа, выпустившего большое исследование «Папуасы Новой Гвинеи». Рассказал и о богатейших экспозициях, посвященных народам Индонезии и Океании, в ленинградском Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого. В них представлены и папуасские коллекции. Вспомнил и о великом русском ученом-гуманисте и путешественнике Н. Н. Миклухо-Маклае, жившем среди папуасов Новой Гвинеи и положившем начало папуасоведению в России. Ректор слушал меня с интересом, однако упомянутые мною имена ничего не говорили ему. Он впервые слышал даже имя Миклухо-Маклая и попросил меня прислать какие-нибудь материалы об этом ученом.

Перед возвращением в Биак я должен был нанести визит в иммиграционную контору и заполнить там какие-то анкеты. Потом чиновник поставил на моем разрешении на посещение Ириана, выданном министерством внутренних дел, большую печать — нечто вроде выездной визы. В дальнейшем никто этой печатью не интересовался.

Удалось договориться с шофером-папуасом, аренду-

ющим небольшой автобусик фольксваген у богатого китайца. За 150 местных рупий (цена немалая) он согласился отвезти меня в аэропорт. Когда мы выезжали из города, нам повстречались мои коллеги, индонезийские журналисты, тоже спешившие на аэродром. Они замахали руками, желая, чтобы мы подвезли их. Шофер притормозил и крикнул:

— Не могу вас взять. Я должен заехать в порт за грузом.

Ни за каким грузом мы не заезжали. Я спросил у шофера, почему он не захотел взять журналистов. Он ответил откровенно:

— Не люблю индонезийцев. Ведь я не индонезиец, а папуа. При голландцах я совсем не плохо жил. Возил одного большого белого господина.

Снова тряска в стареньком самолете. Опять под нами джунгли, болота, многоводные реки. Снова Биак и гостиница на берегу лазоревого океана. Возвращение в Джакарту на рейсовом самолете «Гаруды». Остается позади Западный Ириан, Ириан Джая, как называют его теперь индонезийцы. К сожалению, мне удалось побывать лишь в нескольких пунктах западноирианской провинции. В Биаке, Набири и Джаяпуре я общался с ирианцами, чей быт и весь жизненный уклад уже испытывали значительное влияние индонезийской культуры.

Уже находясь в Джакарте, я узнал, что «акт свободного волеизъявления» был успешно проведен во всех кабудатенах Западного Ириана, ставшего таким образом неотъемлемой частью Республики Индонезии. Вскоре парламент республики принял резолюцию, подводившую итоги проведения акта. Резолюция подчеркивала, что, согласно решению консультативных советов, Западный Ириан остается в составе Республики Индонезии. Индонезийское государство выполнило свою миссию, возложенную на него соглашением с Нидерландами 1962 г.

Проведение «акта свободного волеизъявления» означало серьезную морально-политическую победу Индонезии, завершившую территориальное воссоединение страны. Западный Ириан теперь и юридически стал неотъемлемой частью индонезийской территории.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ	3
ИЗ ДЖАКАРТЫ НА СЕВЕР СУМАТРЫ	4
ГОРОД МЕДАН	11
СТРАНИЧКА ИСТОРИИ	18
НА ПЛАНТАЦИЯХ СЕВЕРНОЙ СУМАТРЫ	27
МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОВИНЦИЯ	46
В УНИВЕРСИТЕТЕ И У СВЯТЫХ ОТЦОВ	61
НА ОЗЕРЕ ТОБА	67
В СТОЛИЦЕ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КАЛИМАНТАНА	81
ДИАЛОГИ И СПОРЫ	92
ПОЕЗДКИ ПО ЮЖНОМУ КАЛИМАНТАНУ	105
ДОРОГОЙ ДРУЖБЫ	118
ЦЕНТР БАНДЖАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ	130
СВИДЕТЕЛЬ «АКТА СВОБОДНОГО ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ»	137
НА ОСТРОВЕ БИАК	143
В НАБИРИ	157
В ДЖАЯПУРЕ	170

Лев Михайлович Демин

НА ДАЛЬНИХ ОСТРОВАХ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *О. М. Гармсен*
Младший редактор *А. В. Бодянская*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Л. М. Кольцина*

ИБ № 13976

Сдано в набор 26.02.80. Подписано к печати
23.06.80. А-01845. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
гипографская № 2. Гарнитура литератур-
ная. Печать высокая. Усл. п. л. 9,66.
Уч.-изд. л. 9,87. Тираж 15 000 экз. Изд.
№ 4751. Зак. № 120. Цена 60 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

60 к.